

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера

Разоружение – фактор стратегической стабильности

5

Ю.Белобров

Отметив, что поддержание стратегической стабильности между ядерными державами, в первую очередь между Россией и США, в современном неустойчивом и противоречивом миропорядке является важнейшим условием сохранения международного мира и безопасности, автор считает, что важную роль при этом призваны сыграть также меры разоружения, с помощью которых можно добиться взаимного сокращения стратегических наступательных вооружений (СНВ) и ограничения дестабилизирующих видов оружия, ослабив бремя расходов на их содержание и совершенствование.

Стратегия сдерживания в политике США

14

О.Иванов

На основе политологического анализа американской стратегии сдерживания в период “холодной” войны и после ее окончания автор раскрывает сущность и некоторые особенности ее применения США в настоящее время.

Политико-правовые аспекты международного сотрудничества в борьбе с терроризмом в рамках ШОС

25

Ю.Бойко, Э.Садыкова

Анализируя особенности современного международного терроризма, авторы отмечают важность противостояния этой угрозе не только на национальном и международном, но и на региональном уровне. В этой связи в статье рассмотрены истоки, динамика и перспективы развития Шанхайской организации сотрудничества как политическо-го и правового механизма поддержания безопасности в азиатском регионе.

Влияние “Группы восьми” на формирование глобальной стратегии борьбы с терроризмом 32

Е.Поляничко

Рассматривая роль “Группы восьми” в формировании глобальной контртеррористической стратегии, автор показывает деятельность группы в области формирования режима борьбы с финансированием терроризма, а также комментирует решения саммитов в Санкт-Петербурге (2006 г.) и Хайльгендамме (2007), направленные на усиление борьбы с терроризмом, и роль России в этом процессе.

Политика НАТО в отношении ядерного оружия 42

В.Круглов, М.Сосновский

Рассматривая некоторые аспекты ядерной политики и особенности ядерного планирования блока НАТО, а также взгляды военно-политического руководства отдельных стран на размещение американского ядерного оружия в Европе, авторы дают прогноз размещения американских авиационных ядерных бомб в Европе на ближайшее десятилетие.

Экспорт в условиях объединенной Германии 55

В.Андреюк

Констатируя факт снижения внешнеторгового оборота ФРГ со странами Ближнего Востока, автор показывает, как это повлияло на внутреннюю экономическую ситуацию в ФРГ и отразилось на объемах помощи, направляемой в регион и, в конечном итоге, на пассивность руководства страны в период ближневосточного мирного процесса.

Межгосударственные отношения в Северо-Восточной Азии 62

Е.Задворная

Рассматривая проблему и роль культурной идентичности в многосторонних отношениях в регионе Северо-Восточной Азии, автор анализирует основные подходы к изучению данной проблемы, а также возможные пути развития отношений в контексте влияния культурной идентичности, излагает основные проблемы и сложности в развитии интеграции в регионе и многосторонних механизмов сотрудничества.

Захват Ирака: причины, последствия, перспективы 69

А.Вавилов

В третьей части статьи на основе анализа попыток американского руководства найти выход из иракского тупика автор рассматривает “новую стратегию” США в Ираке, ее генезис, цели и задачи.

Бог велел делиться 81

А.Абашидзе, А.Солнцев, О.Миловидов

Указав, что в течение многих лет развитые страны Запада зарабатывали огромные деньги на бесплатном использовании генетического материала, собираемого в развива-

ющихся странах, авторы рассматривают международно-правовые нормы, помогающие решить проблемы доступа к генетическим ресурсам и совместного использования выгод (ДСИ) с тем, чтобы соответствующую часть прибыли от реализации своих генетических ресурсов могли получать и развивающие государства.

Оригиналы секретных протоколов – настол!

87

В.Сидак

Автор статьи – бывший начальник Секретариата КГБ СССР и многолетний помощник В.А.Крючкова, вновь поднимает проблему аутентичности текстов секретных протоколов к так называемому пакту Риббентропа – Молотова, хранящихся в Политическом архиве ФРГ и Архиве Президента Российской Федерации, и дает свои оценки работе специальной Комиссии Съезда народных депутатов СССР, возглавлявшейся А.Н.Яковлевым, Ю.Н.Афанасьевым, В.М.Фалиным и Э.Липмаа, и двусторонней комиссии ученых ПНР и СССР во главе с Г.Л.Смирновым и Яремой Мачишевским, а также полемизирует с отдельными положениями книг В.М.Фалина “Сумерки богов по-русски” и В.И.Болдина “Крушение пьедестала”.

Антифашистское движение немецких военнопленных в СССР (1941–1945 гг.)

106

В.Галицкий

Автор исследует историю зарождения и деятельности антифашистского движения в советских лагерях немецких военнопленных, а также значение и роль, которую оно сыграло в разложении армии и тыла фашистской Германии, изобличении сущности фашизма изнутри, разоблачении и наказании военных преступников и оказании помощи советскому народу в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства.

Политико-правовые основы немецкого рейха

119

И.Антонов

В статье рассматриваются проблемы международно-правового статуса ФРГ и ГДР после окончания Второй мировой войны, обоснование немецкими учеными и политиками теории существования немецкого рейха, идеологические разногласия между СССР и западными союзниками в решении “германского вопроса”, предпосылки создания объединенной Германии.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень введен в действие с 1 января 2007 года.

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, ЕРЕМЕНКО И.Н. – исполнительный директор, НОВИКОВ Ю.Д. – заместитель главного редактора, АБАШИДЗЕ А.Х., БЕРКОВ А.А., БОЙКО Ю.П., ДЕРЯБИН Ю.С., ЗАДОХИН А.Г., ЗИМЕНКОВ А.Л., ИЗВЕКОВ Н.Н., КОМАРОВ И.К., КОТИЛЕВСКИЙ М.Д., КРУГЛОВ В.В., ЛЕБЕДЕВ Ю.В., ЛУНЬКОВ А.Г., ОРЛОВ А.А., РЕПКИН Ю.М.

Научно-редакционный совет

- АРИСТОВ В.В. – член-корреспондент РАН
БАБАЯН Э.А. – председатель Постоянного комитета по контролю наркотиков при Минздраве РФ, член Международного комитета ООН по контролю наркотиков, доктор медицинских наук, профессор
- ГАБАРАЕВ Б.А. – генеральный директор ФГУП «Научно-исследовательский и конструкторский институт «Энерготехника» им. Н.А.Доллежала», доктор технических наук
- ГАЛОГАНОВ А.П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
- ГРИБ В.В. – заместитель Председателя комиссии по региональному развитию и местному самоуправлению Общественной палаты России, заместитель Председателя правления Ассоциации юристов России
- ДЕЛЯГИН М.Г. – председатель Президиума – научный руководитель Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
- ЕФИМОВ Б.Е. – народный художник СССР
ЖУРКИН В.В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
ЗОРИН В.С. – политический обозреватель государственной радиокompании «Голос России», первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
- ИВАШОВ Л.Г. – президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
- ИВЛИЕВ Г.П. – депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ, председатель комитета по культуре
- КРЕМЕНЮК В.А. – заместитель директора Института США и Канады РАН, доктор исторических наук, профессор
- ЛАДЫГИН Ф.И. – вице-президент Союза ветеранов военной разведки, генерал-полковник
ПЕТРАКОВ Н.Я. – директор Института проблем рынка РАН, академик РАН
ПИВОВАРОВ Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН
ПРИМАКОВ Е.М. – академик РАН
СУХАРЕВ А.Я. – советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор
- ТИТАРЕНКО М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
ТОРКУНОВ А.В. – ректор МГИМО-Университет МИД РФ, академик РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель Российской ассоциации содействия ООН
- ШАХНАЗАРОВ К.Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
ЯКОВЛЕВ В.Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

Разоружение – фактор стратегической стабильности

Юрий Белобров

На протяжении уже более четырех десятилетий стратегическая стабильность не только реальность российско-американских отношений, но и центральный приоритет интенсивного диалога двух держав по международной проблематике. Регулярное обсуждение вопросов стратегической стабильности на встречах президентов России и США, а также министров иностранных дел и обороны двух стран свидетельствуют об обоюдном желании Москвы и Вашингтона взаимодействовать в этих вопросах.

Проведенная весной 2008 г. серия российско-американских переговоров и консультаций на эту тему как на высшем уровне, так и с участием министров иностранных дел и обороны вновь подтвердила их взаимный интерес к этому. Весьма продуктивной в этом плане стала встреча президентов В.В.Путина и Дж.Буша в Сочи (начало апреля с.г.), на которой были согласованы стратегические рамки российско-американских отношений на предстоящие годы.

В современном неустойчивом и противоречивом миропорядке, который отражает баланс сил, сложившийся после второй мировой войны и окончания “холодной” войны, поддержание стратегической стабильности остается важнейшим условием обеспечения глобальной безопасности. В ее основе лежит паритет военной мощи двух держав, достигнутый к концу 60-х годов ценой колоссальных усилий СССР. При этом ключевую роль (в успешном решении задачи обеспечения стратегической стабильности наряду с сохранением равновесия ракетно-ядерных сил сдерживания России и США играют меры разоружения, с помощью которых можно добиться взаимного сокращения стратегических наступательных вооружений (СНВ) и ограничения дестабилизирующих видов оружия, ослабив таким образом бремя расходов на их содержание и совершенствование.

БЕЛОБРОВ Юрий Яковлевич окончил МГИМО, старший научный сотрудник Центра проблем безопасности, контроля над вооружениями и миротворчества Института актуальных международных проблем Дипакадемии МИД России, старший советник МИД России в отставке.

Ключевые слова: Глобальная (международная) безопасность, гонка вооружений, контроль над вооружениями, разоружение, паритет сил возмездия, ракетно-ядерные силы сдерживания, ограничение стратегических наступательных вооружений, стратегическая стабильность, стратегическое равновесие, распространение ОМУ, ядерное нераспространение.

Таким образом, между стратегической стабильностью, безопасностью и разоружением существует прямая взаимосвязь.

В условиях установления стратегической стабильности активизируется процесс разоружения, который, в свою очередь, способствует ее дальнейшему упрочению и, как следствие этого, укреплению международной безопасности.

Подобная взаимосвязь между разоружением, безопасностью и, следовательно, стабильностью признается и на Западе.

Так, например, Председатель Совета директоров американской Ассоциации по контролю над вооружениями Дж. Стайнбрунер отмечает, что разоружение (или "контроль над вооружениями" по американской терминологии) "составляет необходимый компонент общего международного права и как таковой представляет собой жизненно важный интерес для всех стран мира, в том числе для США). Большинство этих стран считает, что их безопасность гораздо больше зависит от юридического регулирования, чем от собственных военных возможностей, и, как можно предсказать, будет с упорством отстаивать важнейшие нормы международных ограничений, от которых зависит их безопасность"¹.

В последнее время процесс разоружения, стратегическая стабильность и международная безопасность по разным причинам сталкиваются с серьезными опасностями, грозящими ликвидировать завоевания, достигнутые международным сообществом в предыдущие десятилетия.

Деструктивную роль в этом, прежде всего, играют США. Их попытки уйти в отрыв от других держав в наращивании вооружений и создании новых видов оружия и утвердить таким образом свое безраздельное господство в мире ведут к ослаблению стратегической стабильности, возникновению новых вооруженных конфликтов, активизации международного терроризма и к стагнации разоруженческого процесса.

Эволюция концепции стратегической стабильности

Понятие "*стратегическая стабильность*", то есть такое состояние военной мощи государств, при котором ни одно из них не способно добиться своих стратегических целей за счет ее использования или как способность к взаимному гарантированному уничтожению, стало входить в международный политический лексикон с начала 70-х годов прошлого столетия. Оно возникло в контексте острого геополитического и идеологического противоборства двух сверхдержав СССР и США, реальной угрозы их военного столкновения и основывалось на способности каждой из сторон нанести противнику неприемлемый ущерб в ответном ударе даже при самых неблагоприятных обстоятельствах.

В 1972 г. президент США Р. Никсон заявил о конце неоспоримого первенства Соединенных Штатов в смысле стратегического могущества и приходе ему на смену стратегического равновесия, при котором ядерные силы США и Советского Союза уже сопоставимы.

К тому времени обе страны пришли к выводу о бесполезности и опасности дальнейшего продолжения гонки вооружений между ними и преимуществе обеспечения мирного сосуществования в условиях ее сдерживания. Это понимание привело Москву и Вашингтон к заключению целой серии двусторонних и многосторонних соглашений по ограничению вооружений.

К ним, в первую очередь, относятся:

- Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ДПРО);
- Временное соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ);
- Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО);
- Конвенция о запрещении биологического и токсинного оружия (КБТО).

Впоследствии договоры по ПРО, ОСВ, а затем СНВ и ДНЯО были признаны обеими державами и остальным международным сообществом в качестве краеугольных камней глобальной стратегической стабильности и международной безопасности.

Этим на практике была продемонстрирована прямая взаимосвязь между стабильностью или, как тогда ее называли, международной разрядкой, и разоружением – паритет стратегических сил сдерживания стимулирует разоружение, а оно в свою очередь укрепляет стабильность, то есть обеспечивает паритет на более низком уровне. Стоило, однако, администрации Р. Рейгана попытаться в 80-е годы вновь раскрутить маховик гонки вооружений, как это сразу же затормозило не только процесс разоружения, но и существенно ослабило стратегическую стабильность, снизив взаимное недоверие и опасность войны.

Важный вклад в дело восстановления стратегической стабильности внесло подписание в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия российско-американских договоров:

- о ликвидации их ракет средней и меньшей дальности (РСМД);
- о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1);
- многостороннего Договора об ограничении обычных вооруженных сил в Европе (ДОВСЕ), открывших к тому же путь к реальному разоружению.

Благодаря этому в 1993 г. в кратчайшие сроки был выработан и подписан Договор между Российской Федерацией и США о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (Договор СНВ-2), а также были успешно завершены многолетние переговоры в рамках Конференции по разоружению (КР) о заключении Конвенции о запрещении химического оружия (КЗХО), а в 1996 г. Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ).

Если КЗХО предусматривает ликвидацию целого вида ОМУ, то осуществление ДВЗЯИ фактически блокирует возможность создания ядерного оружия или его совершенствование.

Таким образом, была сформирована весьма разветвленная и достаточно надежная договорная база для успешного развития процесса реального разоружения. Начались значительные сокращения ядерных сил России и США и обычных вооружений в Европе, осуществлены меры по ненацеливанию стратегических ракет как России и США, так и, соответственно, Китая, Великобритании и Франции, реализованы договоренности о вывозе ядерного оружия из стран бывшего СССР (Белоруссии, Казахстана и Украины). Все это, безусловно, упрочило глобальную стратегическую стабильность, открыв благоприятную перспективу для ускорения реального разоружения с участием всех государств.

К этому времени появилось и приземленное для обеих сторон понимание понятия стратегическая стабильность – это такое соотношение стратегических сил СССР и США, при котором у каждой из сторон отсутствуют стимулы для нанесения первого ракетного ядерного удара.

В совместном заявлении президентов СССР и США (1 июня 1990 г.) декларировалось, что будущие договоренности должны преследовать цель, чтобы «еще больше уменьшить опасность возникновения войны,

особенно ядерной, обеспечить стратегическую стабильность, транспарентность и предсказуемость посредством дальнейших стабилизирующих сокращений стратегических арсеналов обеих стран путем сокращения стратегических арсеналов обеих стран², признания соответствующей взаимосвязи между стратегическими наступательными вооружениями и оборонительными средствами и устранения стимулов для нанесения первого удара, а также поддержания предсказуемости стратегических отношений (то есть взаимного информирования о планируемых изменениях количества СНВ).

Вслед за признанием общих параметров именно такой стабильности руководители двух стран даже декларировали – как оказалось, явно поспешно – установление стратегического партнерства между ними в противодействии новым угрозам и вызовам. Причем, уже тогда было очевидно, что США вкладывали в такое партнерство собственный смысл, рассчитывая на подчиненное положение России в реализации идей становления нового однополярного мира, генерируемых Вашингтоном.

Тем не менее, с этих пор ссылки на стратегическую стабильность в отношениях между Россией и США стали стандартными для большинства совместных политических деклараций двух стран.

Так, например, в Хартии российско-американского партнерства и дружбы, подписанной президентами Б.Ельциным и Дж.Бушем ст. (1992 г.), подчеркивалась готовность обеих стран содействовать стабильности посредством осуществления вместе со всеми заинтересованными в этом странами Договора по обычным вооруженным силам в Европе, сокращения и ограничения СНВ, а также при реализации соответствующих односторонних встречных российско-американских инициатив в сфере ядерного оружия.

На важность укрепления стратегической стабильности указывалось позднее в

совместных декларациях президентов Б.Ельцина и У.Клинтон а также в московском Совместном заявлении президентов В.Путина и Дж.Буша-мл. о новых стратегических отношениях между РФ и США (24 мая 2002).

Согласившись в последнем документе, что новые стратегические отношения между двумя странами основываются на принципах обоюдной безопасности, доверия, открытости, сотрудничества и предсказуемости, президенты обеих стран учредили Консультативную группу по вопросам стратегической безопасности во главе с министрами иностранных дел и министрами обороны, ставшую основным механизмом укрепления и обсуждения вопросов стратегической стабильности.

На последнем раунде этих консультаций в формате “2 плюс 2” (март 2008 г., Москва) в целом в конструктивном ключе были рассмотрены такие вопросы, имеющие прямое отношение к поддержанию стратегической стабильности, как будущее режима СНВ, реализации планов США о размещении третьего позиционного района глобальной системы ПРО в Восточной Европе, судьба ДОВСЕ, а также дальнейшее сотрудничество в вопросах противодействия ядерному терроризму и распространению ОМУ.

На российско-американском саммите в Сочи (апрель 2008 г.) эти и другие вопросы стратегической стабильности были предметно обсуждены главами обоих государств.

И хотя на этих переговорах не удалось выйти на какие-то прорывные решения вопросов, по которым сохраняются серьезные разногласия между двумя странами, тем не менее президенты приняли Декларацию о стратегических рамках российско-американских отношений, которая определяет основные направления их взаимодействия на длительную перспективу.

В этом документе речь идет о стратегическом выборе двух государств в пользу развития конструктивных отношений, далеко выходящих за рамки прежней модели взаимного сдерживания. В нем, среди прочего, подтверждены основополагаю-

щие принципы поведения обеих держав на международной арене, такие как приверженность построению прочного мира, переводу стратегического соперничества между ними в стратегическое партнерство, совместному противодействию угрозам, стоящими перед международным сообществом, дальнейшему сокращению стратегических наступательных вооружений до минимально возможного уровня, уважению верховенства закона и международного права.

Восприятие стратегической стабильности Россией и США

Несмотря на происшедшее за истекшие десятилетия очевидное сближение взглядов Москвы и Вашингтона в отношении парадигмы стратегической стабильности, их интересы при ее реализации по-прежнему серьезно расходятся.

Для СССР, а позднее России, установление стратегической стабильности в отношениях с США оказалось благотворным, так как нашей стране удалось реализовать многовековую задачу российской государственности – гарантировать военную безопасность национальной территории. Это также позволило России пойти на договорной основе на глубокие согласованные с США сокращения своего ракетно-ядерного потенциала и других вооружений, доставшихся ей в наследство от СССР, которые из-за жесточайшего общего кризиса, охватившего в этот период страну, ей были просто не по карману. Причем в силу истекавших гарантийных сроков значительной части этих вооружений России так или иначе пришлось бы снимать с вооружения значительное количество собственных сил сдерживания. Подобное одностороннее сокращение российских СНВ, безусловно, подорвало бы стратегическую стабильность и могло бы иметь самые серьезные последствия для безопасности России. Вот почему в нашей стране, по

Не умаляя значимости подобных деклараций, не следует, однако, упускать из виду, что реальная политика и поступки США и их западных союзников на международной арене пока не вписываются в декларируемые ими конструктивные намерения. Сохраняются и глубокие различия в оценках и практических подходах России и США к стратегической стабильности как явлению международной жизни.

существу, сложился консенсус в отношении того, что только в условиях стратегической стабильности Россия сможет достигнуть своих стратегических целей с наименьшими издержками.

Что же касается США, то признание стратегического равновесия с Россией было для них вынужденным шагом, с которым Вашингтону до сих пор трудно примириться.

Как отмечает современный американский политолог Р.Кейган: “Начиная с 1945 года американцы стремились обрести и закрепить свое военное превосходство в мире – “превосходство силы”, а никак не равновесие сил”³.

Уже в первых директивах СНВ США в 50-е годы было заявлено, что наличие примерного паритета с СССР в совокупных военных потенциалах представляло бы собой угрозу национальным интересам США. Вот почему в американских подходах к вопросам стратегической стабильности и ядерного разоружения с самого начала проявлялись непоследовательность, стремление так или иначе вернуть себе подавляющее военное превосходство с тем, чтобы обеспечить полную свободу не только “от нападения, но и для нападения”. Этот постулат, озвученный в 1999 г. тогдашним главой Пентагона У.Коэном, сохраняет актуальность и поныне.

Сегодня в политике Вашингтона, где вновь “правит бал” праворадикальное крыло республиканцев, открыто провозглашающее цель установления мировой гегемонии США, преобладают именно эти настораживающие милитаристские тенденции.

Придя к явно ошибочному выводу о том, что России в результате ельцинских “реформ” 90-х годов уже не подняться с колен и о невозможности для нее удерживать равновесие стратегических сил сдерживания с США, республиканская администрация Дж.Буша-мл. сразу же после победы на выборах (2000 г.) приступила к подрыву стратегической стабильности и открытому слову разоруженческого процесса, который был объявлен ею как устаревший и вредный для интересов США.

Под речью американских политиков о конце “холодной” войны, о том, что США больше не рассматривают Россию в качестве своего потенциального

противника и не стремятся к возобновлению гонки вооружений, на самом деле Вашингтоном ведется планомерный подкоп под здание стратегической стабильности, из фундамента которого изымаются один за другим “краеугольные камни” (Договор по ПРО, Договор о СНВ), демонтируется договорно-правовая база разоружения путем отказа ввести в силу уже подписанные договоры (ДВЗЯИ, ДОВСЕ) и блокируются переговоры о заключении соглашений о немилитаризации космоса и др. Саммит ООН (сентябрь 2005 г.) по вине США не смог одобрить ни одной рекомендации по разоружению и нераспространению.

Таким образом, по выражению американских экспертов из Фонда Карнеги, “администрация Буша сместила фокус с уничтожения вооружений на уничтожение режимов”⁴. Причем по существу не только режимов “стран изгоев”, но и международно-правовых режимов разоружения.

Стратегическая стабильность и разоружение на современном этапе

Возникшая к середине 90-х годов благоприятная ситуация в сфере разоружения, заметно укрепившая международную безопасность и стабильность, уже к началу XXI в. радикально изменилась к худшему, что, разумеется, негативно сказывается и на глобальной стратегической стабильности.

Особенно серьезные негативные последствия для стратегической стабильности имел выход США из Договора по ПРО, развернувшееся строительство стратегической противоракетной обороны и намерение Пентагона развернуть ее элементы в Европе, что, по расчетам Вашингтона, позволит сначала частично, а в будущем полностью нейтрализовать российские силы сдерживания. Эти односторонние действия

США являются серьезным провоцирующим фактором, снижающим взаимное доверие и вынуждающим Россию принимать ответные меры для восстановления стратегической стабильности – приступить к подготовке асимметричного ответа на ПРО, включая создание эффективной системы ее преодоления, осуществить перенацеливание стратегического оружия, возобновить боевое дежурство стратегической авиации, военно-морское присутствие в мировом океане и т.д.

В складывающихся условиях подержание убедительного ядерного сдерживания на самом современном уровне остается для России эффективным инструментом предотвращения традиционных угроз и конфликтов со

стороны противостоящих ей блоков и государств и инструментом решения реальных оперативно-тактических задач в случае возникновения таких конфликтов. Нарушение баланса в мире было бы чревато катастрофой не только для России, но и для всего мира.

Разумеется, при отсутствии непосредственной военной угрозы Россия не должна обременять себя идеями поддержания абсолютно равного ракетно-ядерного паритета с США. В практическом плане задача состоит в нахождении рационального “стабилизирующего” соотношения компенсирующих асимметрий, которые с определенного уровня эскалации напряженности делают военное давление на Россию бессмысленным.

В зыбком мире, какой преобладал между Соединенными Штатами и Советским Союзом на протяжении большей части “холодной” войны, и который до сих пор существует между США, Россией и Китаем, процесс разоружения может и должен оставаться ключевым звеном взаимоотношений в сдерживании гонки вооружений и поддержании глобальной стабильности.

Как указывал президент России В.В.Путин в своей памятной речи на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности: “Потенциальная опасность дестабилизации международных отношений связана и с очевидным застоєм в области разоружения”. Поэтому, подчеркнул он, “важно сохранить устойчивость международно-правовой разоруженческой базы, при этом обеспечить преемственность процесса сокращения ядерных вооружений”⁵.

К тому же предоставление США абсолютной свободы в развитии и совершенствовании ядерных вооружений и их носителей было бы крайне нежелательным для национальной безопасности России, так как в условиях наличия у Вашингтона фактически неограниченных средств и отсутствия в мире ре-

альных конкурентов это привело бы к быстрому подрыву стратегической стабильности и усилению опасности мировой войны.

Необходимость проведения политики ядерного разоружения predeterminedена также не только избыточными масштабами ядерных потенциалов, но и взятыми договорно-правовыми обязательствами всеми ядерными державами по ДНЯО (Ст.6), основу которых и составляет более рациональное понимание ядерной необходимости и достаточности.

Если отмеченные негативные процессы не будут остановлены и обращены вспять, Россия будет втянута в новую гонку вооружений и острое противоборство с Западом. Последствия этого могут быть не менее катастрофичными для всего мира, чем те, которыми они оказались для СССР. Тем более, что шансы преодолеть негативные тенденции в разоруженческой сфере далеко не иссякли. Взаимное сокращение СНВ и двусторонние консультации о дальнейшей судьбе Договора пока продолжаются, сохраняются партнерские отношения в борьбе с международным терроризмом и распространением ОМУ.

Немаловажное значение имеет также то, что в мире, как отметили недавно бывшие послы РФ и США, представлявшие интересы своих стран, соответственно, в Вашингтоне и Москве, “нарастает обеспокоенность тем, что налаженный и принесший реальные результаты режим контроля над вооружениями может исчезнуть, приводя к неприемлемым последствиям для всего мира”. Вот почему столь важно, считают они, “сохранить и усилить существующие рамки для ограничения вооружений...”⁶. К тому же на Западе возрастает давление влиятельных общественных сил в пользу запрета, кроме химического и биологического оружия, также и ядерного.

В январе 2007 и 2008 гг. видные в прошлом государственные деятели США Г.Киссинджер, Дж.Шульц, У.Перри и

С.Нанн дважды выступили в газете *"Wall Street Journal"* с настоятельным предложением о постепенном отказе от ядерного оружия.

Явно подыгрывая этим настроениям, правительства США и Великобритании даже заговорили о важности ядерного разоружения в укреплении режима ядерного нераспространения, не меняя при этом сути своего негативного отношения к ведению переговоров о нем.

Так, например, в заявлении Специального представителя США по вопросам ядерного нераспространения К.Форда на первой сессии Подготовительного комитета обзорной конференции ДНЯО 2010 г. (апрель 2007 г.) целый его раздел был посвящен разоружению. Среди прочего в нем утверждалось, будто, Соединенные Штаты верны целям достижения ядерного разоружения, как и всеобщего и полного разоружения и были бы, дескать, "счастливей всех других стран, если бы это стало возможным"⁷.

Правда, предложенные американцем идеи относительно реализации этих целей не содержали ничего нового, кроме чисто риторических призывов к сокращению ядерных потенциалов, снижению опоры на ядерное оружие и повышению прозрачности и доверия в вопросах ядерных арсеналов и доктрин.

О нарастающей международной изоляции позиции нынешнего руководства США в вопросах разоружения свидетельствуют и факты, выявившиеся на 62-й сессии ГА ООН, когда США оказались в единственном числе, проголосовав против таких важных резо-

люций Ассамблеи, как "Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве", "Меры по обеспечению прозрачности и усилению доверия в космической деятельности", "Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности", "Созыв четвертой спецсессии ГА ООН, посвященной разоружению" и др.

Предстоящие в ноябре 2008 г. президентские выборы в США могут привести к власти кандидата от партии демократов, которые, хотя и не сформулировали пока достаточно внятную разоруженческую повестку дня, все более открыто демонстрируют неприятие негативного подхода к этим вопросам со стороны республиканской администрации Дж.Буша. Причем наиболее активен в этих вопросах Барак Обама, который призывает не только к сотрудничеству с Россией в области охраны ядерного оружия и ядерных материалов, но и к отказу США от производства нового поколения ядерного оружия, ратификации ДВЗЯИ и даже сворачиванию планов Пентагона о размещении элементов ПРО в Восточной Европе.

Разумеется, лозунги претендентов на президентский пост в США не обязательно превращаются в конкретные дела после их избрания главой Белого дома. Тем не менее, сам факт их выдвижения свидетельствует о происходящих позитивных переменах в настроениях американского общества.

Современная стратегическая ситуация в мире все больше напоминает начало 80-х годов.

Мир находится на пороге или уже вступил в новую гонку вооружений с непредсказуемыми последствиями, прежде всего для нашей безопасности.

Утрачена положительная динамика в области разоружения.

Некоторые из западных и даже российских экспертов склоняются к выводу, что "холодная" война не закончилась и то, что принято называть миром, на Западе считают не более, чем "стратегической паузой" или "стратегической неопределенностью" то есть периодом, "когда интенсивность противоборства между госу-

дарствами или группами государств минимальна”⁸. При этом, однако, все более очевидным является нарастание не только традиционного применения силы отдельными державами, но и проведения так называемых “сетевых войн”, направленных на формирование специально запрограммированной модели поведения друзей, нейтральных сил и врагов в ситуации мира, кризиса и войны.

Разумеется, в условиях наращивания военного потенциала США, расширения НАТО на Восток и перехода Вашингтона к стратегии превентивного нанесения молниеносных ударов по целям в любой точке земного шара, реальное разоружение стало невозможным, а дальнейшее снижение наших собственных военных приготовлений не отвечает интересам безопасности страны. Это, однако, не отменяет необходимость продолжения инициативной дипломатической и политической работы в пользу разоружения.

“Россия – как указано в «Обзоре внешней политики Российской Федерации» – может существовать в своих границах только как активная мировая держава, проводящая инициативную политику по всему спектру актуальных международных проблем на основе реалистичной оценки собственных возможностей”⁹.

Объективно Россия не заинтересована в гонке вооружений. Экономически она значительно слабее США и, тем более, объединенного в НАТО западного мира. Однако, находясь экономически и в военном отношении в обороне, Россия должна проводить наступательную линию в дипломатии, сохраняя при этом свой потенциал ядерного возмездия. Этот курс требует меньших затрат и в современных условиях может оказаться более продуктивным. Являясь преемницей прочных национальных традиций в области борьбы за разоружение, Россия вполне способна выдвинуть приемлемую и понятную большинству международного сообщества альтернативу гонке вооружений и жесткого противоборства, к которому толкает мир Вашингтон.

Примечания

- ¹ *Steinbruner J.* Can Arms Control Be Revived // *Arms Control Today*. 2005. Vol. 35. № 2. March. P. 45.
- ² Совместное заявление относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности от 1 июня 1990 г. // *Вестник МИД СССР*. 1990. № 13. 15 июля. С. 59–60.
- ³ *Кейган Р.* Конец иллюзиям: история возвращается. *Pro et Contra*. 2007. № 6 (39). Ноябрь-декабрь. С. 21.
- ⁴ *Universal Compliance: Strategy for Nuclear Security*. Carnegie Endowment for International Peace. 2004. Washington, D.C. // <http://wmd.ceip.matrixgroup.net/UniversalCompliance.pdf>
- ⁵ Выступление Президента России В.В.Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Германия. 10 февраля 2007 г., www.mid.ru/brp_4.nsf/sps
- ⁶ Цит. по: Находить без конфронтации пути преодоления трудностей и противоречий // *Независимая газета*. 2007. 16 ноября. С. 11.
- ⁷ *Ford C.* Opening Remarks to the First Session of the Preparatory Committee for the 2010 Non-Proliferation Treaty Review Conference. April 30. 2007. Vienna. Austria // www.un.org/NPT2010/Statements.html
- ⁸ *Дроздов Ю.И., Маркин А.Г.* Наглый орел – 2007 (Разведка и война в системе США) . М.: Издательство “Артстиль-полиграфия”. С. 342.
- ⁹ Обзор внешней политики Российской Федерации. 27 марта 2007 г. // www.mid.ru/brp_4.nsf/sps

Стратегия сдерживания в политике США

Олег Иванов

“Холодная” война была долгой и в отдельные моменты опасной конфронтацией Запада и Востока. Однако в целом это было соперничество, где участники старались придерживаться подписанных соглашений и неписаных правил.

Так, после Карибского кризиса (1962 г.) СССР и США стали признавать обоим значенные сферы интересов и старались не вторгаться в них.

Достаточно стабильную и предсказуемую конфронтацию обеспечивала стратегия сдерживания.

Слом баланса сил после окончания “холодной” войны и изменения в спектре угроз и вызовов безопасности США вызвали необходимость еще раз обратиться к стратегии сдерживания.

Актуальным стал вопрос о том, как рассматривать сдерживание в новых условиях?

Насколько оно может быть эффективным?

Понятие “сдерживание” требует разъяснения и анализа из-за появления в российской экспертной среде его различных трактовок, что указывает на нечеткое понимание самой сути.

Российский эксперт С.Брезкун, анализируя доклад ИСКРАН “Снижение ядерных рисков: могут ли Россия и США отказаться от взаимного ядерного устрашения?”, подчеркивает: “Прежде всего, неверен уже первый тезис о том, что сутью отношений РФ и США является-де взаимное ядерное устрашение. На деле сутью является взаимное ядерное сдерживание.

Авторы упомянули мельком понятие “сдерживание” как нечто тождественное понятию “устрашение”, но они, вообще, взаимно друг друга исключают.

Принцип устрашения – это идея агрессивной угрозы, внушения страха. Это – принцип превентивного удара.

Принцип сдерживания – это идея взвешенного подхода к действительности, идея исключения авантюризма. Это – идея ответного удара.

Да, США долго устрашали Россию и по сей день не прочь к этому вернуться. Однако после достижения системного ядерного паритета две великие ядерные дер-

ИВАНОВ Олег Петрович – кандидат политических наук. Дипломатическая академия МИД России.

Ключевые слова: динамичное сдерживание, стратегия сдерживания (*Containment*), Дж.Кеннан, Б.Броди, *deferrence*.

жавы взаимно сдерживают, но никак не устрашают друг друга”¹.

Не давая оценки проблеме стратегической стабильности в целом и отношений РФ и США в этой области, а также докладу ИСКРАН и его критике С.Брезкуном, нужно отметить, что американское экспертное сообщество вкладывает иной смысл в понятие “сдерживание”.

Слова “*deter*” – утрашать и “*deterrence*” – утрашение имеют латинское происхождение от латинского слова “*deterere*”, означающего “утрашить или запугать от чего-то”.

В политологическом смысле содержание трактуется шире.

“Как в повседневном языке, так и в языке специалистов в области международных отношений и военной стратегии “*deter*” уже долгое время имеет более широкое значение. Оно используется не только для того, чтобы отговорить предпринять какое-либо действие, указав на пугающие возможные последствия, но также указывает на ситуации, где удержание от чего-либо происходит ввиду перспективы не достичь желаемых целей или на возможность превышения стоимости ожидаемой выгоды. Некоторые исследователи в области военной стратегии проводят различия между отпугиванием нападения угрозой “наказания” (пугающие последствия) и отпугиванием нападения перспективой “лишения” (целей нападения)”².

Одна из трудностей объяснения этого понятия связана, с одной стороны, с возникшей путаницей в английских терминах “*deterrence* – утрашение или запугивание” и “*containment* – сдерживание”.

Здесь необходимо иметь в виду, что путаница связана не столько с лингвистическими трудностями перевода на русский язык, сколько с трактовкой их политологического наполнения. Суть

заключается в том, что в США используются оба термина. Основатель стратегии сдерживания (*containment*) Дж.Кеннан использовал “*containment*” как способ противодействия экспансии коммунизма и возможному расширению влияния СССР, применяя невоенные методы.

Один из ведущих американских теоретиков Б.Броди использовал термин “*deterrence*”, где акцент делался на военной силе. С развитием ядерного оружия стала создаваться система взаимного ядерного сдерживания или взаимного ядерного утрашения, в основе которой лежала концепция “Взаимного гарантированного уничтожения” (*MAD – mutually assured destruction*).

Анализируя стратегию сдерживания вообще, было бы неверно связывать понятие сдерживания исключительно с ядерным оружием. Оно шире и включает не только ядерное оружие, а саму возможность применения насилия. Для этого необходимо рассмотреть определение понятия сдерживание.

Официальная американская военная доктрина определяет сдерживание как “предотвращение действия страхом последствий. Сдерживание это состояние ума, вызванное существованием внушающей доверие угрозы неприемлемого противодействия”³.

В официальном документе Министерства обороны США “Четырехгодичном оборонном обзоре” (2001 г.) в области сдерживания ставится задача: “воспрепятствовать агрессии или любой форме принуждения, угрожая применить американский военный потенциал”⁴.

По мнению политолога Дж.Блейни возникающий оптимизм является жизненно важной прелюдией к войне.

Все, что увеличивает этот оптимизм, есть причина войны.

Все, что уменьшает такой оптимизм, становится причиной мира.

Поэтому можно утверждать, что сдерживание направлено на снижение уровня оптимизма у объекта сдерживания. Под сдерживанием понимается ряд целенаправленных шагов, воздействующих на умы противоположной стороны, с целью изменить политику, что полностью соответствует рациональной парадигме.

На протяжении всего периода “холодной” войны стратегия сдерживания в различных вариациях составляла фундаментальную основу всех доктрин по применению военной силы США.

В ее ядерном варианте она играла главную роль: при любых обстоятельствах гарантировать уничтожение противника – Советского Союза.

Помощник президента Дж.Кеннеди по национальной безопасности МакДжордж Банди пояснял, что понятие стратегического сдерживания было непосредственным плодом двух великих реальностей... Что оружие стало различным и что на более высоких уровнях ядерного оружия мир остается биполярным.

“Баланс страха” был лучшим, что мы могли получить, а объектом анализа и действия должна стать гарантия того, что “другая сторона” будет считаться с этим.

С момента появления американского исторического документа, известного под названием СНБ-68 (СНБ – Совет национальной безопасности), концепция сдерживания легла в основу стратегий “холодной” войны.

В стратегии “Массированного возмездия” ее реализация планировалась, главным образом, с помощью стратегического авиационного командования (SAC – *Strategic Air Command*).

В сменившей ее стратегии “Гибкого реагирования” сдерживание замыслилось уже на различных уровнях насилия от применения стратегического

ядерного, тактического ядерного и до конвенционального оружия.

В условиях биполярного мира концепция сдерживания строилась сначала на основе способности нанесения первого ядерного удара.

Под этим американскими экспертами понималась способность нанесения обезоруживающего удара первым и настолько эффективно, чтобы лишить противника возможности нанести ответный удар с какой-то эффективностью.

Затем в развитие стратегии сдерживания появилась концепция “ответного удара”. Она не подразумевала способность нанесения просто ответного удара после первого удара противоположной стороны. Она подразумевала способность выдержать удар и сохранить достаточно сил, чтобы нанести эффективный ответный удар.

Способность нанесения “ответного удара” стала ключевым понятием в разработке всех американских доктрин с применением стратегических ядерных сил на всем протяжении их существования. Стратегия сдерживания также основывается на этом подходе. Считалось важным не то, сколько оружия есть в наличии вообще, а сколько выживет после первого удара противника и сможет нанести заданный ущерб в ответном ударе.

Таким образом, американские специалисты делали вывод, что стратегическое сдерживание обусловлено исключительно способностью нанесения именно “ответного удара”.

Представление сдерживания в виде исключительно военного противостояния в период “холодной” войны было бы неполным, если бы мы упустили из вида более широкое понятие сдерживания как политики, направленной на предотвращение кризисов в международных отношениях.

В частности, после Карибского кризиса политолог Т.Шеллинг отмечал,

что есть необходимость предотвратить такие кризисы в виду того, что они могут перерасти в непреднамеренную войну. Суть кризиса в его непредсказуемости. Она заключается именно в том, что участники не контролируют события полностью. Они делают шаги, принимают решения, которые повышают или понижают опасность, но в условиях риска и непредсказуемости.

Сдерживание следует понимать в привязке к неопределенности.

Сдерживание, по мнению американских теоретиков, должно влиять не только и, может, не столько на кризисы, когда ситуация может выйти из-под контроля, а события имеют свою логику развития, отличную от задуманного ранее политиками курса, а на весь процесс международных отношений.

На всем протяжении “холодной” войны” стратегия сдерживания США базировалась на парадигме “Гарантированной уязвимости”.

Согласно американскому эксперту К.Пейну, считалось, что теория “гарантированной уязвимости”, лежащая в основе сдерживания, стала превалирующей парадигмой. К.Пэйн полагает, что парадигма “гарантированной уязвимости” – это достаточно широкая теория, имеющая такие основы как ведение войны, минимальное сдерживание и взаимное гарантированное уничтожение.

Суть “Минимального сдерживания” заключается в способности уничтожить или подвергнуть угрозе относительно небольшое количество городов неприятеля. Стратегия сдерживания на основе “Взаимного гарантированного уничтожения” предполагает наличие большего количества стратегических ядерных сил, способных на массированное уничтожение целей противника, сохраняя при этом способность нанесения ответного удара.

Что касается подхода “Ведения войны”, то он отрицает суть двух других подходов. Странники данного подхода стремились применить стратегические ядерные силы против выборочных советских политических и военных целей, сохраняя при этом способность гарантированного уничтожения.

Нужно отметить, что точка зрения К.Пэйна на то, что концепция “Гарантированной уязвимости” включает все три подхода, не находит поддержки у части американского экспертного сообщества.

Так, например, Э.Млин полагает, что с 60-х годов американские политики рассматривали ядерное оружие как применяемый военный инструмент.

Мышление политиков о ядерном оружии мало изменилось после окончания “холодной” войны, несмотря на значительные изменения в среде международной безопасности. Как полагал Млин, в основе ядерных проблем во время “холодной” войны лежали споры между сторонниками подхода “Взаимного гарантированного уничтожения” и сторонниками “Теории применения ядерного оружия” (*Nuclear Utilization Theory*). Странники последней теории подвергали критике своих оппонентов за то, что они не могли предложить каких-то альтернатив, кроме полного уничтожения противника, в том случае, если сдерживание окажется неэффективным. Странники “Теории применения ядерного оружия”:

– сомневались, что противостоенное нацеливание является эффективным и внушающим доверие ядерным сдерживанием в отношении действий противника, который пока еще не совершил нападение на территорию США;

– полагали, что ядерное оружие могло бы использоваться в качестве военного инструмента, а не только как просто сдерживание;

– допускали, что ядерные войны могли бы вестись без полного уничтожения;

– считали, что возможны варианты, предусматривающие отсутствие тотальной ядерной войны между Советским Союзом и США.

Хотя не все американские эксперты разделяют взгляды К.Пэйна, что “Парадигма гарантированной уязвимости” включает все основные подходы к стратегическому ядерному сдерживанию, тем не менее, есть то общее, с чем практически все согласны. Дело заключается в том, что потенциал уничтожения ядерного оружия позволил сделать два важных предположения относительно основы ядерного сдерживания в период стратегической биполярности: существовал “разумный рациональный оппонент” и угрозы ядерного возмездия служили надежной базой для влияния на поведение противника.

Более важным был тот факт, что в мире стратегической биполярности эти предположения также вели к логическому заключению, что модель “общего рационального оппонента” упростила бы сложный процесс разработки стратегии сдерживания и сделала бы военное планирование менее сложным.

Если исходить, из предложенной политологом С.Максвеллом дефиниции рационального действия в стратегии сдерживания как соответствующего ценностям актора, то появляется такой элемент, как ценность, который включает интерес и культуру.

Тем не менее, американский подход к сдерживанию не учитывал, по большому счету, фактор культуры, особенно в ядерном сдерживании, по ряду причин:

– *Одна из причин* заключается в том, что не существует общепринятой шкалы стандартов, по которой государственные деятели или исследователи могут измерить ценность спорного интереса.

– *Во-вторых*, в условиях биполярности, когда доминировали две ядерные державы, к тому же вышедшие на паритет в стратегическом ядерном вооружении, стратегия сдерживания, особенно на стратегическом уровне, вполне оправданно строилась на “рациональной модели”, так как она объясняла логику принятия стратегических решений.

Что касается ценностей как фактора культуры, то американский эксперт Ф.Грин подчеркивал, что политики могли уделять меньше внимания влиянию культуры, технологии, времени. Планирование стратегического сдерживания было несложным потому, что только Советский Союз обладал способностью уничтожить США. Следовательно, играл примерно по тем же правилам “рациональной модели”, что и США.

Как утверждал Ф.Грин: “Возможно, некоторые специалисты (американские – Авт.) обосновывали свое утверждение о стабильности сдерживания на основании особой *рациональности* (курсив мой – Авт.) советского коммунизма”¹⁵.

В целом американские эксперты полагали, что проводить стратегию сдерживания в отношении Советского Союза было не очень трудно, поскольку руководство США по большому счету понимали характер и мотивации советского руководства, его оценку риска и восприятие стратегической реальности. Вообще стратегическая культура Советского Союза была достаточно хорошо изучена американскими специалистами.

С распадом биполярной системы исчезла и угроза безопасности США равной советской по своему масштабу и опасности. Анализируя международные отношения уже после окончания “холодной” войны, необходимо отметить, что политические спо-

ры в более широком мировом контексте все же могут быть не менее серьезными, чем те, которые были в период традиционной биполярной конфронтации.

Вероятно, что новые державы будут добавляться к ядерному клубу и различия в количествах и качестве их ядерных сил значительно вырастет. Эти характеристики могут сделать некоторые державы более уязвимыми для нападения другими.

Появились еще несколько обстоятельств, повлиявших на реализацию стратегии сдерживания США.

Во-первых, с распадом СССР снизилась по сравнению с периодом “холодной” войны значимость глобального ядерного сдерживания.

По мнению российского эксперта Г.Корсакова, роль ядерного сдерживания как бы сводилась исключительно к минимальному сдерживанию, то есть к предотвращению угрозы ядерного нападения, а также оказанию давления за счет угрозы такого нападения на ядерные державы “первого уровня”.

Во-вторых, стратегия сдерживания не может продолжать фокусироваться только на каком-либо одном или двух противниках, а должна быть нацелена на более многочисленных и разных по степени опасности угроз региональных противников США, то есть политика сдерживания становится все более регионально ориентированной.

В-третьих, несмотря на уменьшение угрозы глобальной ядерной конфронтации, политика ядерного сдерживания продолжает оставаться краеугольным камнем обеспечения безопасности США.

Тем не менее, некоторыми экспертами, как например Ч.Элланом, высказывается спорная точка зрения, что на данном этапе “американское ядерное оружие будет играть малую или никакую роль в региональных конфликтах”⁶.

Разработанные еще в период “холодной” войны такие теории сдерживания, как теории “лишения” (*denial*) и “наказания” (*punishment*) сохраняют свою актуальность по своей сути, но должны быть встроены в новый контекст. Более того, они могут быть использованы противниками США. В таблице ниже представлены три уровня силы, которые могут быть применены против США.

В этих условиях сдерживание самих США может быть эффективным, если:

1. Противник сумеет убедить американское руководство, что затраты действий США будут выше ожидаемой выгоды и это вынудит его воздержаться от задуманных действий.

2. Противник сумеет сделать так, что затраты действий США будут выше полученной выгоды.

Как правило, ставки региональных противников в конфликте выше, чем у Соединенных Штатов, поскольку затрагиваются их жизненно важные интересы. Кроме этого, как правило, они способны на большую политическую сплоченность, социальную мобилизацию и готовы к затяжным боевым действиям, что никак не соответствует американской стратегической культуре.

Хотя нужно иметь в виду, что это возможно, если противник знаком со стратегической культурой США и умело этим пользуется.

Однако нельзя исключить и иррациональные действия со стороны американского руководства.

Р.Бетц отмечает, что американские президенты не привыкли к тому, что их запугивают. Они беспокоятся о доверии к себе, о дипломатических и внутренних политических издержках образа слабого. Они иногда дают риторические обязательства, от выполнения которых потом трудно отказаться. Если проблема возникает в неожиданной форме в условиях быстро развива-

Вероятность эффективности сдерживания⁷

Инструменты	Цели	
	Лишение	Наказание
Конвенциональный	<i>Низкая вероятность.</i> Возможно только со стороны крупных держав в прилегающих регионах. (Россия, Китай)	<i>Средняя вероятность.</i> Нанести высокие потери, потерпев поражение. (Куба, Северная Корея)
Субконвенциональный	<i>Средняя вероятность.</i> Нанести умеренные потери, затягивая партизанскую войну.	<i>Низкая вероятность.</i> Отсутствует эффективный инструмент сдерживания. Затраты, представляемые угрозой, слишком низкие.
Оружие массового поражения	<i>Низкая вероятность.</i> Химическое оружие против американских военных целей.	<i>Высокая вероятность.</i> Ядерное и биологическое оружие; ограниченные угрозы сдерживания против США или гражданских целей союзников.

ющего кризиса, то непонятно: действуют американские руководители трезво и продуманно, а не эмоционально или принимают решение на основе экономических расчетов, а не на основе нечеткой национальной и личной чести.

В то же самое время обозначился новый концептуальный подход к теории сдерживания. Хотя сдерживание путем “наказания” или “лишения” остается в силе, появилось понимание того факта, что во-первых, новые угрозы требуют корректив в стратегии сдерживания, во-вторых, в отличие от периода “холодной” войны, когда сдерживание как стратегия проводилась именно в тех регионах, где находились американские войска, сейчас кризис может разразиться там, где американских войск нет. Следовательно,

сдерживание в таких условиях реализовать крайне сложно. В-третьих, из-за появления новых возможностей в результате революции в военном деле, можно точно поражать большое количество целей, добываясь, таким образом, поставленных задач быстрее и эффективнее.

Все это привело к новому пониманию сдерживания в современных условиях как *динамичное сдерживание*. Оно обладает следующими характеристиками:

- “наказание должно быть нацелено на ценности режима-мишени;
- лишение не должно быть чисто оборонительной концепцией, а главным образом наступательной;
- внушающее доверие применение военной силы должно рассматриваться как существенная составляющая сдер-

живания, а не просто как признак его неудачи”⁶.

Такого рода сдерживание опирается на угрозу применения конвенционального оружия.

По оценке Р.Хаффа, оно означает, что стратегия эффективного конвенционального сдерживания должна быть асимметричной по своей угрозе и применению, интенсивной и ошеломляющей, наступательной с возможностью “наказания и лишения”, а также глобальной благодаря технологиям и системам вооружений. Из-за появления высокоточного оружия теоретики сдерживания полагают, что “наказание” может стать более разборчивым, без потерь среди мирного населения и разрушения гражданской инфраструктуры. Более того, его можно нацелить на само руководство стран или на те объекты, которые режим-мишень ценит больше всего. Это позволяет сделать сдерживание “наказанием” более эффективным.

Вместе с тем признается, что хотя “наказание” может быть более точным, но “лишение” является более наступательным по своему характеру.

Американские эксперты считают, что конвенциональное сдерживание, как оно реализовывалось в период “холодной” войны, было оборонительным, поскольку сдерживание имело цель “лишить” Советский Союз быстрой победы. В современных условиях предполагается, что динамичное сдерживание должно включать значительные наступательные противосиловые возможности, поскольку долгосрочное присутствие больших сил США в регионах будет проблематичным как по региональным, так и по внутренним для США причинам. Планируется, что США должны быть способными проецировать свои вооруженные силы на большие расстояния и быть активным участником формирования благопри-

ятного для США регионального окружения и “стабильности”.

Если сравнить период “холодной” войны с настоящим временем, то необходимо отметить, что тогда сдерживание исключало войну.

Согласно классической теории сдерживания, начавшаяся война означала провал стратегии сдерживания.

Сейчас же сторонники динамичного сдерживания полагают, что применение силы может быть необходимым для демонстрации того, что Соединенные Штаты обладают волей, оперативным искусством и технической смелостью, нужными для быстрой ликвидации самых больших угроз с минимальными затратами.

Американский теоретик Р.Арт вообще делает заключение, что периодическое применение силы может быть существенным для более широкого, общего сдерживания, чтобы оставаться внушающим доверие.

Другая группа экспертов предлагает более широкое видение динамичного сдерживания. С их точки зрения необходимо создать определенный международный режим, который будет состоять из следующих компонентов:

- недвусмысленный отказ от применения первым ядерного оружия;
- введение совместных экономических санкций против государства-нарушителя;
- большая вероятность действия со стороны ООН, включая безусловные военные санкции по уничтожению режима-нарушителя с помощью конвенциональных сил;
- общее уменьшение применения военной силы в мире через расширение использования международных форумов для разрешения споров.

Еще в начале 90-х годов XX в. сторонники уменьшения зависимости сдерживания от ядерного оружия

предложили то решение, которое стало позже краеугольным камнем стратегии национальной безопасности президента Дж.Буша, а именно: упреждающие удары против государств-изгоев, стремящихся приобрести ОМУ.

Знаменательно, что идея упреждающих ударов предлагалась как составная часть нового понимания стратегии сдерживания.

“Появление упреждения является существенным элементом современного мышления в области сдерживания. Несмотря на некоторую несовместимость с более старыми модальностями сдерживания, включение упреждения весьма совместимо с концепцией динамичного сдерживания”⁶.

Такого рода взгляд на сдерживание означает серьезный поворот в сторону от классического сдерживания, позволяющий говорить о том, что сдерживание как угроза применения силы перестало им быть и есть сомнения, является ли такое понимание сдерживания вообще таковым. Необходимо признать, что такой подход к стратегии сдерживания неизбежно ведет к агрессивным намерениям и действиям со стороны США, что вызовет подозрение и ощущение небезопасности у других государств, а это в конечном итоге не укрепит безопасность и самих США.

В официальном документе Пентагона “Четырехгодичном оборонном обзоре” отмечается, что США строят свою новую стратегическую основу, которая состоит из следующих оборонных целей:

- поддержать союзников и друзей;
- отговорить от будущего военного соперничества;
- сдерживать угрозы и попытки принуждения против американских интересов;
- если сдерживать не получится, нанести решительное поражение любому противнику”⁴.

В документе поясняется, что требования к стратегии сдерживания в настоящее

время особые: “необходим многоаспектный подход к сдерживанию.

Такой подход требует таких сил и возможностей, которые предоставят президенту более широкий выбор военных альтернатив, чтобы отвести агрессию или любую форму принуждения. В частности, в соответствии с этим подходом особый акцент делается на передовом сдерживании в мирное время в критически важных регионах мира”⁴.

Как показывает практика стратегии сдерживания, классическая модель рационального актора не работает в теории сдерживания в современных условиях.

Большинство американских аналитиков полагает, что стратегия сдерживания должна быть приспособлена к поведенческим характеристикам.

В частности, теоретик К.Уэтмэн предложил рассматривать способность актора к сдерживанию в спектре от “самого трудного” до “самого легкого”.

С.Метц создал свою парадигму податливости сдерживанию, которую можно передать следующим образом:

- качество и количество имеющейся информации;
- влияние культуры;
- оценка статус-кво;
- психологическое состояние.

Качество и количество информации о силе противника и его намерениях и способность передать ему нужный сигнал о своей силе и намерениях является одним из важных факторов проведения эффективного сдерживания.

По мнению политологов П.Дэйвиса и Дж.Аркуэла, региональные противники США традиционно недооценивают такие элементы американской силы, как стратегическая мобильность, морская и военно-воздушная мощь, высокоточное оружие из-за того, что сами не обладают таковыми и соответственно не могут оценить степень их эффективности. Они по-прежнему считают

реальность угрозы только в физическом присутствии на месте многочисленных американских, в первую очередь, сухопутных войск, а отсутствие этих сил рассматривают как неготовность США применить военную силу. В таких условиях американскому военному руководству крайне сложно проводить эффективное сдерживание.

Что касается влияния культуры, то даже при четкой и своевременной передаче нужного сигнала, фактор культуры может воспрепятствовать его адекватной восприятию.

“Наивно ожидать, что культуры, которые считают высшей ценностью мученичество, или режимы, которые режут собственных граждан, примут западные правила сдерживания и стабильности”⁸.

Политолог А.Гарфинкел подчеркивает, что, например, в арабской среде громкие, открытые заявления об угрозах рассматриваются как блеф и признак слабости.

Гибкая способность понять и учесть фактор культуры различных противников является еще одним непременным условием эффективного сдерживания.

Важным элементом сдерживания является оценка статус-кво.

Иногда ситуация может развиваться таким образом, что актор может начать войну даже при неблагоприятном балансе сил. Это случается в том случае, когда сохранение статус-кво становится нетерпимым и требуется его срочное изменение. В другом случае корреляция сил решительно меняется в сторону обороняющегося, и, следовательно, вероятность успеха падает. Ясно, что эти обстоятельства не являются результатом иррациональности оппонента, а представляют разные перспективы на затраты, выгоду и время.

Таким образом, вместо подвергнутой критике рациональной модели представляется разумным рассмотреть иной подход: “стратегическую индивидуальность”.

Психологическое состояние также вносит свой вклад в сдерживание, способное сделать его более или менее эффективным. Осознание ограниченной роли классической модели рационального актора не означает полного отрицания рациональной модели как таковой или признание руководителей стран-противников США “сумасшедшими”. Считается, что невозможно полагаться на чисто рациональную модель, так как она предполагает всеведение и способность для всеобъемлющего анализа, который не позволяет провести время, затраты и другие факторы.

В таком случае политологи П.Дэйвис и Дж.Аркуэла используют термин “ограниченная рациональность”.

Иррациональное мышление может быть вызвано несколькими факторами:

- когнитивным диссонансом;
- идеологическими, националистическими или религиозными ценностями;
- настоящей психопатологией.

Они указывают, что когнитивный диссонанс происходит в период кризиса, когда те, кто принимает решение стоят перед неприемлемыми альтернативами и фильтруют неприятную информацию для того, чтобы укрепить ценность избранного направления действий.

Использование идеологических, националистических или религиозных ценностей предназначено усилить устойчивость в противостоянии американским угрозам.

Что касается психических отклонений, то лидеры, страдающие ими, способны пойти на массовые убийства для достижения своих политических целей: сохранение своей власти или просто укрепления своего имиджа.

Адекватное понимание стратегической индивидуальности противника способно помочь точному выбору цели сдерживания.

В этом случае американскому руководству, реализующему стратегию локального сдерживания, придется иметь дело с региональным противником, который имеет свои особенности. Для этого можно предположить, что США придется установить корректное сочетание стимулов и угроз, требуемых для сдерживания, оценить вероятность успешного сдерживания и определить выгоду инструментов сдерживания, которые затрагивают ситуационное восприятие оппонента.

Примечания

- ¹ *Брезкун С.* Подкоп под стратегическую стабильность // Военно-промышленный курьер. 2004. 30 декабря.
- ² *The Future of U.S. Nuclear Weapons Policy.* National Academy Press. Washington, D.C. 1997. P. 13.
- ³ *US Joint Chiefs of Staff. Joint Doctrine Encyclopedia.* 1997. 16 July. http://www.dtic.mil/doctrine/joint_doctrine_encyclopedia.htm.
- ⁴ *Quadrennial Defense Report Review.* Washington D.C. US Department of Defense. 2001. P. 12, 11.
- ⁵ *Green P.* *Deadly Logic: The Theory of Nuclear Deterrence.* The Mershon Center. Ohio State University Press. 1996. P. 162.
- ⁶ *American Defense Policy.* Ed. by Hays P., Vallance B., Tassel A. The John Hopkins University Press, 1997. P. 343, 331, 335.
- ⁷ *Betts R.* What Will It Take to Deter the United States? // Parameters. Winter 1995.
- ⁸ *Mahnken T.* The Arrow and the Shield: U.S. Responses to Ballistic Missile Proliferation // Washington Quarterly 14 (Winter). 1991. P. 198.

**Подписка на 2008 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**

Политико-правовые аспекты международного сотрудничества в борьбе с терроризмом в рамках ШОС

Юрий Бойко
Эльмира Садыкова

Борьба с терроризмом, в особенности с международным терроризмом, в настоящее время является одной из самых неотложных задач, стоящих перед мировым сообществом.

Обсуждение проблем терроризма в ООН привело к принятию целого ряда универсальных конвенций о сотрудничестве государств в борьбе против терроризма, который в современных условиях перерос рамки национальных границ и приобрел международные масштабы.

Современный терроризм постоянно эволюционирует, приобретает все новые формы и методы и представляет собой мощные структуры с соответствующим оснащением и финансово-экономическими возможностями. Примеры Афганистана, Таджикистана, Косова, Ближнего Востока и другие показывают, что международный терроризм способен вести диверсионно-террористические войны и участвовать в международных конфликтах. Очевидно, что в сложившихся условиях эффективная борьба с терроризмом должна носить комплексный характер, объединяя усилия на всех уровнях: универсальном, региональном и национальном.

БОЙКО Юрий Павлович окончил Дипломатическую академию МИД РФ, Институт международного права и экономики им. А.С.Грибоедова, Российский новый университет, медицинский институт им. Н.Нариманова; профессор, доктор политических наук, доктор медицинских наук, кандидат юридических наук. Профессор кафедры внешней политики России и актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России. Заведующий кафедрой медицинского права, общественного здоровья и управления здравоохранением Российской медицинской академии последиplomного образования Минздравсоцразвития РФ.

САДЫКОВА Эльмира Линаровна окончила юридический факультет Казанского государственного университета; кандидат юридических наук, доцент кафедры внешней политики России и актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России.

Ключевые слова: региональная наркотическая пирамида, транснациональный характер терроризма, Душанбинская декларация, Шанхайская конвенция.

В последние десятилетия Центральная Азия и примыкающие к ней регионы отличались политической и экономической нестабильностью. В Китае существуют сепаратистские тенденции. В трех странах бывшего СССР угрозы сепаратизма и терроризма особенно обострились из-за близости к “горячим точкам”, где происходили межнациональные конфликты. Страны Центральной Азии являются постоянным объектом деятельности международных террористических организаций, преимущественно исламского толка.

Тенденции проявления транснационального характера терроризма и тактика их действий в отношении органов власти государств определили необходимость нового уровня координации совместных усилий стран и их специальных служб в обеспечении региональной безопасности так как существовавшая ранее система безопасности в новых геополитических условиях уже неспособна противостоять новым угрозам.

Основными целями экстремистских и террористических организаций на территории Центральной Азии являются, в том числе, использование территории данных государств в качестве своего рода базы для осуществления подрывных действий в отношении сопредельных с ними стран (России, Китая, Афганистана), а также формирование очагов напряженности внутри государств Центральной Азии, стимулирование роста протестного потенциала местного населения и, как следствие, создание благодатных условий для проявления экстремизма и терроризма в этих странах.

На фоне обострения проблемы становления национальных элит меняется тактика террористических организаций разного толка, происходит дальнейшее укрепление наркотической пи-

рамиды в регионе. Особую озабоченность вызывает мощный наркотрафик, проходящий через страны Центрально-Азиатского региона и Россию. Огромные денежные средства, вырученные от продажи наркотиков, могут отмываться наркодилерами и использоваться для финансирования терроризма не только в Российской Федерации, но и в других странах региона. Меры, принимаемые только на национальном уровне, будут производить ограниченный эффект. Для обеспечения своей безопасности каждое государство нуждается в международном сотрудничестве.

В апреле 1996 г. в Шанхае главы пяти государств (России, Китая, Казахстана, Киргизии и Таджикистана) подписали соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы – первое в АТР.

“Этот полномасштабный военно-политический документ создал гарантии укрепления безопасности, сохранения спокойствия и мира в районе границы, сделал совместный важный вклад в дело обеспечения стабильности, безопасности в АТР, стал примером для других государств региона”¹.

В 1997 г. государства “шанхайской пятерки” подписали Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы.

Соглашения 1996 и 1997 гг. стали первыми документами, способствовавшими снижению напряжения в Азии. В качестве основных принципов сотрудничества были выделены принципы неагрессии, невмешательства во внутренние дела, неприменения силы или угрозы силой, отказ от одностороннего военного превосходства в сопредельных районах.

В период формирования “Шанхайской пятерки” зарубежные обозреватели отмечали: “...пока еще довольно аморфное образование с экзотическим названием “Шанхайская пятерка” в будущем может

стать консолидированной и влиятельной силой в международной политике”².

Значимым событием стала встреча “*Шанхайской пятерки*” в Душанбе (5 июля 2000 г.).

Во встрече приняли участие президенты Казахстана – Н.А.Назарбаев, Киргизии – А.А.Акаев, России – В.В.Путин, Таджикистана – Э.Ш.Рахмонов, а также председатель КНР – Цзян Цзэ-минь.

На встрече были рассмотрены вопросы развития взаимодействия “пятерки” в различных областях.

По итогам встречи была подписана Душанбинская декларация.

В саммите впервые участвовал президент Узбекистана И.А.Каримов.

В связи с подключением Узбекистана к ряду направлений деятельности “пятерки” было условлено именовать впредь объединение “*Шанхайским форумом*”.

Основная цель сотрудничества – поддержание стабильности и безопасности в Азиатском регионе.

В содержании Душанбинской декларации 2000 г. было уделено особое внимание вопросам борьбы с международным терроризмом.

В ст.5 Декларации указано: “Стороны подтверждают свою решимость совместно бороться с международным терроризмом, религиозным экстремизмом и национальным сепаратизмом, представляющими главную угрозу региональной безопасности, стабильности и развитию, а также с такой преступной деятельностью, как незаконный оборот оружия и наркотиков, незаконная миграция”.

Стороны обозначили свою готовность заключать многосторонние договоры и соглашения в сфере борьбы с такими угрозами, как терроризм, сепаратизм, экстремизм³.

На саммите была поддержана инициатива Кыргызской Республики о создании региональной антитеррористической структуры с местопребыванием в г. Бишкек.

Компетентным ведомствам стран-участниц было поручено приступить к переговорам для подготовки конкретных предложений по этому вопросу.

Важнейшим событием очередного шестого саммита Шанхайского форума (15 июня 2001 г.) стало подписание главами государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан Декларации о создании *Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)*.

В числе основных положений Декларации было указано, что “ШОС создана с целью укрепления между государствами-членами взаимного доверия, дружбы и добрососедства, упрочения разностороннего взаимодействия в деле поддержания и укрепления мира, безопасности и стабильности в регионе, совместного противодействия новым вызовам и угрозам, поощрения эффективного и взаимовыгодного сотрудничества в различных областях, содействия экономическому росту, социальному и культурному развитию государств-членов Организации”⁴.

После событий 11 сентября 2001 г. главы правительств государств-участников ШОС оперативно выступили со специальным заявлением, резко осудив этот террористический акт. ШОС была одной из первых международных организаций,отреагировавших на события 11 сентября безоговорочным осуждением терроризма как общей для всех стран угрозы.

В заявлении министров иностранных дел ШОС от 11 сентября 2002 г. государства-члены ШОС подчеркнули, что считают необходимым создать глобальную систему противодействия новым угрозам и вызовам, которая включала бы соответствующие многосторонние механизмы взаимодействия, в том числе по раннему предупреждению и предотвращению возникающих угроз, решительному и адекватному реагированию на их проявления.

Правовым фундаментом совместной деятельности в борьбе с угрозами национальной безопасности стало подписание государствами – членами ШОС *Шанхайской Конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом* (15 июня 2001 г.)⁵.

Указанная Конвенция, призванная стать первым шагом на пути формирования договорной основы антикриминального взаимодействия в рамках ШОС, была разработана в соответствии со ст.5 Душанбинской декларации глав государств России, Казахстана, Киргизии, Китая и Таджикистана от 5 июля 2000 г.

Конвенция призвана способствовать развитию практического взаимодействия правоохранительных ведомств и спецслужб государств-участников в борьбе с терроризмом и насильственными проявлениями сепаратизма и экстремизма, прежде всего в Центральной Азии.

Предусмотренное в ней антитеррористическое сотрудничество осуществляется с учетом механизмов, апробированных под эгидой ООН и СНГ.

Однако практическое решение задачи эффективного противодействия определяется тем, что в международном праве до сих пор нет единого определения терроризма, которое устраивало бы все страны и всех участников международных отношений. В связи с этим особо следует подчеркнуть значение Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, в которой предпринята наиболее удачная попытка в этом направлении.

В ст. 1(п. 1) принятой Шанхайской конвенции о борьбе с сепаратизмом и экстремизмом, терроризм определяется следующим образом:

“а) какое-либо деяние, признаваемое как преступление в одном из договоров, перечисленных в Приложении к настоящей

Конвенции*, и как оно определено в этом договоре;

б) любое другое деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуациях вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти, либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон”³.

В данном случае, в основу определения терроризма положена квалификация этого явления в Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма (1995 г.), которая учитывает специфику международно-правовой стороны современного глобального взаимодействия.

В определенной степени прагматичный подход разработчиков Шанхайской конвенции объясняется стремлением следовать общим направлениям антитеррористического взаимодействия, согласованным на глобальном уровне. Вероятно также, что в контексте главной цели Конвенции – обеспечения эффективного взаимодействия правоохранительных органов и спецслужб на соответствующих направлениях, на первый план выходит политическая воля Сторон согласовать единые подходы, необходимые для ясной квалификации противоправных деяний, на борьбу с которыми направлена конвенция.

* Приложение составили 10 глобальных антитеррористических конвенций, предусматривающих неотвратимость ответственности преступников на основе принципа “либо выдай, либо суди”.

Понятия сепаратизма и экстремизма даны в конвенции слишком широко и также несут скорее исключительно политический, нежели юридический смысл.

Конвенция определяет сепаратизм как деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части территории или дезинтеграцию государства, совершаемое насильственным путем.

К этой же категории отнесено планирование и подготовка такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему.

Экстремизм определяется как деяние, направленное на то, чтобы осуществить насильственный захват власти, насильственное удержание власти или насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в указанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них³.

Конвенция четко ориентирована на оперативное взаимодействие компетентных органов ее участников в вопросах предупреждения, выявления и пресечения деяний, подпадающих под принятие в ней определения терроризма, сепаратизма и экстремизма.

Среди основных форм и направлений сотрудничества центральных компетентных органов сторон Конвенция определила обмен информацией, выполнение запросов о проведении оперативно-розыскных мероприятий, принятие мер по пресечению поставок вооружений и боеприпасов террористическим группировкам, а также деятельности центров по подготовке боевиков, их финансированию. Перечисленные основные направления сотрудничества государств позволяют обеспечить эффективный механизм взаимодействия для совместного противодействия перечисленным вызовам и угрозам безопасности на региональном уровне.

Сотрудничество на антитеррористическом направлении является одним из системообразующих элементов Шанхайской организации сотрудничества.

На саммите ШОС в Санкт-Петербурге (7 июня 2002 г.) была принята *Хартия Шанхайской организации сотрудничества* – документ, определяющий цели и принципы организации, ее структуру и основные направления деятельности.

Согласно Хартии, Шанхайская организация сотрудничества, является механизмом многопрофильного сотрудничества, однако в числе основных целей и задач особо выделено "совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму во всех их проявлениях"⁶.

Подтверждением важности указанной цели в рамках общего формата сотрудничества, явилось подписание участниками саммита (7 июня 2002 г.) *Соглашения о Региональной антитеррористической структуре*.

В преамбуле Соглашения, участники подчеркивают руководство целями и принципами ООН, касающимися поддержания международного мира, безопасности и поощрения добрососедских и дружественных отношений между государствами, а также осуществления основных прав и свобод человека³.

Региональная антитеррористическая структура (РАТС) со штаб-квартирой в г. Бишкек Кыргызской Республики является постоянно действующим органом ШОС, предназначенным для содействия координации и взаимодействия компетентных органов Сторон в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом³.

В число основных задач и функций РАТС входят совместная разработка предложений о развитии сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, обмен информацией, подготовка и проведение совместных антитер-

рористических мероприятий, установление и поддержание рабочих контактов с международными организациями, занимающимися вопросами борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом³.

Деятельность Исполнительного комитета РАТС ШОС уже на начальном этапе показала необходимость введения института постоянных представителей государств-членов ШОС при РАТС ШОС для обеспечения взаимодействия Исполнительного комитета РАТС ШОС с компетентными органами государств-членов ШОС.

Экспертной группой разработаны проекты Положения о постоянных представителях государств-членов ШОС при РАТС ШОС и Порядок взаимодействия Исполнительного комитета РАТС ШОС с компетентными органами государств-членов ШОС.

Советом РАТС ШОС утверждены "Перечень террористических, сепаратистских и экстремистских организаций, деятельность которых запрещена на территориях государств-членов ШОС" и "Список лиц, объявленных спецслужбами и правоохранительными органами государств-членов ШОС в международный розыск за совершение или по подозрению в совершении преступлений террористического, сепаратистского и экстремистского характера".

В Перечне для каждого государства-члена ШОС указаны организации, которые официально признаны данным государством террористическими, сепаратистскими и экстремистскими и деятельность которых запрещена на его территории.

При работе над названными документами государства-члены ШОС пришли к пониманию необходимости выработки единых подходов к созданию общего перечня террористических, сепаратистских и экстремистских организаций, деятельность которых запрещена на территориях государств-членов ШОС и единого розыскного реестра

лиц, объявленных спецслужбами и правоохранительными органами государств-членов ШОС в международный розыск за совершение или по подозрению в совершении преступлений террористического, сепаратистского и экстремистского характера. Это позволит государствам-членам ШОС более эффективно противодействовать терроризму, сепаратизму и экстремизму.

Исполнительным комитетом РАТС ШОС были подготовлены и направлены в компетентные органы государств-членов ШОС информационно-аналитические документы:

- "Об основных угрозах и вызовах государствам-членам ШОС",
- "О террористических акциях в Республике Узбекистан",
- "О деятельности террористических и экстремистских организаций на территории государств-членов ШОС",
- "О деятельности "Аль-Каиды",
- "О развитии обстановки в Переходном Исламском Государстве Афганистан",
- "О мерах, принимаемых за рубежом, по противодействию международному терроризму",
- "О состоянии совместной борьбы с угрозами терроризма, сепаратизма и экстремизма на пространстве государств - членов ШОС",
- "Об усилении борьбы с международным терроризмом",
- "О деятельности религиозно-экстремистской организации "Хизб-ут-Тахрир",
- "Истоки и причины проявлений международного терроризма и религиозного экстремизма в Центрально-Азиатском регионе" и другие.

Для осуществления пропагандистской деятельности в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом в сети Интернет открыт веб-сайт, на страницах которого помещается открытая информация о деятельности РАТС ШОС.

Таким образом, в рамках ШОС складывается механизм обеспечения безопасности в азиатском регионе. Страны-участницы продолжают сотрудничество путем

укрепления границ, разрешения территориальных споров, пресечения незаконной миграции, взаимодействия через РАТС и т.д. ШОС обладает большим потенциалом для выполнения важной роли в борьбе с указанными тремя угрозами и обеспечения надежной региональной безопасности.

Фактором нестабильности и очагом терроризма в регионе является Афганистан. Государства ШОС прилагают всевозможные усилия для улучшения обстановки в этой стране.

Так, была создана "Контактная группа ШОС – Афганистан" (ноябрь 2005 г.), в рамках ШОС действует Соглашение о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Для устранения перманентной опасности будут наращиваться усилия по созданию так называемого "антинаркотического пояса" вокруг Афганистана, приниматься меры по подключению к процессу государственного и экономического обустройства этой страны.

В августе 2007 г. в Челябинской области прошли командно-штабные антитеррористические учения вооруженных сил государств-членов ШОС "Мирная миссия-2007".

"Сейчас, когда реанимируются утверждения о якобы непреодолимых культурно-цивилизационных различиях между государствами, организация демонстрирует прекрасный пример равноправного партнерства на евразийском пространстве. Партнерства, стратегической целью которого является укрепление региональной безопасности и стабильности, содействие экономическому процессу и интеграционным процессам при сохранении национальной самобытности каждого из государств⁷.

ШОС становится все более весомым фактором укрепления безопасности и стабильности в центральноазиатском регионе и органично вписывается в глобальную систему противодействия террору.

Решениями Совета глав государств- членов Шанхайской организации сотрудничества от 5 июля 2005 г. статусы наблюдателей при ШОС были предоставлены Индии, Ирану, Монголии и Пакистану⁸.

Очевидно, что выработанная модель сотрудничества государств-участников ШОС становится все более востребованной, поскольку в основе ее деятельности лежат четкие и ясные принципы, определяющие привлекательность организации в глазах мировой общественности.

Примечания

¹ Моисеев Е.Г. Россия в современном мире: международно-правовые и внешнеполитические аспекты. Кн.1. М.: Книга и бизнес, 2002. С. 165.

² Терроризм : борьба и проблемы противодействия. М.: Юнити-Дана. Закон и право, 2004. С.281.

³ Международное право и борьба с преступностью. Сборник документов. М.: Международные отношения, 2004. С.213, 224, 225, 215, 216.

⁴ http://asiapacific.narod.ru/countries/apr/shos_declaration.htm

⁵ <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1168301&subID=100064359,100064369>

⁶ http://www.kremlin.ru/interdocs/2002/06/07/1938_type72067_106755.shtml?type=72067

⁷ ШОС – новая модель успешного международного сотрудничества. В.В.Путин www.kremlin.ru

⁸ <http://www.rg.ru/2006/06/14/putin-shos.html>

Влияние “Группы восьми” на формирование глобальной стратегии борьбы с терроризмом

Елена Поляничко

“Группа восьми” – неформальный форум, объединяющий ведущие промышленно развитые страны, все ярче вырисовывается в качестве эффективного центра глобального регулирования. На своих ежегодных саммитах и на основе постоянно расширяющихся механизмов “Группа восьми” многое делает для формулирования основных направлений развития международных отношений и формирования глобального порядка.

“Большая восьмерка” является одним из тех механизмов, который оказывает непосредственное влияние на международную жизнь. Данный международный механизм позволяет в сжатые сроки реагировать на изменения в международной жизни и отвечать на новые глобальные угрозы.

“Большая восьмерка” отличается тем, что:

- *во-первых*, все ее члены (Великобритания, Германия, Италия, Канада, Россия, США, Франция и Япония) обладают большим экономическим, политическим и военным потенциалами;
- *во-вторых*, решения принимаются на уровне глав государств и правительств, что придает им особую политическую легитимность и значимость;
- *в-третьих*, в рамках данного форума обсуждается широкий круг вопросов, волнующих мировую общественность.

ПОЛЯНИЧКО Елена Григорьевна в 2002 г. закончила МГИМО с дипломом магистра международных отношений и глобального развития, закончила *Institut des Sciences Politiques de Paris* также с дипломом магистра, стажировалась в Совете Европы в Страсбурге, работала в телекомпании ВГТРК редактором международных новостей в сфере безопасности финансовых систем, занималась проблемами национального маркетинга и PR.

Ключевые слова: группа Восьми, терроризм, борьба с терроризмом, неформальный механизм регулирования международных отношений, Лионская группа, Римская группа, борьба с финансированием терроризма, ФАТФ, группа Эгмонт, глобальное партнерство против распространения оружия и материалов массового уничтожения, всеобъемлющая стратегия по противодействию терроризму, безопасность энергетической инфраструктуры, партнерство государства и бизнеса в борьбе с терроризмом, Саммит в Хайлигендаме, Саммит на Хоккайдо, Япония, наркоторговля, ядерный терроризм, Парижский пакт.

Несомненно, существуют недостатки, мешающие полноценной работе. В первую очередь, стоит отметить неформальную форму функционирования “большой восьмерки”. С одной стороны – это позитивный фактор, с другой – у группы отсутствуют механизмы как регулирования кризисных ситуаций, так и принятия и осуществления долгосрочных политических целей.

Однако “Группа восьми” создавалась не как очередной международный институт, а как неформальное объединение, имеющее своей целью упростить функционирование международных организаций, координировать деятельность государств-членов в различных сферах и, при необходимости, принимать меры для разрешения насущных проблем международной жизни.

“Большая семерка”, а потом и “восьмерка”*, с начала своего существования особое внимание уделяла вопросам безопасности и борьбе с организованной преступностью.

В рамках “Группы восьми” действуют рабочие, экспертные и целевые группы в области безопасности: Группа высокого уровня по вопросам нераспространения оружия массового уничтожения, Лионская группа по транснациональной преступности и Римская группа по борьбе с терроризмом, объединенные в 2001 г., Группа контртеррористических действий, Группа экспертов по нераспространению (с подгруппой по утилизации плутония), Рабочая группа по ядерной и физической безопасности.

В среднем по линии “восьмерки” в год проходит от 60 до 80 рабочих встреч министров стран-членов и экспертов в различных областях.

В 1995 г. в Галифаксе (Канада) собралась группа экспертов по борьбе с международной организованной преступностью. Она разработала 40 рекомендаций для более эффективного противодействия данной угрозе, которые были одобрены главами 8 государств на Лионском саммите (1996 г.).

Для более эффективной работы были организованы подгруппы, которые сосредоточили внимание на конкретных проблемах безопасности (правовые вопросы обмена данными и уликами, преступления в области высоких технологий, миграционные правонарушения, торговля людьми и др.).

“Большая восьмерка” – катализатор международных усилий по борьбе с финансированием терроризма

В борьбе с терроризмом “большая восьмерка” имеет значительный опыт. Еще в 1986 г. была организована Римская экспертная группа по вопросам борьбы с терроризмом и организованной преступностью.

Через месяц после терактов в США 11 сентября 2001 г. министры юстиции и министры внутренних дел “Группы восьми” встретились в Риме для обсуждения возможностей сотрудничества в области борьбы с терроризмом.

Помимо работы в области борьбы с организованной международной пре-

ступностью группа использует свои ресурсы для повышения эффективности контртеррористических мер. Среди приоритетных направлений работы можно выделить:

- правовые вопросы;
- транспортную безопасность;
- сотрудничество по проблемам использования террористами Интернета.

К 2001 г., несмотря на то, что на высшем уровне проблема борьбы с терроризмом практически не обсуждалась, министры финансов “Группы восьми” разработали ряд инициатив, которые

* “Большая семерка” стала “большой восьмеркой” в 1997 г., когда по предложению США Россия стала участвовать в работе этого международного механизма.

были успешно воплощены в международной практике.

Среди них можно выделить идею создания национальных Подразделений финансовой разведки (ПФР) и их тесное сотрудничество, позднее объединенное в рамках Группы Эгмонт, учреждение Финансового форума стабильности (1999 г.), что способствовало укреплению стабильности мировой финансовой системы; включение МВФ и Всемирного банка (в частности, Базельского комитета по банковскому надзору) в борьбу с отмыванием денежных средств.

“Группа восьми” сыграла роль катализатора деятельности международного сообщества в формировании режима борьбы с финансированием терроризма. Их План действий по борьбе с финансированием терроризма¹, принятый в октябре 2001 г. министрами финансов стран “большой восьмерки”, послужил толчком к активизации деятельности ряда международных организаций.

Лидеры стран “восьмерки” призвали Группу разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ)* сосредоточиться на:

– разработке специальных мер по противодействию финансированию террористической деятельности, повышению прозрачности финансовых потоков;

– составлении руководства для финансовых институтов по выявлению подозрительных средств;

– установлении процедур, которые помогут выявлять нарушителей финансовых режимов и незаконные схемы, развивать сотрудничество с государствами в данной области.

В Плате действий “Группа восьми” отметила необходимость повышения роли Группы Эгмонт, которая содействует развитию международной инфраструктуры национальных ПФР и углублению сотрудничества между ними.

Влияние “Группы восьми” на деятельность ФАТФ остается существенным.

В соответствии с рекомендациями Лионской/Римской группы “большой восьмерки” в 2003 г. ФАТФ принял 40 рекомендаций по борьбе с отмыванием денег², которые были дополнены в 2004 г.³ По ряду аспектов они выходят за рамки требований Конвенции о финансировании терроризма 1999 г. и резолюции № 1373 (2001 г.) Совета Безопасности ООН и затрагивают новые вопросы, которые касаются неофициальных схем перевода денег и выявления информации, связанной с телеграфными денежными переводами, а также контроля с целью предотвращения использования некоммерческих организаций для финансирования терроризма**.

* ФАТФ – *Financial Action Task Force*.

** В частности, в рекомендациях зафиксирована необходимость:

1. Ратификации и имплементации всех инструментов ООН по борьбе с финансированием терроризма;
2. Установления уголовной ответственности за финансирование террористической деятельности;
3. Замораживания и конфискации средств террористов и их организаций;
4. Оповещения компетентных органов о любой подозрительной финансовой активности;
5. Развития информационного обмена и технического сотрудничества с международными организациями и другими государствами;
6. Установления уголовной ответственности юридических и физических лиц за содействие данной преступной деятельности;
7. Проведения безналичных переводов в соответствие с международными нормами;
8. Развития деятельности общественных организаций;
9. Установления процедуры контроля за перемещением наличных денежных средств через государственные границы.

Другим важным направлением сотрудничества с 2002 г. стало “Глобальное партнерство против распространения оружия и материалов массового уничтожения”, принятое в Кананаскисе в 2002 г.⁴.

Программа призвана противодействовать одной из наиболее серьезных угроз безопасности путем предотвращения незаконного оборота оружия и материалов массового уничтожения.

Во время встречи на высшем уровне в Кананаскисе лидеры “большой восьмерки” договорились ассигновать до 20 млрд. долл. США на реализацию проектов, в первую очередь в России.

В рамках партнерства было выделено 4 приоритетных области сотрудничества:

- уничтожение химического оружия;
- утилизация атомных подводных лодок, выведенных из состава ВМФ России;
- ядерная и радиологическая безопасность;
- трудоустройство ученых, ранее работавших на оборонную промышленность.

На саммите “большой восьмерки” в Санкт-Петербурге (2006 г.) был представлен доклад о глобальном партнерстве “Группы восьми”⁵, в котором содержался краткий отчет об осуществленных проектах.

Роль России в формировании глобальной антитеррористической стратегии

До 2006 г. сотрудничество “Группы восьми” в области борьбы с терроризмом носило точечный характер, а в некоторых областях проблемы обсуждались недостаточно глубоко.

Так например, в 2002 г. на саммите в Кананаскисе акцент был сделан только на мерах по укреплению потенциала борьбы

Например, при содействии Германии, Нидерландов, Финляндии, Польши, Швейцарии, Чехии, Италии, США, Канады, Великобритании, Норвегии, Швеции, Новой Зеландии, Ирландии и Бельгии в России были построены два объекта по уничтожению химического оружия.

Международная финансовая поддержка также предоставляется центрам по работе с общественностью, расположенных вблизи некоторых оборонных объектов.

В области комплексной утилизации атомных подводных лодок, выведенных из эксплуатации ВМФ России, были утилизированы 61 лодка, из них 17 при содействии США, Канады, Великобритании, Японии, Норвегии.

Осуществляются также проекты по совершенствованию инфраструктуры безопасного и надежного хранения ядерных материалов, полученных при их утилизации. Хотя еще не все вопросы решены в контексте переговоров между Россией и США по утилизации 34 т оружейного плутония и его перевода в формы, не пригодные для изготовления ядерного оружия.

Важная составляющая партнерства – международные программы трудоустройства российских ученых-оружейников.

При финансовом содействии США, ЕС, Великобритании, Канады, Японии и других стран были реализованы 1400 научно-исследовательских проектов, в которые привлечено свыше 17000 бывших ученых-оружейников.

с терроризмом в странах-членах “восьмерки”.

В 2003 г. в Эвиане внимание было сосредоточено на возможностях стран-членов “восьмерки” противостоять угрозе терроризма, а также на оказании поддержки и помощи странам, ставшим объектом террористических атак.

В 2006 г. впервые Саммит прошел под председательством России, которой удалось создать атмосферу конструктивного диалога и продемонстрировать профессиональный подход. Несмотря на то, что основными темами саммита стали глобальная энергетическая безопасность, развитие современных систем образования и борьба с инфекционными заболеваниями, проблеме борьбы с терроризмом в контексте укрепления международной безопасности и стабильности было уделено достаточно внимания.

Работа, проведенная “Группой восьми” по борьбе с терроризмом, явилась логическим продолжением консолидации усилий международного сообщества в борьбе с новыми угрозами и вызовами. При этом необходимо отметить элемент большей прагматичности, уход от декларативности в работе “восьмерки”.

В Декларации о борьбе с терроризмом⁶, принятой в Санкт-Петербурге в 2006 г., было заявлено о необходимости выработки всеобъемлющей стратегии противодействия терроризму.

Признание центральной роли ООН имело скорее психологическое воздействие особенно на фоне дискуссии о том, что организация изжила себя.

Для России, которая всегда проводила линию на укрепление центральной координирующей роли ООН в борьбе с терроризмом, это явилось важным завоеванием.

К Декларации прилагалось Заявление “Группы восьми” об укреплении программы ООН по борьбе с терроризмом⁷, в котором была подчеркнута необходимость:

- разработать всеобъемлющую программу реагирования на угрозу терроризма;
- скоординировать разрозненные программы ООН;
- оптимизировать работу всех звеньев системы ООН.

Важной инициативой России стало предложение рассмотреть проблему “противодействия террористическим актам и иным преступным посягательствам на ключевые объекты энергетической инфраструктуры”.

Цель данной инициативы заключалась в формировании системы безопасности ключевых объектов мировой энергетической инфраструктуры, оценке риска террористических атак, проработке эффективных методов защиты.

“Группа восьми” также поддержала Совместное заявление президентов России и США о Глобальной инициативе по борьбе с актами ядерного терроризма, суть которой заключалась в том, чтобы наладить систематическое сотрудничество по предотвращению, пресечению и устранению актов ядерного терроризма.

Рассмотрение вопроса борьбы с наркоторговлей заняло важное место в работе саммита.

Лидеры “восьмерки” приветствовали результаты международной конференции “О путях доставки наркотиков из Афганистана”, которая состоялась в Москве в июне 2006 г. в рамках “парижского процесса”.

Несколько слов о “парижском процессе”. В период председательства Франции в “большой восьмерке” в мае 2003 г. в Париже состоялась международная конференция “О путях распространения наркотиков из Центральной Азии в Европу”.

В ней приняли участие министры иностранных и внутренних дел, эксперты высокого уровня из 55 государств, испытывающих на себе негативные последствия наркоторафика из Афганистана.

По итогам конференции была принята Парижская декларация, в которой участники от имени своих государств взяли на себя обязательства активизировать усилия в борьбе с контрабандой наркотиков из Афганистана и связанной с ней преступностью и оказывать поддержку странам региона.

Эти обязательства были подтверждены на состоявшейся позднее встрече глав государств "большой восьмерки" и заседании Совета Безопасности ООН.

Парижская декларация содержит перечень совместных мер по борьбе с наркотрафиком и устанавливает механизм координации усилий различных государств, международных и региональных организаций и донорского сообщества, где главную роль поручено сыграть Управлению ООН по наркотикам и преступности.

Позднее этот комплекс мер по борьбе с наркотиками и консультативный механизм координации получил название "Парижский Пакт"⁸.

Практическая реализация принятых решений получила название "парижского процесса", в рамках которого проходят постоянные встречи экспертов, круглые столы, разрабатываются конкретные проекты по оказанию содействия в борьбе с наркоугрозой конкретным государствам и регионам.

Россия выступила с инициативой проведения в Москве конференции в рамках "парижского процесса" для корректировки деятельности в данном направлении, поскольку по статистике 87% незаконно произведенного в мировом масштабе опия экспортировалось из Афганистана⁹.

По итогам конференции в Москве (2006 г.), в которой участвовали более 50 государств и свыше 20 международных организаций, была подписана *Московская декларация*, в которой отражены основные составляющие международной стратегии борьбы с афганским наркотрафиком. Особый акцент в рамках дискуссии был сделан на опасности, которую представляет слияние наркобизнеса с деятельностью террористических организаций.

Россия выступила также с инициативой наладить совместную работу с бизнес-сообществом по противодействию терроризму.

В целом саммит "большой восьмерки" в Санкт-Петербурге (2006 г.) способствовал укреплению международных позиций России. Помимо положительного психологического эффекта, Россия предложила ряд конкретных инициатив, которые были положительно восприняты другими участниками.

Инициатива России по созданию партнерства государства и бизнес-сообщества в противодействии терроризму получила свое развитие в ноябре 2006 г., когда в Москве в рамках рабочих встреч "Группы восьми" прошел *Глобальный форум по партнерству государств и бизнеса. По результатам этого форума была принята "Стратегия партнерства государств и бизнеса в противодействии терроризму"*¹⁰.

В документе были обозначены ключевые сферы сотрудничества государства и бизнеса:

- в финансовом секторе основная задача заключается в усовершенствовании механизмов обмена финансовой информацией между правительством и бизнесом;
- в области телекоммуникации цель – снизить уязвимость критически важных информационных систем от электронных нападений террористов;
- в сфере Интернет обозначена необходимость установления тесного партнерства с провайдерами Интернет-услуг как на национальном, так и международном уровнях в целях предотвращения использования Интернета для пропаганды терроризма.

Кроме того, отмечена необходимость:

- тесного всестороннего сотрудничества в туристической области, поскольку туристические объекты являются приоритетными мишенями для террористов;
- обеспечения безопасности критически важных объектов инфраструктуры (предприятия энергетики, связи, химической промышленности, водоснабжения, пищевой промышленности, образовательные и медицинские учреждения), а также морского, железнодорожного и другого наземного транспорта.

Саммит в Хайлигендамме – укрепление партнерства в борьбе с терроризмом

Саммит 2007 г., прошедший в Хайлигендамме, явился логическим продолжением Саммита 2006 г. в области борьбы с терроризмом. Хотя проблема противодействия терроризму не стала приоритетной темой, однако был принят ряд важных документов, которые свидетельствуют о большой проделанной работе по конкретным инициативам, выдвинутым Россией в рамках Саммита в Санкт-Петербурге.

В докладе о поддержке “Группой восьми” контртеррористических усилий ООН была подтверждена центральная роль ООН, как “единственной организации, обладающей статусом и компетенцией...”¹¹.

“Группа восьми” приветствовала принятие *Глобальной контртеррористической стратегии* Генеральной Ассамблеи ООН 8 сентября 2006 г.

В докладе отмечалось, что участники “восьмерки” внесли весомый вклад в завершение переговоров по Стратегии, которая будет содействовать эффективности и более тесному сотрудничеству между механизмами ООН и странами-членами.

“Большая восьмерка” призвала государства:

- содействовать имплементации резолюций СБ ООН в области противодействия терроризму;

- сосредоточить усилия на наращивании контртеррористического потенциала на национальном и региональном уровнях;

- обеспечить конкретные результаты в реализации программ.

В области формирования международной правовой базы была положительно отмечена работа Управления ООН по наркотикам и преступности по предоставлению технической помощи государствам в данном направле-

нии. Прозвучал призыв к государствам-членам ООН присоединиться к работе над Всеобъемлющей Конвенцией по международному терроризму.

В рамках Саммита 2007 г. было также принято Заявление “Группы восьми” о противодействии терроризму “*Безопасность в эпоху глобализации*”¹².

В нем отражены основные направления сотрудничества стран-членов “восьмерки” в данной сфере, содержится информация о проделанной работе и выделены те области, которые заслуживают особого внимания в контексте нынешней международной обстановки.

“Большая восьмерка” призвала уделять пристальное внимание борьбе с использованием террористами современных информационных и коммуникационных технологий. Особо отмечалась необходимость исследования экспертами новых возможностей для использования данных технологий террористами и поиск методов противодействия.

“Восьмерка” положительно оценила предпринятые инициативы в области защиты критически важных объектов энергетической инфраструктуры, в частности, проведенную оценку потенциальных рисков для энергетической инфраструктуры, и обмен опытом в сфере эффективного реагирования на угрозы безопасности.

Повышение уровня безопасности транспорта было выделено в качестве одной из центральных областей сотрудничества в борьбе с терроризмом.

Еще на саммите в Си-Айленде (2004 г.) была принята *Инициатива по безопасному и упрощенному порядку международных поездок (САФТИ)*.

В Хайлигендамме (2007 г.) лидеры объявили об успешном завершении всех 28 проектов.

Результаты были переданы соответствующим международным органам, включая Международную организацию гражданской авиации (ИКАО), Международную морскую организацию (ИМО) и Всемирную таможенную организацию.

В настоящее время эксперты работают над проблемой противодействия новым угрозам на транспорте.

Это не ограничивается только противодействием использованию жидких взрывчатых веществ, а совершенствуются программы и методы досмотра пассажиров, проверки степени защищенности портовых сооружений, системы управления безопасностью и программы проверки на безопасность транспортных работников.

В области наземного транспорта была создана Международная рабочая группа по безопасности наземного транспорта, включающая страны-члены "Группы восьми" и страны, которые в "восьмерку" не входят.

Еще одним направлением сотрудничества является постоянное наращивание глобальных усилий по борьбе с вербовкой террористов, включающих в себя политические, социально-экономические и культурные мероприятия и программы.

Борьба с контрабандой наличных денежных средств для финансирования терроризма – одна из самых сложных задач, стоящих перед международным сообществом. Мировое сообщество предприняло серьезные шаги в области обеспечения безопасности финансовых систем и недопущении их использования в интересах террористов. Однако одной из самых сложных задач остается борьба с использованием террористами неформальных финансовых механизмов и использованием наличных средств.

В рамках 9 специальных рекомендаций по борьбе с финансированием терроризма, разработанных ФАТФ есть рекомендация, нацеленная на сокраще-

ние масштабов трансграничного перемещения наличных денежных средств, не поддающихся отслеживанию и полученных незаконным путем.

"Группа восьми" отметила необходимость сосредоточить усилия именно на этом направлении.

Перед экспертами поставлены новые задачи:

- по выявлению основных перевалочных и курьерских маршрутов, определению наиболее эффективных путей обмена информацией между правоохранительными органами;

- по внедрению стандартов декларирования и/или представления информации о наличных денежных средствах при одновременном обеспечении свободного передвижения законных средств;

- по оценке уязвимости национальных пограничных/таможенных служб и выработке необходимых контрмер.

Предупреждение ядерного терроризма остается одной из важных составляющих в глобальной борьбе с терроризмом. "Группа восьми" заявила о своей поддержке Инициативы по борьбе с актами ядерного терроризма.

В июле (7–9) 2008 г. на японском острове Хоккайдо состоялся очередной саммит "Группы восьми", который проходил в расширенном составе: помимо стран-членов "восьмерки" в нем приняли участие лидеры 22 развивающихся стран, поскольку основными вопросами на саммите стали:

- борьба с глобальным потеплением;
- рост цен на энергоносители и продовольствие;

- ситуация в Африке;

- вопросы гуманитарной и других видов помощи африканским странам.

Однако обсуждались также и проблемы борьбы с международным терроризмом. По итогам переговоров в данной области было подписано Заявление по контртерроризму.

В Заявлении о противодействии терроризму “восьмерка” еще раз подтвердила центральную роль ООН в борьбе с терроризмом, призвала страны-члены следовать Глобальной контртеррористической стратегии, принятой ООН, выполнять резолюции Совета Безопасности ООН по этому вопросу, а также все международные конвенции и протоколы.

“Группа восьми” заявила о своем намерении развивать сотрудничество с ООН путем координации действий с Контртеррористическим Комитетом ООН через Группу контртеррористических действий (*the Counter-Terrorism Action Group*). Лидеры подчеркнули необходимость пресекать попытки применения химического, биологического, радиологического и ядерного терроризма,

нападения на объекты энергоснабжения стран, транспортные объекты.

“Восьмерка” подтвердила намерение бороться с финансированием терроризма, включая контрабанду наличных денег, и опасностью использования террористическими организациями благотворительных акций, указала на настоятельную необходимость применения рекомендаций ФАТФ и поставила перед экспертам задачу оценить новые угрозы, определить новые тенденции и через год проанализировать совместные усилия стран-членов “восьмерки” в этой области.

В Заявлении было отмечено, что борьба с терроризмом “Группы восьми” будет проводиться исходя из принципов свободы, безопасности, защиты демократии и справедливости¹³.

В целом важно отметить, что работа “Группы восьми” в области борьбы с терроризмом стала, с одной стороны, более системной, последовательной и структурированной, а с другой – “восьмерка” концентрирует внимание на самых актуальных, сложных проблемах в данной сфере.

Это является позитивным фактором, поскольку, обладая весомым политическим потенциалом, лидеры “Группы восьми” способны стать катализатором в решении этих вопросов. Ведь достижение консенсуса и возможность координации действий часто требует непростых политических решений, а в ряде случаев, сложных дипломатических усилий и достижения неформальных договоренностей на высоком уровне.

Примечания

- ¹ Action Plan: Progress Report on Combatting the Financing of Terrorism. October 2001, <http://www.g8.utoronto.ca/g7/finance/fm020902.htm>
- ² The Forty Recommendations. FATF/GAFI. 20.06.2003 // http://www.fatf-gafi.org/document/28/0,2340,en_32250379_32236930_33658140_1_1_1_1,00.html#40recs
- ³ Special Recommendations on Terrorist Financing. FATF/GAFI. 22.10.2004 // <http://www.fatf-gafi.org/dataoecd/8/17/34849466.pdf>
- ⁴ Statement by G8 Leaders: The G8 Global Partnership Against the Spread of Weapons and Materials of Mass Destruction. Kananaskis. 27.06.2002 // <http://www.g7.utoronto.ca/summit/2002kananaskis/arms.html>
- ⁵ Доклад о глобальном партнерстве “Группы восьми”. Санкт-Петербург. 16.07.2006 // <http://g8russia.ru/docs/22.html>
- ⁶ Декларация саммита “Группы восьми” о борьбе с терроризмом. Санкт-Петербург. 16.07.2006 // http://www.kremlin.ru/interdocs/2006/07/16/2031_type72067_108851.shtml?type=72067

⁷ Заявление “Группы восьми” об укреплении программы ООН по борьбе с терроризмом. Санкт-Петербург. 16.07.2006 // http://www.kremlin.ru/interdocs/2006/07/16/2037_type72067_108852.shtml?type=72067

⁸ http://www.unodc.org/pdf/russia/Publications/monitor_7.pdf

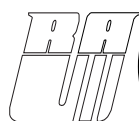
⁹ <http://www.liter.kz/site.php?lan=russian&id=167&pub=2134>

¹⁰ Стратегия партнерства государств и бизнеса в противодействии терроризму. 30.11.2006 // http://www.g8russia.ru/page_work/32.html

¹¹ Доклад о поддержке “Группой восьми” контртеррористических усилий Организации Объединенных Наций. Санкт-Петербург. 08.06.2007 // <http://www.kremlin.ru/images/contr.doc>

¹² G8 Summit Statement on Counter Terrorism – Security in the Era of Globalization. Heiligendamm. 08.07.2007 // http://www.g-8.de/Content/EN/Artikel/_g8-summit/anlagen/ct-statement-final,templateId=raw,property=publicationFile.pdf/ct-statement-final

¹³ <http://www.g8summit.go.jp/eng/index.html>

ОБЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail: observer@nasled.ru

*Ìà ñà é ò à Áù íà é ä ä ò à è í ò í ò ì à ö è þ î í à ÷ à ò í ú ò
è ý è ä è ò ð í í í ú ò è ç ä à í è ý ò Í Î Î « Ð À Ó - Ó í è ä ä ò ñ è ò à ò » :*

- æ ó ð í à è « Í á í ç ð á ä ä ò ä ö ü – Observer » (1992–2008 ää);
- « Ñ í á ð á í á í á ý í è è ò ÷ à ñ è ä ý è ñ ò í ð è ý Ð í ñ ñ è » – « Ò ð í í è à » (1985–2008 ää) í à CD - à è ñ è á ;
- ý è ä è ò ð í í á ý ä ä ð è ý « Ð À Ó - Í ð á ñ ñ » (á í è á á 230 ò ù ñ. í ð í è ç á í à è ò à è ä é è ò í ä ä ð í à è ò ñ è ó á);
- é í è æ í á è ç ä à í è á « Ð à ò í á ý ñ è á á á Í ò á - á ñ ò á á » á 6 ò í à ò ;
- è í ò í ò ì à ö è ý è á í à è è ò è è à .

Политика НАТО в отношении ядерного оружия

**Вячеслав Круглов,
Михаил Сосновский**

Военно-политический блок НАТО по-прежнему рассматривает военную силу в качестве одного из основных инструментов достижения политических и экономических целей при откровенном игнорировании принципов международных отношений, сложившихся после Второй мировой войны, и подмене международного права “правом сильного” с применением военной силы без санкций ООН и ОБСЕ.

Блок НАТО, даже после прекращения существования СССР и Организации варшавского договора и значительного снижения военного потенциала России, стремится к расширению своего геополитического влияния, в том числе за счет расширения альянса на Восток и сохранения подавляющего военного превосходства.

Однако надо отметить, что определенное влияние на развитие военно-политической обстановки в Европе и мире оказывают противоречия между приверженцами традиционной политики блока (Великобритания, Нидерланды и другие, в том числе все новые члены альянса) и сторонниками ее трансформации (Франция, Германия, отчасти – Италия и Испания). Последние, стремясь к укреплению своих геополитических позиций, поднимают вопрос о необходимости пересмотра приоритетов в обеспечении европейской безопасности, расширения военно-политического взаимодействия НАТО с Европейским союзом.

Одна из наиболее активных участниц НАТО – **Германия**, выделяющая значительные силы в состав объединенных вооруженных сил, стремится к усилению своей роли в альянсе. При этом с расчетом на поддержку союзников, в первую очередь Франции.

В немецкой политике делается акцент на обретение большей независимости Европы от США в экономической, политической и военной сферах.

В начале 2005 г. канцлер ФРГ Г.Шредер выступил с инициативой трансформации НАТО, направленной на усиление

КРУГЛОВ Вячеслав Викторович – генерал-майор, доктор военных наук, профессор, действительный член Академии военных наук; заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, лауреат премии им. А.В.Суворова Академии военных наук.

СОСНОВСКИЙ Михаил Евгеньевич – полковник запаса, кандидат военных наук, профессор, член-корреспондент Академии военных наук; заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, лауреат премии им. А.В.Суворова Академии военных наук.

Ключевые слова: НАТО, ядерное оружие, морские стратегические ядерные силы (МСЯС), ядерные боеприпасы (ЯБП), ядерные удары, нестратегическое ядерное оружие (НСЯО).

ние политизации блока для удерживания США от односторонних силовых действий. Однако особых успехов на пути к “европеизации” НАТО Берлину достигнуть пока не удастся, а новый канцлер ФРГ А.Меркель уже в феврале 2006 г. определила “укрепление союзнических отношений с США” как приоритетное направление деятельности возглавляемого ею правительства.

Великобритания стремится взять на себя роль общеевропейского лидера – стратегического партнера США и на этой основе расширить свое влияние. Лондон практически безоговорочно поддерживает американцев по всем международным проблемам, последовательно защищая идею о невозможности стабильного существования Европы без политического, экономического и военного присутствия США, в том числе и ядерного. При этом Лондон стремится к расширению военного сотрудничества с Францией для противодействия усилению германского влияния.

Особое внимание Великобритания уделяет укреплению своих позиций в Североатлантическом союзе за счет широкого участия в его руководящих органах и выделения в состав объединенных вооруженных сил (ОВС) НАТО не только значительных контингентов сил общего назначения от национальных вооруженных сил (ВС), но и предоставления в распоряжение альянса своих морских стратегических ядерных сил (МСЯС). Великобритания видит в НАТО гарантию собственной и европейской безопасности и, по сути, является проводником американской политики в рамках блока.

Франция выступает за военно-политическую интеграцию стран Европы и сокращение американского военного присутствия на континенте. При этом французское руководство активно ведет деятельность по превращению ЕС в мировой центр силы, настаивает на

трансформации НАТО в гибкую структуру обеспечения европейской безопасности с большей независимостью от США. По этим аспектам Париж сотрудничает с Берлином.

Позиция Франции до сих пор основывается на отказе от полной интеграции в военную структуру НАТО, сохранении независимости в военном строительстве и применении своих ВС, особенно ядерного компонента.

Вместе с тем НАТО рассматривается Парижем как необходимый механизм обеспечения коллективной безопасности. Франция расширяет взаимодействие своих ВС с ОВС блока, что в некоторой степени приближает ее к участию в военной структуре НАТО.

В этой связи знаменательно выступление президента Франции Н.Саркози (3 апреля 2008 г.) в Бухаресте на саммите НАТО, где он заявил, что Франция до конца 2008 г. вернется в военную организацию Североатлантического альянса, из которой она вышла в 1966 г. при генерале де Голле.

Однако, как можно было понять, это не касается (пока?) французских ядерных сил.

Известно, что между Францией и Великобританией существует координация в организации боевого патрулирования своих стратегических ракетных подводных лодок (возможно, это относится и к целераспределению).

В рамках общей реформы Североатлантического союза важное место отводится проработке вариантов изменения процедуры принятия коалиционных решений.

Необходимость изменений обосновывается расширением состава участников альянса и, как результат, усложнением процесса достижения консенсуса между ними.

США при поддержке Великобритании выступают за отказ от принципа

консенсуса, добиваясь принятия решений “квалифицированным большинством” (когда для одобрения рассматриваемых проектов необходимо более 50 % голосов стран-участниц НАТО, имеющих общую численность населения более 60 % всех государств альянса). Такой подход позволит Вашингтону провести при поддержке стран, недавно принятых в НАТО, любую инициативу.

Этот “процедурный вопрос” является одним из ключевых для дальнейшей деятельности альянса, поскольку от способа его решения во многом будет зависеть расстановка сил в НАТО.

Сохранение существующей процедуры в условиях расширения НАТО может привести к дальнейшему обострению противоречий внутри блока и усложнению механизма выработки решений. Однако в случае принятия американских предложений Североатлантический союз может окончательно превратиться в инструмент реализации военно-политических целей Соединенных Штатов, в том числе в вопросах ядерной политики. Это особенно актуально, учитывая наличие существенных запасов ядерного оружия (ЯО) у НАТО и ведущуюся в рамках альянса дискуссию о роли американского ЯО в Европе и целесообразности дальнейшего размещения тактических авиационных ядерных бомб (АЯБ) США в европейских странах.

Весьма важными являются также положения новой “*Стратегии национальной безопасности США*” от 16 марта 2006 г. В ней объявляется, что “Соединенные Штаты должны быть лидером разрастающегося сообщества демократических стран”. И именно в этом ключе наиболее ощутимо давление США на своих партнеров по НАТО, направленное на превращение альянса в орудие проведения политики установления в мире демократии за-

падного образца (то есть “демократии по-американски”), а также сохранения и укрепления роли Соединенных Штатов как единственной “сверхдержавы”.

В мирное время ядерное оружие в Европе (российское ЯО не рассматривается) находится под национальным контролем трех государств – США, Великобритании и Франции. В военное время его применение определяется соответствующими соглашениями и процедурами, касающимися, прежде всего, тактического ядерного оружия США, достигнутыми в рамках НАТО, в том числе в рамках Группы ядерного планирования альянса.

Материальной основой реализации ядерной политики НАТО являются тактическая авиация двойного назначения США и некоторых стран блока с американскими АЯБ, размещенными в Европе, и МСЯС Великобритании.

Франция проводит независимую ядерную политику, ее ядерные силы в состав ядерных сил НАТО не включены.

Ядерный компонент американских стратегических сил в состав ОВС блока не входит и находится под национальным управлением.

Однако по договорным обязательствам все союзники по НАТО находятся под “ядерным зонтиком” США, включающим как нестратегическое (в том числе находящееся в Европе под так называемым “совместным управлением”), так и стратегическое ЯО.

Взгляды английского руководства на роль ядерного оружия и условия его применения практически не расходятся с американской позицией. Есть только одно отличие; Великобритания считает, что задачи ядерного сдерживания и ядерного поражения противника можно достаточно эффективно решать с опорой только на МСЯС. Поэтому в 1998 г. из состава британских ядерных сил был изъят нестратегический компонент – истребители-бомбардировщи-

ки “Торнадо” с ядерными авиабомбами собственной разработки WE177, а часть планируемых для них задач по ядерному поражению противника были возложены дополнительно на МСЯС.

Британский феномен отказа от нестратегического ЯО в значительной степени объясняется крепкими союзническими связями в рамках НАТО и, в первую очередь, “особыми отношениями” с Соединенными Штатами. Великобритания продолжает поддерживать размещение американских ЯБП и самолетов-носителей на своей территории, а также в других европейских странах НАТО, видя в этом дополнительный фактор укрепления своей военной безопасности.

На авиабазе Лейкенхит в Англии, содержатся более 100 американских ядерных авиабомб (B61-3 и -4) для базирующихся там самолетов тактической авиации ВВС США.

Но, в отличие от Бельгии, Германии, Италии, Нидерландов и Турции, Великобритания использование своих самолетов в качестве носителей американских ядерных авиабомб не планирует.

Ликвидация Организации Варшавского договора и значительные сокращения ядерных вооружений Россией и США объективно поставили вопрос о снижении роли ядерного оружия в стратегической концепции НАТО. Если во время “холодной войны” страны Варшавского договора несколько превосходили НАТО в обычных вооружениях, то с ее окончанием ситуация кардинально изменилась.

Сейчас ВС России и союзной Белоруссии многократно уступают ОВС НАТО по силам общего назначения даже в количественном отношении (в 4–6 раз на различных операционных направлениях Европейского театра войны).

С окончанием “холодной войны” произошли сокращения ЯО в Европе: количество американских ядерных боеприпасов (ЯБП) сократилось с 4000 (1990 г.) до 480 (1994 г.) и примерно 400 ед. (с 2006 г.), причем с 1994 г. остались только АЯБ свободного падения для тактической авиации.

При сохранении такой функции ядерного оружия в Европе, как сдерживание на глобальном (частично) и региональном уровнях, сейчас на первый план блок НАТО выдвигает сдерживание “международного терроризма”. Последнее реализуется в концепциях США, Великобритании и Франции фактически в форме “ядерного устрашения слабого противника” с возможным превентивным нанесением “выборочных” ядерных ударов (ЯУ). При этом указанные официальные ядерные государства, являющиеся ведущими членами альянса, расширяют круг своих вероятных противников за счет так называемых “спонсоров международного терроризма”. Считается, что угроза массированного применения ЯО может восприниматься такими противниками как неправдоподобная и вряд ли себя оправдывает.

В соответствии с доктринальными установками НАТО, ее ЯО – британские баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) и самолеты с американскими АЯБ в Европе может быть применено в случае военного конфликта, ставшего под удар территорию стран НАТО или их вооруженные силы. Однако США и Великобритания допускают самостоятельное применение своего ядерного оружия. Следовательно, превентивные “выборочные” ЯУ по “проблемным странам” могут (применительно к ядерным силам НАТО в Европе) наноситься или тактической авиацией США, базирующейся на территории европейских стран, или в форме так называемый “субстратегических ударов” британскими МСЯС.

Нанесению ударов, возможно, будут предшествовать консультации с другими членами НАТО, но, как бы ни хотелось США и Великобритании возложить коллективную ответственность на всех членов блока, достижение консенсуса в этом случае проблематично. Поэтому, выборочные ЯУ, скорее всего, будут наноситься в рамках односторонних акций США или Великобритании.

Хотя участие альянса в силовых акциях с применением обычного оружия против “назначаемого” противника вполне реально (пример – агрессия НАТО против Югославии в 1999 г.). Очевидно, что навязываемый США союзникам по альянсу переход от консенсуса к “квалифицированному большинству” при принятии решений приведет к окончательному закреплению диктата США в НАТО и, возможно, к снижению “ядерного порога”.

Надо отметить, что в 90-х годах в НАТО наметились некоторые разногласия относительно роли ЯО в военной политике, проблемы соотношения глобального и регионального сдерживания, а также ограниченного или избирательного применения ядерного оружия.

В стратегической концепции НАТО 1991 г. признавалось уменьшение ядерной угрозы, но подчеркивалось, что ЯО “выполняет уникальную функцию” сдерживания агрессии.

В 1996 г. НАТО официально объявила, что ее стратегические силы не нацелены против какой-либо определенной страны.

В ноябре 1998 г. ФРГ и Канада выступили с предложением о кардинальном пересмотре ядерной политики НАТО: о снижении роли ЯО в доктрине альянса, о глубоких сокращениях стратегических и тактических ядерных вооружений и неприменении ядерного

оружия первыми. Эти предложения вызвали критику со стороны Франции, Великобритании и особенно США. Германии было предложено не поднимать данные вопросы, дабы “не подрывать единую позицию НАТО в отношении ЯО”.

Новая стратегическая концепция НАТО, приуроченная к 50-летию альянса и определяющая принципы европейской безопасности в XXI в., была представлена на Вашингтонском саммите НАТО (апрель 1999 г.).

В ней указывалось: “несмотря на сокращения стратегических ядерных сил, нацеливание ракет и то, что Россия уже не рассматривается как угроза, НАТО по-прежнему полагается на ядерное оружие как на защиту от неопределенного будущего, гарантию безопасности стран альянса и сдерживание стран, стремящихся к приобретению ядерного оружия.”

Стратегическое оружие остается краеугольным камнем стратегии сдерживания, а нестратегическое ядерное оружие и обычные вооружения являются дополнительным компонентом сдерживания”.

При этом подчеркивается необходимость жизненно важного для альянса присутствия на территории Европы ядерных и обычных вооружений США.

Эти положения и в настоящее время являются основополагающими в ядерной политике НАТО.

Основным органом, разрабатывающим и координирующим ядерную политику НАТО, а также обсуждающим вопросы размещения ЯО, является Группа ядерного планирования (ГЯП), куда входят все страны НАТО, кроме Франции (Исландия и Люксембург имеют статус наблюдателей).

Группа работает в составе постоянных представителей. Не реже двух раз в год министры обороны стран НАТО, которые участвуют в работе комитета военного планирования, проводят заседания в рамках ГЯП под руководством генерального секретаря НАТО.

Работа ГЯП обеспечивается ее штабной группой, в которую входят члены национальных представительств от стран, участвующих в ГЯП.

Штабная группа выполняет практическую работу по поручению постоянных представителей ГЯП. Ее заседания проводятся раз в неделю или, при необходимости, чаще.

В подчинении ГЯП находится группа высокого уровня под председательством США (группа встречается несколько раз в год). В состав этого консультативного органа входят правительственные эксперты, осуществляющие обсуждение и подготовку предложений по различным аспектам ядерной политики.

Представители европейских стран участвуют в ядерном планировании в рамках штабной группы ГЯП и управления планирования и политики международного военного штаба при военном комитете НАТО, а также в штабе стратегического командования Верховного главного командования ОВС НАТО в Европе, в чью компетенцию входят вопросы непосредственного ядерного планирования.

Решение на применение ЯО является прерогативой Североатлантического совета (“Совета НАТО”), а в критических ситуациях право на это решение может быть предоставлено верховному главнокомандующему ОВС НАТО.

Несмотря на демонстрируемую демократичность разработки ядерной политики НАТО, ведущая роль в ядерном планировании и, тем более, в принятии решения на применение ЯО принадлежит США. Без приказа верховного главнокомандующего ВС США – президента Соединенных Штатов невозможны не только нанесение первого ядерного удара ВВС США в Европе, но даже выдача ЯБП (подвеска АЯБ под самолеты) как американским ВВС, так и ВВС других стран НАТО.

В исключительных случаях (с санкции президента США) такими правами

может быть наделен командующий объединенным командованием ВС США в европейской зоне. Он же одновременно по положению является и Верховным главнокомандующим ОВС НАТО. Ядерные авиабомбы, хотя и передаются под “совместное управление” НАТО, продолжают находиться в распоряжении объединенного командования ВС США в европейской зоне, на которое руководством США возлагается полная ответственность за применение выделяемого ЯО. Основная (и решающая) роль в планировании применения ОВС НАТО нестратегического ядерного оружия (НСЯО) принадлежит штабу объединенного командования ВС США в европейской зоне и объединенному стратегическому командованию (ОСК) ВС США, а само планирование осуществляется по принятому в ВС США порядку.

Изменение военной политики по окончании “холодной войны” затронуло и планирование применения ЯО на Европейском театре войны. До 90-х годов командование ВС США в Европе единолично отвечало за американскую часть планирования и нанесения ядерных ударов выделенным ядерным оружием.

Образованное в 1992 г. с целью централизации планирования и управления американскими ядерными силами объединенное стратегическое командование ВС США осуществляет с объединенными региональными командованиями ВС США совместное планирование применения ЯО в их зонах ответственности.

С 1994 г. ОСК ВС США является ответственным за планирование применения ЯО на ТВД и доведение команд на снятие блокировок ЯБП и для нестратегических ядерных сил (ранее – только для стратегических), а непосредственное планирование применения ЯО на ТВД возложено на командования ВС

США в зонах (регионах). Одновременно председателем объединенного комитета начальников штабов ВС США перед командующими региональными командованиями ВС США была поставлена задача "заблаговременного планирования применения ЯО вне зоны их ответственности" по целям, назначенным ОСК ВС США.

При этом объединенному командованию ВС США в Европе было предоставлено право осуществлять корректировку планов объединенного стратегического командования ВС США и управление действиями авиации с АЯБ, включая и авиацию двойного назначения стран альянса, переданную в состав объединенных ВВС (ОВВС) НАТО.

Ответственность за планирование требуемого усиления ядерных сил и средств на ТВД возложена на ОСК ВС США.

Проведенная в 1993–2003 гг. в США модернизация стратегической системы планирования объединила стратегические и нестратегические ядерные силы, что обеспечило гибкость планирования применения разнородных сил и средств в интересах региональных командований.

С 2003 г. в НАТО для планирования применения ЯО используется автоматизированная система, позволяющая оперативно осуществлять целераспределение и планировать действия разнородных сил (ядерных и общего назначения) по поражению назначенных объектов. Гибкость заключается в возможности оперативно добавлять в план новые цели с расчетом способа поражения, исходя из имеющихся средств, и выбора для конкретных условий рационального варианта.

Наличие гибкой системы планирования позволяет осуществлять комплексное планирование применения разнородных сил и средств (обычных и ядерных, включая крылатые ракеты морского базирования и стратегические средства) для поражения различ-

ных целей как в европейской зоне, так и за ее пределами (в первую очередь – на Ближнем и Среднем Востоке).

С окончанием "холодной войны" в условиях отсутствия глобальной ядерной угрозы некоторые европейские страны НАТО стали проявлять меньшую заинтересованность в сохранении существующего ядерного потенциала, по крайней мере, на своих территориях.

Шесть стран НАТО: Норвегия, Дания, Люксембург, Португалия, Испания и Греция отказались от размещения ЯО на своих территориях и привлечения своих вооруженных сил к выполнению задач ядерного поражения противника. Однако и они продолжают считать наличие американского ядерного оружия в Европе важнейшим военно-политическим звеном, связующим США с европейскими союзниками, и основой общей обороны европейских стран НАТО. А Соединенные Штаты непосредственно заинтересованы в сохранении этого ЯО в Европе, считая его существенным фактором своего влияния в Европе.

В ноябре 1999 г. агентство Франс Пресс сообщило, что США готовы вывести все находящееся в Европе 150–180 тактических АЯБ*.

Пентагон опроверг это сообщение, заявив, что США не планируют вывод своего ЯО с территории Европы. Его поддержали все министры обороны европейских стран НАТО.

Это инициировало новый виток дискуссии, и многие политические деятели европейских стран блока высказались (но только в личном качестве) за кардинальное сокращение НСЯО как НАТО, так и России в Европе.

Согласно официальным документам НАТО, ядерное оружие в Европе

* Реально на это время количество американских АЯБ в Европе составляло 480 ед.

призвано сдерживать угрозы со стороны, прежде всего, так называемых “пороговых” государств. В то же время, по мнению многих западных экспертов, ЯО в Европе ориентировано, в первую очередь, против России.

Другим вопросом, обсуждающимся в Европе, является роль ЯО в создании европейской системы обороны и безопасности, автономной от НАТО как основы европейской “ядерной идентичности”. Корни дискуссии уходят в 50-х – 60-х годов, когда идея активно обсуждалась Францией, ФРГ и Италией.

В 1992 г. проблему создания общеевропейской ядерной доктрины поднимал президент Франции Ф.Миттеран. Франция не предполагала подменять ядерное сдерживание НАТО европейским сдерживанием, но предлагала дополнить европейскую систему обороны ядерными силами Франции и Великобритании.

По мнению Парижа, ЯО являлось ключевым компонентом европейской стратегической автономии, без которого европейская интеграция была бы неполной. Англо-французский диалог был “заморожен” позицией ФРГ, поскольку наличие двух “равноценных” ядерных партнеров – Великобритании и Франции, однозначно принижало роль Германии.

Сыграло роль и то, что в НАТО существует жесткая структура управления ядерными силами под эгидой США, а при создании общеевропейской системы ядерного сдерживания неясно, как будет приниматься решение о применении ЯО.

В 1996 г. президент Ж.Ширак и канцлер Г.Коль подписали франко-германскую стратегическую концепцию, в которой вновь указывалось на возможность диалога по ядерному сдерживанию в контексте европейской обороны.

Основным аргументом в пользу европейского ядерного сдерживания выдвигалась общеевропейская идентификация и защита европейских интересов (меньшая зависимость от США). Но дискуссия осложнялась отсутствием единства в определении путей достижения согласия между Великобританией, Францией и Германией. Не было (нет и сейчас) и общего понимания самой концепции европейской ядерной доктрины и чем она должна отличаться от доктрины НАТО. Проблемой является также то, что Франция развивает свои ЯС самостоятельно, а стратегические ракетные подлодки Великобритании вооружены американскими БРПЛ и еще не менее 20–25 лет будут зависеть от поддержки США.

Поэтому большинство стран блока высказались против ядерного сдерживания в чисто европейском контексте и по настоящее время предпочитают “ядерный зонтик” НАТО, то есть ядерные гарантии США, обеспечиваемые, в том числе, и размещением в Европе американского нестратегического (тактического) ЯО.

При этом важно отметить следующее. Происходящее расширение Североатлантического союза за счет приема в его состав стран Центральной и Восточной Европы объективно подрывает стратегическую стабильность не только в регионе, но и в мире. С учетом географического расширения НАТО на Восток, а также расширения ее функций американское НСЯО в Европе не может восприниматься иначе, как одна из серьезных потенциальных угроз военной безопасности России, поскольку:

- нестратегическое ядерное оружие имеет более низкий порог применения по сравнению со стратегическим ядерным оружием;

- приближение НСЯО (вполне реальное при размещении на территории

ях новых членов НАТО в случае обострения обстановки) к границам РФ позволяет его квалифицировать по решаемым при возможном применении задачам как стратегическое;

– стратегические концепции НАТО допускают применение ядерного оружия первыми.

В 1996 г. Швецией и Норвегией с учетом расширения НАТО была предложена идея (выдвинута еще в 1957 г. Польской Народной Республикой – так называемый “план Рапацкого”) создания безъядерной зоны в Центральной и Восточной Европе, поддержанная Россией и Беларуссией. Зона должна была включить: скандинавские страны, страны Балтии, Польшу, Чехию, Словакию, Венгрию, Беларуссию, Украину, Молдавию и балканские страны. Но это предложение не получило одобрения (как и предложение по отказу от размещения ЯО вне пределов национальных территорий) ни у старых, ни у новых членов НАТО. Было заявлено, что время для этого еще не пришло и в ближайшем будущем не наступит.

Во время встречи на высшем уровне в Москве по ядерной безопасности (1996 г.) Россия предложила увязать расширение НАТО с размещением ЯО США в Европе и ядерным нераспространением.

На встрече министром РФ по атомной энергии В.Михайловым было подтверждено, что размещение ЯО на территории новых членов альянса неизбежно вызовет адекватные ответные меры.

Тогда же Госдума объявила, что в этом случае для РФ возможны: выход из Договора об обычных вооруженных силах в Европе, Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний и Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности; отказ от ратификации Договора СНВ-2 и Конвенции о запрещении химического оружия; ускоренная модернизация стратегических ядерных сил; размещение

НСЯО на территории Беларуссии и в Калининградской области.

Предупреждения сыграли свою роль. Госсекретарем США М.Олбрайт (1996 г.) была официально озвучена идея “трех нет” (нет намерений, нет причин, нет планов) в отношении размещения ядерного оружия на территории новых членов альянса в мирное время. Такая вынужденная позиция альянса способствовала смягчению реакции России, что позволило согласовать и принять основополагающий акт Россия-НАТО. Хотя, объективно, нет гарантий, что в критической ситуации НАТО не разместит ЯО на территории вновь принятых стран, так как данное обещание не является международно-правовым обязательством.

Военно-политическое руководство США придает существенное значение НСЯО из-за его более низкого “порога” применения по сравнению со стратегическим.

В программном документе “Обзор состояния и перспектив развития ядерных сил США”, представленном Конгрессу США в конце 2001 г. администрацией президента Дж.Буша-мл., подчеркивалось особое значение возможного применения ЯО в региональных конфликтах и подтверждалось, что “Соединенные Штаты могут применить ядерное оружие в ответ на нападение государств, вооруженных химическим, биологическим и обычным оружием, заявляя при этом, что США будут разрабатывать и развивать те боевые возможности ядерного оружия, которые потребуются для нанесения поражения любому потенциальному противнику, обладает ли он ядерным оружием или нет”.

Что касается американского НСЯО в Европе (имелось 480 ед. АЯБ тактических модификаций В61-3,-4,-10), то было рекомендовано его безусловное сохранение.

Тем не менее в 2006 г. из “активного арсенала” ВС США была исключена авиабомба В61-10. Судя по всему, в

2005 г. на основе анализа целевой обстановки, складывающейся на Европейском театре войны, военно-политическим руководством США был сделан вывод о нецелесообразности иметь боеприпас с такими значениями мощности (табл.), а также о некоторой избыточности запаса ЯБП для ОВВС НАТО. Это позволило США сокра-

тить на треть номенклатуру “активного арсенала” тактических АЯБ (до двух типов) и несколько (на 16%) – количество своих ЯБП в Европе (с 480 до 400 ед.). Кроме того, в 2006 г. почти в 4 раза (со 150 до 40 ед.) снизилось количество американских АЯБ на территории ФРГ и прекращено их содержание на авиабазе Рамштайн.

Таблица

Состав активного арсенала тактических АЯБ США на 2008 г.

Тип (модификация)	Мощность, кт*	Сроки производства	Произведено / находится в активном арсенале, ед.
В61-3	0,3; 1,5; 60; 170	1979–1989 гг.	~ 450 / ~ 200
В61-4	0,3; 1,5; 10; 45	1979–1989 гг.	~ 450 / ~ 200
В61-10**	0,3; 5; 10; 80	199–1991 гг.	~ 400 / –

* – мощность (переключаемая) ЯБП приводится в тротиловом эквиваленте.

** – с 2006 г. все бомбы данной модификации переведены в “неактивный арсенал”.

В настоящее время все американские тактические ядерные авиабомбы “активного арсенала” содержатся на семи авиабазах в шести европейских странах-членах НАТО: Великобритании (Лейкенхит); Бельгии (Кляйн Брогель); Нидерланды (Фолькель); ФРГ (Бухель); Италии (Авиано и Геди Торре); Турции (Инджирлик).

Возникает естественный вопрос: для чего содержится столь значительный запас американских АЯБ в Европе?

Для “выборочного” применения в борьбе с “международным терроризмом” запасы явно избыточны. Поражение стационарных объектов, прикрытых системой ПВО, крылатыми ракетами “Томахок” и баллистическими ракетами “Трайдент II” или “Минитмен-III” гораздо эффективнее, чем неуправляемыми АЯБ с пилотируемых самолетов.

Поэтому, с военной точки зрения наиболее правдоподобным объяснением наличия такого количества американских АЯБ в Европе является то, что они предназначены преимущественно для воздействия по подвижным объектам, зачастую требующим доразведки при нанесении удара по ним. Такими объектами, наиболее вероятно, могут быть войсковые формирования, полевые пункты управления, а также подвижные пусковые установки ракет (тактических и оперативно-тактических). Позиционные районы формирований с подвижными пусковыми установками стратегических ракет находятся в восточных районах европейской части России, то есть почти на пределе досягаемости тактической авиации ОВВС НАТО с передовых аэродромов.

Как важнейшие стратегические объекты, позиционные районы соединений и частей РВСН должны надежно прикрываться от ударов средств воздушного нападения. Поэтому подвижные пусковые установки стратегических ракет могут быть целями для ядерных ударов, наносимых тактической авиацией, скорее всего, только после завоевания ОВВС НАТО подавляющего превосходства в воздухе над всей европейской частью России. Исходя из этого, можно предположить, что американские АЯБ рассматриваются руководством НАТО, в первую очередь, как средство сдерживания России от применения своего НСЯО в ходе отражения агрессии альянса, а также как “оружие поля боя” при перерастании агрессии блока в ядерную войну. Кроме того, нельзя исключать и расчет на нанесение России и ее союзникам во время крупномасштабного военного конфликта неприемлемого ущерба даже применением только нестратегического ЯО.

Учитывая подавляющее превосходство НАТО в силах общего назначения над любыми другими государствами и коалициями в Европе, НСЯО блока играет, судя по всему, также роль своеобразной “подстраховки” ударов и наступательных операций объединенных вооруженных сил НАТО с применением обычных средств поражения.

Таким образом, ядерное оружие США в Европе является косвенным подтверждением имеющихся у НАТО планов возможного силового разрешения противоречий с другими государствами региона (Россией и Белоруссией – в первую очередь), что, соответственно, нельзя рассматривать иначе как фактор, негативно влияющий на стратегическую стабильность.

Важным является вопрос о времени готовности нестратегических ядерных

сил блока к выполнению задач по ядерному поражению противника.

В июне 2004 г. было объявлено, что готовность самолетов двойного назначения НАТО понижена до “месяцев” из-за снятия с них элементов оборудования, необходимого для применения ядерных авиабомб. Во времена “холодной войны” готовность к взлету для выполнения ядерных задач измерялась минутами для самолетов дежурных сил и несколькими часами для остальных самолетов-носителей ОВВС НАТО. При этом можно указать на два аспекта понижения готовности:

1. Данные о времени готовности (месяцы) всех самолетов двойного назначения НАТО к выполнению ядерных задач (из-за снятия с них элементов оборудования, необходимого для применения АЯБ) представляются маловероятными.

Скорее всего, с самолетов, используемых для тренировок летного состава по применению ядерных бомб, оборудование не снято. Поэтому в каждой эскадрилье готовность таких самолетов (возможно, пары или звена) к вылету с ядерными авиабомбами может составлять 30–40 мин., поскольку АЯБ могут содержаться в хранилищах непосредственно внутри индивидуальных укрытий самолетов двойного назначения;

2. Если объявленное снижение готовности всех носителей действительно проведено, то правомерен вопрос о целесообразности содержания американских АЯБ в Европе.

С таким объявленным сроком восстановления готовности самолетов-носителей она сомнительна, поскольку за 1–2 месяца вполне можно обеспечить транспортирование всех выделенных ЯБП из США в европейские страны. При содержании АЯБ на территории США обеспечивался бы больший уровень ядерной безопасности и, кроме

того, отпадали бы обвинения в адрес США и НАТО в нарушении режима нераспространения ядерного оружия. Однако такой подход ни Соединенными Штатами, ни Североатлантическим альянсом даже не рассматривается.

В последние годы обсуждение целесообразности нахождения американского ЯО в Европе стало приобретать остроту.

Руководство Германии начало высказывать отрицательное мнение о наличии на ее территории ядерного оружия США.

Так, министр обороны Германии П.Штрюк (8 июня 2005 г.) заявил, что по его инициативе вопрос о выводе с территории ФРГ американского ЯО будет обсуждаться 9 июня 2005 г. на заседании Группы ядерного планирования НАТО в Брюсселе. Однако при обсуждении немецкая позиция поддержана не была.

Существенным является также то, что началось перевооружение ВВС Германии на многоцелевой истребитель “Тайфун-Ф.1” (изначально – “Еврофайтер”, разработанный кооперацией Германия – Великобритания – Италия – Испания), который не является носителем ЯО (его и в дальнейшем не планируется оборудовать как носитель). Это может активизировать процесс вывода частей ВВС ФРГ из состава ядерных сил НАТО, и, как следствие, Германия, возможно, будет настаивать на выводе американских ЯБП со своей территории.

Тем не менее надо отметить, что в ФРГ имеются также планы повышения боевых возможностей истребительно-бомбардировочной авиации, наряду с заменой самолетного парка, и за счет одновременной модернизации некоторой части парка самолетов “Торнадо”. Реализация этой программы модернизации может позволить продлить срок эксплуатации истребителей-бомбардировщиков “Торнадо” до 2020–2025 гг. с последующей их заменой модернизиро-

ванными самолетами “Тайфун-Ф.1” или одной из модификаций американского истребителя F-35.

Возможно, что за Германией последует Италия при перевооружении своих ВВС на “Тайфун” или, по крайней мере, снимет с национальных ВВС задачу по применению ЯО. При этом американцы, скорее всего, оставят АЯБ на своей авиабазе Авиано в Италии, аргументировав это наличием оружия массового поражения в странах Ближнего Востока.

Аналогичного сценария, не исключено, в ближайшем будущем станет придерживаться и Турция, с национальных АБ которой ЯБП уже были ранее перемещены на американские. Исходя из общего развития военно-политической ситуации на Ближнем Востоке можно предположить, что база американских ВВС в Инджирлике будет оставаться еще долго, как и АЯБ на ней.

Неоднозначна ситуация и в Бельгии. Хотя в апреле 2005 г. бельгийский Сенат предложил вывести американские ЯБП из Европы, никаких практических шагов Бельгией в этом направлении пока предпринято не было.

Оценивая перспективы размещения американских АЯБ в Европе, можно предположить, что отмеченная тенденция может привести со временем (скорее всего, уже к 2010–2012 гг.) к отказу европейских государств НАТО от выделения своих самолетов как носителей американских АЯБ.

Само же размещение американского ЯО в Европе, весьма вероятно, продлится еще относительно долго на трех базах ВВС США: Лейкенхит (Великобритания); Авиано (Италия) и Инджирлик (Турция). При этом количественно запас АЯБ, предназначенный уже только для ВВС США, может составить 150–300 ед. (суммарная емкость хранилищ позволяет содержать на указанных авиабазах до 304 АЯБ).

Эти ядерные бомбы, находясь на авиабазах ВВС США в Европе, будут формально оставаться под “контролем НАТО”.

Подобное предположение основывается на том, что США заинтересованы в сохранении и укреплении своего влияния на военную политику альянса, в том числе посредством “ядерного

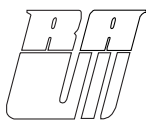
фактора”. Большинство же стран НАТО видят в сохранении американского ЯО в Европе определенную гарантию своей безопасности и возможность реализации своего влияния на ядерную политику блока, но при этом “ядерную ношу” готовы в ближайшем будущем полностью переложить на Соединенные Штаты.

Таким образом, ядерное оружие НАТО остается не только основой обеспечения военной безопасности стран-участников блока, но и одним из важнейших средств поддержания военного превосходства Североатлантического альянса в мире для возможности проведения политики “с позиции силы”.

Главной задачей ядерной политики альянса является поддержание своего ядерного потенциала на уровне, обеспечивающем нанесение неприемлемого ущерба любому противнику как в европейском регионе (в первую очередь – России и Белоруссии), так и за его пределами.

Материальной основой реализации такой ядерной политики являются тактическая авиация ОВВС НАТО двойного назначения с американскими ядерными авиабомбами, размещенными в Европе, и МСЯС Великобритании.

Ядерный компонент американских стратегических сил в состав ОВС блока не входит и находится под национальным управлением, но по договорным обязательствам все союзники по НАТО находятся под “ядерным зонтиком” США, включающим как нестратегическое, так и стратегическое американское ЯО. При этом Соединенные Штаты являются единственным государством, размещающим свое ядерное оружие на территории других стран, и его наличие США в Европе является косвенным подтверждением имеющихся у НАТО планов возможного силового разрешения противоречий с другими государствами региона, что, соответственно, нельзя рассматривать иначе как фактор, негативно влияющий на стратегическую стабильность.

ОБЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Экспорт в условиях объединенной Германии

На примере ближневосточного региона

Варвара Андрееук

Финансовый кризис в США сделал актуальными для всех вопросы, связанные с преодолением экономического спада, стабилизацией курса национальной валюты, взаимозависимостью экономической ситуации от роста цен на энергоносители, политикой в отношении стран, обладающих большими запасами нефти и газа.

Обращение к ситуации объединенной Германии как возрожденной экономической и политической силе Европы может быть интересным в силу тех ключевых проблем, которые возникают перед Россией в настоящее время. Речь идет о взаимобусловленности экспортного фактора и экономического роста, необходимости упрочения своего влияния на мировом рынке и в сфере международной политики, возрождения производственно-инновационного потенциала страны и привлечения для этого инвестиций из-за рубежа, наконец, уточнения позиции страны в отношении государств Ближнего и Среднего Востока, прежде всего тех, кто может стать партнерами в энергетической области.

В условиях активизации российской внешней политики в регионе Ближнего и Среднего Востока, поиска методов взаимодействия в этой сфере с членами ЕС, и прежде всего с Германией как стратегическим партнером России, особенно актуальным является изучение ее роли в ближневосточном пространстве и опыта сотрудничества с его государствами. Речь идет об экспортно-импортном факторе – инструменте экономической политики ФРГ, и нефти – его детерминирующей составляющей.

Война в Персидском заливе нанесла ощутимый ущерб добыче нефти; ее последствия вызвали большие перепады цен на энергоносители. ФРГ

лишилась такого важного поставщика нефти, как Ирак, который, подвергшись санкциям ООН, вплоть до конца 90-х годов вынужден был экспортиро-

АНДРЕЮК Варвара Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент. Закончила Пензенский Государственный педагогический институт, работает на кафедре мировой экономики Международной академии бизнеса и управления.

Ключевые слова: ФРГ, Ближний Восток, нефть, Иран, помощь развивающимся странам.

вать нефть в пределах отведенной ему квоты. В начале 90-х годов стали снижаться поставки нефти со стороны Ирана и ОАЭ. На Ближнем Востоке и в Северной Африке у ФРГ остались лишь два надежных экспортера нефти – Саудовская Аравия и Ливия. Центр тяжести нефтяных поставок на мировой рынок переместился в Великобританию, Норвегию и Россию.

Уменьшение экспорта нефти из региона Ближнего Востока и Северной Африки в ФРГ в начале 90-х годов привело к снижению товарооборота с этими странами, сокращению инвестиций в них и обратных инвестиций. Более того, экспорт инвестиций в арабское пространство к 1993 г. обернулся для ФРГ убытками. Исключением в данном случае были страны Персидского залива и Израиль, хотя снижение инвестиций и там проявилось очень жестко и сопровождалось негативными для этих стран социально-экономическими последствиями¹

С конца 80-х годов XX в. интенсифицировались торговые отношения ФРГ с Ираном.

Уже в конце 1990 г. ФРГ экспортировала товаров в Иран на 4,17 млрд. нем. марок.

Кроме того, Иран стал объектом крупных инвестиционных вложений западногерманских фирм, в частности химической индустрии, телефонной сети “Сименс”, производства грузовых автомобилей “Мерседес-Бенц”. Высшим пунктом экономических связей двух стран можно назвать 1992 г., когда ФРГ стала отстраивать разрушенный войной против Ирака Иран. В этом же году началась практика так называемого государственного поручительства экспорта германской торговли и капитала в Иран: государственные гарантии экспорта капитала достигли

5,96 млрд. нем. марок, соответственно торговое поручительство составило в 1992 г. 3,8 млрд. нем. марок. Первые платежные трудности со стороны Ирана проявились уже в апреле-мае 1992 г. Риск германских гарантий в отношении Ирана к концу 1992 года составил 11,8 млрд. нем. марок, и хотя помощь Ирану по политическим причинам была в это время приостановлена в области государственных гарантий вывоза Иран, по сравнению с другими “подлыми государствами”, обладал явными преимуществами².

Картина товарооборота ФРГ с Ираном в какой-то степени была обусловлена нестабильной ситуацией с поставками иранской нефти в Германию. В целом экспорт нефти из Ирана в ФРГ снижался в течение всех 90-х годов XX в.

При этом в 1992 г. падение иранского экспорта нефти достигло отметки в 900 тыс. т. Снижение было очень большим, так как еще в 1991 г. ФРГ из Ирана было вывезено 2617 тыс. т. Однако уже в 1993 г. импорт нефти из Ирана вновь увеличился до 2484 тыс. т и затем снижался вплоть до 1992 г.¹

В результате задолженности Ирана ФРГ в 1993 г. вынуждена была компенсировать немецким экспортерам их убытки. В начале 1993 г. краткосрочные обязательства Ирана в значительной степени были реструктурированы в долгосрочные кредиты.

Немецкий экспорт в 1993 г. снизился до 4,1 млрд. нем. марок. Новые государственные гарантии торгового экспорта достигли 1,6 млрд. нем. марок.

В 1994 г. депутаты немецкого бундестага потребовали их уменьшения, однако 2,5 млрд. нем. марок из общей суммы рефинансирования в 4,3 млрд. нем. марок были вновь гарантированы ФРГ.

Риск гарантий ФРГ в отношении Ирана составил в 1992 г. 11,8 млрд. нем. марок, в 1993–11,01 млрд. нем. марок, в

1994 г. вырос до 15,38 млрд. нем. марок².

Причины столь явных экономических привилегий, предоставляемых Ирану, в первую очередь, политические. В обстановке нестабильности, царившей в регионе Ближнего и Среднего Востока в 90-е годы Иран был важным геополитическим центром. Цель критического диалога с Ираном – поддержать умеренные политические силы в Тегеране. Этот внешнеполитический курс ФРГ в отношении Ирана был поддержан Европейским сообществом.

Между тем, в 1995 г. в связи с дальнейшими неплатежами Ирана ФРГ все же пошла на сокращение государственных гарантий немецкого экспорта в Исламскую республику. В июне 1995 г. в германском бундестаге от лица оппозиции прозвучало требование “больше не предоставлять” торговых гарантий для Ирана до “улучшения ситуации с правами человека”. При этом указывалось на полное несоответствие этих гарантий новым политическим условиям предоставления экономической помощи².

Таким образом, государственные экспортные гарантии Ирану все же сблизилась по своему назначению с экономической помощью развивающимся странам.

Оживление экономической деятельности, которое стало заметным в 1994 г., было обусловлено, как и прежде, ростом экспорта.

Доля экспорта ФРГ в страны Ближнего Востока и Северной Африки стала неуклонно расти с 1993 г. Это позитивное движение продолжалось вплоть до 1996 г. Как и прежде, его стимулировал увеличившийся в эти годы вывоз нефти из арабского пространства.

Наибольшего товарооборота ФРГ достигла с государствами, экспортирующими в Германию нефть: Ливией, Сирией, Егип-

том, Алжиром, Саудовской Аравией. Среди государств, не экспортирующих нефть, высоким был товарооборот с Марокко и Иорданией. Быстрыми темпами развивались торговые отношения ФРГ с Израилем³.

Нестабильной была торговля ФРГ с Кувейтом, что объяснялось колебаниями в его поставках нефти в ФРГ.

Прекратился вывоз нефти и товаров в ФРГ из Ирака. Ввозе в Ирак доля ФРГ в 1993–1996 гг. составила 4,8%; однако неизменной в указанный период была тенденция его снижения.

Такой же была траектория ввоза ФРГ в Иран с тем лишь отличием, что доля Германии в общем экспорте в эту страну была достаточно большой: она составляла в 1993–1996 гг. 11,8%. Тогда как доля ввоза товаров Ирана периодически колебалась и в целом в 1993–1996 гг. равнялась лишь 3%³.

Характеризуя в целом экспорт товаров и капиталов ФРГ в страны Ближнего Востока и Северной Африки, следует отметить его нестабильный характер. Именно поэтому экономический подъем был очень кратковременным. Тем не менее, стимулируя рост инвестиций в основной капитал и жилищное строительство особенно в восточной части страны, рост экспорта привел к улучшению показателей инфляции и занятости.

Реальный ВВП в бывших землях ГДР вырос в 1994 г. примерно на 9%, в целом ВВП Германии в 1994–1995 г. достиг почти 3%⁴.

Структура товарного экспорта ФРГ со странами Ближнего Востока в 90-е годы по сравнению с 80-ми годами практически не изменилась.

В ней доминировали промышленные изделия, среди которых большой вес имели, конечно, машины и оборудование: автомобили, транспортные средства, электротехника и неэлектрическое оборудование, офисная и теле-

коммуникационная техника. Традиционно велика была доля химических продуктов и полуфабрикатов.

Соответственно импорт этих изделий из стран Ближнего Востока был несравненно более низким. И даже по сельскохозяйственным продуктам товарный экспорт ФРГ значительно опережал импорт из этих стран, несмотря на некоторое возрастание последнего в середине 90-х годов XX в.⁵

В структуре товарного импорта ФРГ из стран Ближнего Востока значительное место занимает топливо, точнее, нефтепродукты. Хотя тенденциально уровень ввозимых нефтепродуктов в ФРГ из стран Ближнего Востока на протяжении 90-х годов падает, небольшой рост обозначен лишь в 1996 г. Несмотря на экономический спад в ФРГ, потребление нефтепродуктов в этом году возрастает, однако в последующие годы вновь снижается, что, вероятно, связано с финансовым кризисом 1997–1999 гг. в развивающихся странах⁵.

В вывозе немецких индустриальных товаров на Ближний Восток отчетливо просматриваются два пика: минимум – 1996 г. и максимум – 1997 г. Та же тенденция отмечается при исследовании импорта топлива из стран Ближнего Востока в ФРГ. В общем вывозе и ввозе ФРГ и государств ближневосточного региона заметен лишь один максимум – в 1997 г. По некоторым группам товаров, например, по сельскохозяйственной продукции и продукции металлургии он смещен к 1996 г., по потребительским товарам и одежде – наоборот, к 1998 г.⁵

Причинами снижения экспорта индустриальных товаров ФРГ в 1996 г., и затем в 1998 г. являются экономический спад в ФРГ в 1996–1997 гг. и финансовый кризис в развивающихся странах 1997–1999 гг., в основе которого лежала тяжелая для стран “третьего

мира” проблема долгов. Естественным следствием финансового кризиса 1997–1999 гг. была нестабильность курсов национальных валют.

В условиях оттока зарубежных инвестиций (в данном случае германских) с национальных фондовых рынков стал возрастать спрос на иностранную валюту⁶. Однако увеличить ее при сниженных ценах на нефть (а именно нефть и нефтепродукты продолжали оставаться основной сферой немецкого импорта из стран Ближнего Востока) было очень сложно.

Таким образом, кризис долгов в 1997 г. уменьшил экспорт нефти и других товаров из стран Ближнего Востока в ФРГ. Индустриальные отрасли ФРГ отреагировали на это в первую очередь, что повлекло снижение экспорта после 1997 г. Сфера производства потребительских товаров – несколько позднее, в 1998 г.

Причинами экономического спада 1996–1997 гг. были сугубо внутренние факторы. Экономическая конъюнктура в эти годы значительно ухудшилась. Если начало 90-х годов прошло в эйфории объединения, то во второй половине 90-х годов модель социально-ориентированной рыночной экономики стала превращаться в оковы дальнейшего развития. Главным аргументом правительства в ситуации экономического кризиса стало слово “экономия”. Несмотря на недовольство населения и открытые протесты оппозиции, правительству удалось принять обширный пакет мер, направленных на снижение государственных расходов, в том числе и в социальной сфере, пенсионном обеспечении, здравоохранении, в содействии занятости. Одновременно с сокращением государственных расходов в 1996–1997 гг. были снижены налоги на предприятия.

Но вряд ли государственные расходы можно считать причиной кризиса, который был скорее системным, нежели экономическим. Его действительной причиной считают чрезмерно высокие издержки на единицу продукции. Причем стратегическое значение этого фактора для функционирования модели социального рыночного хозяйства гораздо важнее, чем проблемы финансирования социальных программ.

Издержки на единицу продукции в Германии в 90-е годы стали перекрываться ростом затрат на заработную плату и другие выплаты, связанные с ней. В результате росла себестоимость продукции. Вследствие этого Германия превратилась в страну с самым дорогим трудом в мире: в 1995 г. прямая и дополнительная оплата труда составляла 45 марок в час. Это в три раза больше, чем в США⁴.

Более веским основанием роста издержек на единицу было уменьшение занятости гастарбайтеров. Как известно, именно применение труда иностранных рабочих на протяжении 60-х – 80-х годов существенным образом снижало себестоимость западногерманской продукции. Замена иностранных рабочих немецкими из восточных земель сказалась как на заработной плате, так и на производительности труда. По последнему показателю ФРГ стала уступать не только Японии, но и другим европейским странам (Франции, странам Бенилюкса)⁴.

Снижение инвестиций ФРГ в арабское пространство в 90-е годы сопровождалось сокращением экономической помощи в регион Среднего и Ближнего Востока. В соответствии с новой концепцией помощи развивающимся странам, реализуемой в 90-е годы XX в., получение помощи связывалось с соблюдением ряда политических условий. Наиболее важными среди

них были: соблюдение прав человека, правовая государственность и правовая безопасность, рыночная ориентация, участие народа в принятии политических решений. Кроме указанных критериев, учитывалась также степень поддержки страны-получателя, оказываемая при осуществлении мероприятий помощи, и уровень военных расходов в этой стране².

Указанные критерии значительно сузили сферу немецкого финансирования в рамках экономической помощи развивающимся странам.

Из-за так называемого несоблюдения политических условий в 1997 г. немецкую помощь не получили Судан, Ирак, Иран (данные по региону Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки).

Напротив, "позитивное развитие" соразмерно инструментарию политических условий было поддержано в 1997 г. в Египте (142 млн. нем. марок) и Турции (94 млн. нем. марок).

В 1998 г. экономическую помощь получил также Йемен.

Были и так называемые "особые случаи". В частности, в 1991 г. министерство по экономическому сотрудничеству сделало исключение для Сирии: вопреки "политическим убеждениям" ей была выделена специальная помощь на ликвидацию последствий войны в Заливе.

Всего во второй половине XX века (1950–1996/97 гг.) наиболее крупными получателями экономической помощи ФРГ были: Турция (8958, 80 млн. нем. марок), Египет (7631,25 млн. нем. марок), Судан (2508,95 млн. нем. марок), Иордания (2044,36 млн. нем. марок)².

Политический подтекст помощи в данном случае очевиден: все они являлись важными стратегическими партнерами ФРГ в различных комбинациях политической игры ФРГ. Совершенно естественно, что окончание конфликта Запад – Восток позволило, наконец, отказаться от гуманитарной мотивации помощи развивающимся странам.

Примером осуществления политических условий помощи является ее оказание областям автономии Израиля (сектору Газа и Западной Иордании) в середине 90-х годов.

Помощь палестинцы и иорданцы получали в рамках ежегодных кредитов (140 млн. нем. марок), выдаваемых Израилю с 1963 г. К тому времени общая сумма выданных ему кредитов превзошла 4 млрд. нем. марок, а уровень дохода на душу населения составил 15 тыс. долл. в год. Кроме того, сектор Газа и Западная Иордания получали помощь от политических фондов (Германского фонда по международному развитию, фондов Дуйсберга и Отто Беннеке), немецких неправительственных организаций и церквей, а также от федеральных земель и предпринимателей. Она была сосредоточена на пяти основных направлениях:

- водная проблема и проблема окружающей среды;
- институциональное содействие;
- создание рабочих мест и доходов;
- образование;
- инфраструктура и остальное⁷.

В создании рабочих мест и доходов в Палестине принимали участие, главным образом, частные предприниматели ФРГ. В программах, разработанных для возвращающихся на родину палестинцев, в сотрудничестве с палестинскими банками участвовал "Германский компенсационный банк". При осуществлении программ занятости финансировалось строительство начальных школ в секторе Газа и крытых рынков в Ерихо. "Германский банк инвестиций и развития" имел долю участия в новом организованном "Арабо-палестинском банке инвестиций" по инвестированию частного и государственного секторов

В сфере инфраструктуры ФРГ участвовала в обеспечении оборудованием аэропорта в секторе Газа, осуществляла поставки специальных транспортных средств, коммуникационной техники для палестинского управления. Содействие осуществлялось также в области сельского хозяйства и туризма.

Наряду с двусторонним сотрудничеством ФРГ участвовала в финансировании европейских программ помощи для палестинцев с долей участия в 28% и в других многосторонних программах⁷.

Таким образом, тенденциальное снижение экспорта нефти из региона Ближнего Востока и Северной Африки в 90-е годы оказывало отрицательное воздействие на внутреннюю экономическую ситуацию в ФРГ, и без того обремененную проблемами объединения.

Снижение потенциальных экономических возможностей ФРГ отразилось на помощи, направленной в данный регион. Речь идет не только об изменении условий ее предоставления и объемах. Помощь стала носить персонифицированный характер. В частности, завуалированной формой помощи можно считать государственные гарантии, которые правительство ФРГ предоставляло немецким экспортерам в Иране. Явные экономические привилегии Ирану были результатом его важного геополитического положения. В условиях нестабильности, царившей в 90-е годы в регионе Ближнего и Среднего Востока, ФРГ было крайне необходимо поддерживать умеренные политические силы в Тегеране.

Что же касается экономической помощи, оказываемой ФРГ Палестине, то ее политический подтекст очевиден. Достаточно вспомнить, что направлялась она в соответствии с политическими договоренностями, достигнутыми в рамках встреч на высшем уровне, в том числе между руководством ФРГ, Израиля, Палестины, США и ЕС.

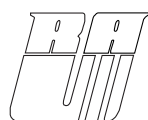
Ближний Восток, не утратив своего стратегического значения для Германии, временно перестал быть для нее основным поставщиком нефти. В ситуации экономического спада середины 1991–1993 гг. это обстоятельство не только обернулось негативными экономически-

ми последствиями для Германии (как снижение товарооборота и обоюдное сокращение инвестиций с регионом), но и привело к некоей политической дезо-

риентации руководства ФРГ, что отразилось, главным образом, на позиции ФРГ в период ближневосточного мирного процесса 90-х годов.

Примечания

- ¹ Energy Statistics, Yearbook. Annuaire des statistiques de l'energie UN/NY New York, 1990. S.200–203; 1992. S.180–183; 1994. S.178–181; 1996. S.182–185; 1997. S.184–185; European Union direct investment Yearbook.../ EUROSTAT. Luxemburg; Bruxelles: Statist. office of the Europ. communities, 1997. S. 92–97.
- ² *Fonari A.* Politische Konditionalität im Rahmen der deutschen Entwicklungszusammenarbeit des Instrumentarium deutscher Aussen-und Aussenwirtschaftspolitik. München, 1999. S 168, 170, 172, 35–36, 37, 54.
- ³ Statistisches Jahrbuch für das Ausland/Statist. Bundesamt. Wiesbaden. Stuttgart: Metzler-Peeschel, 1998. S. 270–274.
- ⁴ *Халевинская Е.Д., Крозе И.* Мировая экономика / Под ред. Е.Д. Халевинской. М.: Юрист, 2000. С. 264, 265, 282, 284.
- ⁵ Rapport annuel.../ Organisation mondiale du commerce-Geneva: OMC, 1996. S.144.OMC; 1998. S. 170; Statistiques du commerce international.../ Organisation mondiale. Geneva: OMC, 2000. S. 196.
- ⁶ *Афонцев С.А.* Экономическая политика в современном мире / Мировая политика и международные отношения на пороге нового тысячелетия. М.: Московский общественный научный фонд; ООО “Издательский центр научных и учебных программ” / Под редакцией проф. М.М.Лебедевой. 2000. С. 53.
- ⁷ Brandenburger Projektarbeit in Palästina (BEH, Heft 15 (1996). Zusammengestellt von Gudrun Fischer. Potsdam BEPG, 1996.S. 8, 9.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
ОBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail:observer@nasled.ru

Межгосударственные отношения в Северо-Восточной Азии

Особенности и перспективы
с позиции культурной идентичности

Елена Задворная

Ведущие страны мира вступили в XXI в. с разными представлениями о том, каковы долговременные тенденции развития международных отношений.

Внешняя политика США, стран ЕС, Китая, Японии, России и Индии основывается на весьма разных теоретических и мировоззренческих основаниях.

Это, безусловно, не новое явление в истории международных отношений, однако никогда прежде концепции международных отношений и внешней политики этих влиятельнейших держав не отличались столь фундаментально друг от друга.

Северо-Восточная Азия представляет собой динамично развивающийся регион с активными и сильными государствами. Поэтому проблема многостороннего сотрудничества в регионе является для современной науки весьма актуальной. Однако региональное сотрудничество и интеграция активно не развиваются.

Последние десятилетия характеризуются развалом интеграции на региональном уровне во многих частях мира. Только в Северо-Восточной Азии не существует региональной организации, не созданы механизмы внутрорегионального сотрудничества. КНР, Япония, Республика Корея входят в большое количество нерегиональных межправительственных организаций и форумов, но данный фактор не оказывает существенного влияния на многосторонние отношения в регионе. КНДР входит лишь в систему организаций ООН, отказываясь от сотрудничества

ЗАДВОРНАЯ Елена Сергеевна – специалист в области международных отношений, дипломатическая и консульская служба; преподаватель кафедры международных отношений Тихоокеанского института политики и права Дальневосточного государственного технического университета, г. Владивосток.

Ключевые слова: культурная идентичность, КНР, Республика Корея, КНДР, Япония, многостороннее сотрудничество в Северо-Восточной Азии, стратегия внешней политики стран Северо-Восточной Азии.

и взаимодействия в других международных институтах. Несмотря на большое количество интеграционных проектов в Северо-Восточной Азии, ни один из них не оказался успешным.

Причинами данной ситуации являются не только межгосударственные проблемы, но и особенности культурной идентификации народов, населяющих регион.

В рамках изучения *понятия культурная идентичность* применительно к международным отношениям, необходимо выделить два основных подхода:

Первый подход связан с противопоставлением культурной идентичности и глобализации;

Второе направление – с концепцией контактов между представителями групп с различной культурной идентичностью.

Вывод об однозначном доминировании в глобализирующемся мире тен-

денции к росту культурного единства вряд ли правомерен.

Формирование единого информационного пространства и универсализация потребительских стандартов не снимают проблемы поддержания культурного разнообразия как характеристики идентичности.

Глобализация породила обратное явление – поиски культурной идентичности, которая в условиях кризиса определяется в ходе межкультурных контактов.

Стратегия внешней политики Японии

В настоящее время существуют три основных варианта развития внешнеполитической стратегии Японии:

– пан-японизм (гегемония Японии в мире);

– неоазианизм (сотрудничество с КНР в Азии и рост роли Японии в мире);

– совместный с США гегемонизм Японии.

Причем более вероятными вариантами являются первый и третий, поскольку для сотрудничества с КНР существует множество препятствий, а для повышения роли Японии в регионе имеется много традиционных оснований.

С 1945 г. до начала 60-х годов позиции Японии в регионе Восточная Азия были относительно слабыми. Одной из причин явились особенности внешнеполитического курса Японии в отношении стран Восточной Азии в прошлом: изоляционистская политика до середины XIX в. и политика экспансионизма в первой половине XX в. В 20-е – 30-е годы XX в. в Японии воз-

никла идея “сферы совместного процветания Восточной Азии”, возглавляемой Японией. Данная концепция ставила своей целью оправдать политику захвата территорий в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии.

Во второй половине XX в. в Японии возникла концепция “уйти из Азии – войти в Европу”.

В соответствии с данным тезисом, японский исследователь Экити Фукудзава утверждал, что географическая близость Японии, Китая и Кореи не дает основания делать вывод о каких-либо особенных, близких отношениях между ними. В связи с подобным географическим расположением часто происходит отождествление Китая, Японии и корейских государств в одно целое, для чего нет каких-либо серьезных оснований. Японии следует отказаться от сотрудничества с азиатскими государствами в пользу отношений с Европой и США.

В 80-е годы XX в. МИД Японии предпринял попытку изменения образа

Японии за рубежом, которая выразилась в так называемой “культурной дипломатии”. Был создан специальный Международный фонд культурных связей, выработана программа культурных обменов.

Однако, как полагают некоторые исследователи, идеи гегемонизма и исключительности японцев существуют и в настоящее время. В его основе лежит философия национальной исключительности и уникальности японской культуры. Формированию такого миропонимания способствовали этниче-

ская однородность японцев, два с лишним столетия изоляции страны от внешнего мира и фактор островного положения.

В таких обстоятельствах японцы естественным образом пришли к осознанию себя единым организмом, государственно-этническим и духовно-религиозным целым.

В Японии с давних пор бытовало понятие о государстве как о сложном организме, в котором все взаимосвязанно в соответствии с законами природы и традициями.

Особенности культурной идентичности японцев

В качестве одной из характеристик культуры Японии многие японские авторы выделяют стремление перенимать передовой опыт, одновременно подчеркивая уникальность японской культуры и возможность для Японии осуществить роль авангарда в трансформации стран Азии в постиндустриальные общества.

Своеобразное восприятие японской социокультурной системой внешних систем состоит не просто в желании впитать основы иностранной культуры и следовать сложившимся образцам, но и в стремлении трансформировать и развить их в соответствии с национальными традициями и социально-политической спецификой¹.

Займствуя элементы китайской культуры, японская социокультурная система стремилась сохранить свою культуру, основой которой являлся синтоизм. Благодаря этому, заимствования осуществлялись не путем простого копирования, а за счет адаптации иностранных ценностей к особым условиям страны и правящей элиты.

Таким образом, культурное влияние Китая в Японии старательно сводится к нулю за счет концепций исключительности.

Как полагают ряд исследователей, в культурном отношении и японцы, и корейцы имеют немало общего². Оба народа примерно полтора тысячелетия назад оказались в сфере культурного влияния Китая, но смогли сохранить политическую независимость, не стать частью Поднебесной Империи. Японский и корейский языки состоят в родстве, хотя и довольно отдаленном, и, вдобавок, чрезвычайно насыщены китайскими заимствованиями. Культурный обмен и торговля между двумя странами на протяжении веков была весьма интенсивной, в отдельные периоды в Японии жило немало корейцев, а в Корее – японцев.

Долгое время в Японии доминировали представления о народах Северо-Восточной Азии, сложившиеся до XX в.

Так, в отношении Кореи продолжали существовать стереотипы, сложившиеся в период ее колонизации Японией. В конце XX в. мнения о Корее высказывались в основном в отношении Республики Корея, согласно которым корейцы живут в традиционных отношениях в условиях тоталитаризма. Лишь модернизация Южной Кореи и успехи экономических реформ застави-

ли японских исследователей скорректировать данный стереотип.

Однако сходство и традиционные связи не сделало Корею и Японию друзьями. Скорее, наоборот: история отношений двух стран была омрачена постоянными вооруженными конфликтами.

В начале XX в. Япония смогла за целых 35 лет превратить Корею в свою колонию.

До сих пор проблема разного официального изложения истории региона

становится катализатором международной напряженности в регионе: речь идет о японских учебниках истории³, когда исторические события трактовались по-разному Японией, с одной стороны, и КНР, КНДР и Республикой Корея (РК), с другой.

Издание учебника истории агентством "Фусося"⁴ привело к отзыву посла РК из Токио, погромам японских офисов и предприятий питания в КНР и РК.

Стратегия внешней политики КНР

Сущность современной стратегии КНР состоит в выстраивании стратегических отношений с США и в повышении глобальной и региональной роли КНР с помощью многосторонних механизмов в виде участия в ВТО, ООН, форуме АСЕМ*. Еще в 70-е – 80-е годы китайские исследователи весьма сдержанно относились к концепциям интеграции и многостороннего сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Их обсуждение шло среди ученых без комментариев со стороны официальных лиц. В ходе данной дискуссии Япония рассматривалась как инициатор этой идеи с целью усиления японского влияния в регионе. Изменение политики КНР в отношении интеграции в регионе наметилось в середине 80-х годов в связи с активизацией внешнеполитического курса КНР в Восточной Азии.

В это время наблюдалось повышение интереса академической и политической элиты к проблеме сотрудничества в Восточной Азии на многосторонней основе⁵.

В этот период КНР изменила свое отношение к участию в ряде регио-

нальных организаций: Азиатский банк развития, СТЭС, АТЭС**.

Можно выделить несколько этапов взаимоотношений между Китаем и Корейскими государствами.

На протяжении многих веков, вплоть до окончания китайско-японской войны в 1895 г., Корея находилась в вассальной зависимости от Китая. В 1904 г. Корея попадает под протекторат Японии, а в 1910 г. – происходит ее аннексия.

В 50-е годы КНР стала рассматривать США как главную угрозу собственной безопасности в связи с американским вторжением на Корейский полуостров.

В 60-е годы Китай проводит антиамериканскую и антиюжнокорейскую внешнюю политику. Внешнеполитическая ситуация была осложнена отношениями с СССР, что вынудило китайское руководство сохранять и приумножать свое влияние в КНДР. В 50-е – 70-е годы в КНР Республика Корея рассматривалась как враждебное государство, и в китайской прессе называлось "марионеточным государством".

* АСЕМ – Форум Азия – Европа (*Asia Europa Meeting*).

** СТЭС – Совет по Тихоокеанскому Экономическому Сотрудничеству; АТЭС – Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество.

В начале 80-х годов КНР пересмотрела свою внешнюю политику. И в китайской прессе появляется лозунг в отношении Республики Корея “Двери закрыты, но не на ключ”. В силу ряда исторических обстоятельств КНР по-прежнему обладает значительным ре-

сурсом политического и экономического влияния на социалистическую Корею (КНДР), что можно объяснить фактом схожих культурных традиций конфуцианства в прошлом и некоторыми схожими чертами в современной политической культуре.

Особенности культурной идентификации народов КНР

Специфика культурной идентификации в китайском варианте заключается в том, что отвергается сама возможность существования оригинальных ценностей вне некоего самодостаточного и непревзойденного, в первую очередь по морально-этическим параметрам, китайского суперэтноса.

Рассмотрим основные аспекты китаецентристских представлений, которые определяли взаимодействие Китая с окружающими народами в прошлом и с которыми можно столкнуться в настоящем.

Формирование основ политической культуры Китая можно отнести к эпохе Восточной династии Чжоу (VIII–III вв. до н.э.), когда сложилась богатая практика иерархизированных отношений между Китаем и окружающими его соседями.

Чжоуская доктрина о “Сыне Неба” как мироустроителе и владыке Вселенной и “варварской периферии” легла в основу учения Конфуция об исключительности “хуацзя” (одно из самоназваний древних китайцев) и о врожденной неполноценности “варваров”, оказавшего существенное воздействие на внешнеполитическую теорию и практику Китая.

Это учение являлось основой системы морально-этических категорий Китая.

Характерно, что категории конфуцианства, в частности “человеколюбие”, не распространялись на “варваров” из-за их “этической неполноценности”.

Разработка основных принципов, на которых китайские правители строили отношения с близкими и дальними соседями, шло одновременно с процессом формирования государственности, оформления

идеологических и политических основ китайского общества, поэтому неудивительно, что система внешнеполитических отношений в известной степени копировала иерархическую систему взаимосвязей, возникших в самом Китае.

Использование данной концепции осуществлялось в качестве идеологического оправдания внешней экспансии императорского Китая в отношении окраинных народов и государств.

Контуры этой конструкции взаимоотношений в их общих чертах сложились к эпохе династий Суй и Тан (VI–X вв.).

Безусловно, во многих государствах была создана система этикета отношений с другими государствами. Однако только в Китае настолько детально был разработан и столь скрупулезно на протяжении многих веков соблюдался ритуал взаимоотношений правителей периферийных владений и народов с владыкой Поднебесной, что это позволяет говорить о существовании целостной, претендующей на глобальную универсальность, системы международных отношений, функционировании некоего “китайского мирового порядка”.

В конце 70-х годов XX в. перед КНР стояла сложная задача реализации экономического реформирования страны.

После поездки Дэн Сяопина в 1982 г. по югу Китая, было принято решение открыть 14 специальных экономических районов. Важным козырем Китая, благодаря чему и сработала такая политика, является то, что за границей страны живет огромное количество этнических

китайцев, так называемых “хуацзяо”. Китайской диаспоре был дан ясный сигнал о том, что происходит возврат к традиционным ценностям, и что она теперь может без опаски вкладывать деньги в китайскую экономику.

Межгосударственные отношения на Корейском полуострове

Если рассмотреть в рамках многостороннего сотрудничества в Северо-Восточной Азии проблему межгосударственных отношений КНДР и Республики Корея, то часть исследователей полагает, что на Корейском полуострове сложилась и до сих пор существует единая система культуры, население которой объединяется общей культурной идентичностью.

В рамках данных исследований процесс объединения рассматривается как нечто естественное с известным результатом: конечным объединением единого народа в одно государство. Другие исследователи категорически отвергают данную теорию, полагая, что на территории Корейского полуострова

В настоящее время китайцы видят все предпосылки для превращения своей страны в центр наиболее динамично развивающегося региона мира и на этой основе – в “срединное государство” новой мировой структуры.

не существует единой культурной идентичности, в связи с различной идентификацией по современной системе ценностей, традициям, политической культуре, менталитету и мировоззрению.

Межгосударственные отношения КНДР и Республики Корея складываются удовлетворительно, но без серьезных перспектив объединения Кореи в единое государство. Более того, в связи с длительным противостоянием КНДР, СССР, с одной стороны, и Республики Корея и США, с другой, в период “холодной” войны, в настоящее время уровень сотрудничества двух государств остается невысоким. Плохо развиты также экономические и культурные связи.

Культурная идентичность народов Корейского полуострова

На территории Корейского полуострова существуют разные системы культурной идентичности. Это объясняется различной идентификацией, исходя из современной системы ценностей, традиций, политической культуры, менталитета, мировоззрения, оценок собственной истории.

И речь идет не только о разнице в политической и экономической системах, но сегодня уже и о разнице в существенных компонентах ментальности.

Язык северян и южан начинает все более отличаться, особенно, в части лексики, отражающей достижения второй половины XX в., когда языковое

развитие Севера и Юга происходило изолированно друг от друга. На Севере и Юге по-разному представлены религиозные конфессии, стили поведения, обрядность, ценностные ориентации и восприятие своего прошлого и его интерпретация.

В настоящее время проблема межгосударственного многостороннего сотрудничества в Северо-Восточной Азии является весьма многогранной, поскольку включает экономический, исторический, военно-политический и культурный аспект.

Несмотря на динамичное развитие региона до настоящего времени не создана региональная организация, не

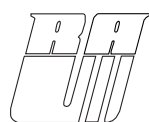
реализованы региональные проекты интеграции и многостороннего сотрудничества. В оценках исследователей нет единого мнения о дальнейшем направлении развития отношений в Северо-Восточной Азии. Присутствуют как положительные отзывы о перспективах внутрирегиональной интеграции, так и явно пессимистические. Среди препятствий региональному многостороннему сотрудничеству исследователи выделяют сложное историческое наследие отношений в регионе и сохранение по-

дозрительности относительно целей политики партнеров.

В контексте культурной идентичности в регионе сложилась достаточно сложная ситуация для развития многостороннего межгосударственного сотрудничества. Однако именно культурная идентичность и ее правильное использование как в межкорейских отношениях, так и китайско-японских может стать тем катализатором, который будет способствовать региональному сотрудничеству.

Примечания

- ¹ Каткова З.Д. Чудодеев Ю.В. Китай – Япония: любовь или ненависть? К проблеме эволюции социально-психологических и политических стереотипов восприятия. М: Институт востоковедения РАН, Крафт+, 2001. С. 376.
- ² Ланьков А. Корейцы и японцы //www.eastportal.ru
- ³ Овчинников В. Кто в Японии выдирает страницы из учебников истории?//Электронная версия Российской газеты //www.rg.ru. 2006 год
- ⁴ Сиротко-Сибирская Н. Проблема японских школьных учебников // Сеульский вестник. 2005. июнь-июль. № 97.
- ⁵ Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / Под ред. Михеева В. М.: Московский Центр Карнеги, 2005.

ОБЗРЕВАТЕЛЬ
BSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Захват Ирака: причины, последствия, перспективы*

Александр Вавилов

В поисках выхода

Затянувшийся в Ираке тугой клубок трудноразрешимых и часто неожиданных для американской правящей верхушки проблем вызвал в ней усиление внутренних расхождений и пессимизма.

Администрация Дж.Буша, заварившая “иракскую кашу”, с течением времени испытывала все более нарастающую растерянность. О ней можно достаточно полно судить по весьма сбивчивым высказываниям президента США в связи с третьей годовщиной операции “Иракская свобода”. Его пресс-конференция 21 марта 2006 г. в целом отражала путаные умонастроения и подходы Белого дома к итогам трех лет иракской кампании и перспективам вывода войск.

Выражался президент, по оценке многих арабских и западных комментаторов, не совсем определенно: “Все, что я могу сказать, так это то, что я приму решение о численности войск на основе того, что мне скажут военачальники, действующие на месте”.

А дальше последовал пассаж, вызвавший смущение даже у бывалых обозревателей: “Это решение (о выводе войск) будет принято будущими президентами (США) и будущими правительствами Ирака”.

Затем президент своей неподдельной непосредственностью дал пищу зубоскалам, заявив: “Я думаю, что мы добьемся успеха. Если бы я не был оптимистом, я бы вывел наши войска. Если бы я не думал, что у нас есть план для достижения победы, я бы не стал подвергать наших парней опасности. Я понимаю последствия этой войны, но я также знаю последствия нашего неуспеха в достижении своих целей, если мы уйдем преждевременно. Ирак превратился бы в очаг нестабильности, в местность, откуда враг мог бы плести заговоры, предвидеть и атаковать”.

После таких словесных ужасиков, президент решил закончить на оптимистичной ноте: “Мы должны быть уверены в победе, и я уверен, что мы победим”¹.

Чтобы несколько приглушить нарастающие в Вашингтоне и за пределами США тревогу и настороженность по поводу

ВАВИЛОВ Александр Иосифович – доктор исторических наук, профессор, автор ряда монографий и статей по проблематике Ближнего Востока, владеет арабским, английским, французским и немецким языками.

Ключевые слова: Иракский тупик, “новая стратегия” Белого дома в Ираке, внутривластная борьба в США.

* Ѐđřă řëæáíèà. Íà-àèî ñì. “Íáíçðâââðâëü-Observer”. 2008. 1 5, 6.

опасных перспектив для региона и всего мира продолжения американского присутствия в Ираке, 21 июля 2006 г. на пресс-конференции К.Райс откровенно заявила, что целью ее визита на Ближний Восток в разгар военных столкновений в секторе Газа, Ливане и Ираке не является *возвращение его стран в докризисное состояние* (выделено – Авт.). “Это было бы ошибкой. В крови должен родиться новый Ближний Восток”².

Опровергая ее оптимизм, обозреватель тунисской газеты “Ля Пресс” С.Б.Фархат весьма образно сравнил американо-британскую операцию в Месопотамии с “кесаревым сечением по живому телу Ближнего Востока, без наркоза, в результате которого на свет появился отвратительный монстр, не имеющий будущего”³.

Одновременно в правящих кругах США начались, как водится, внутренние разборки и поиски “козлов отпущения”.

Под огнем критики оказался, прежде всего, министр обороны Д.Рамсфельд, суть претензий к которому сводилась к следующему.

При подготовке и проведении оккупации Ирака он исходил из ложной посылки о том, что после исчезновения Советского Союза Америка избавилась от достойного по мощи противника и может с преимущественным использованием высокотехнологичных средств ведения войны справляться с непокорными государствами малыми силами и быстрым маневром*. Дурную услугу оказал и сравнительно бескровный для американцев и их союзников опыт “Бури в пустыне” (1991 г.), который вызвал у военных стратегов США эйфорию легких побед.

Министр обороны не предвидел ожесточенного всенародного сопротивления оккупации. Армия не была гото-

ва к его подавлению соответствующими подразделениями и кропотливой, умиротворяющей работе с местным населением и его лидерами. На первых порах ощущалась острая нехватка даже переводчиков. Вызывающее поведение американской солдатни, вошедшее в вопиющее противоречие с местными традициями и нравами, приводило к нарастанию противодействия оккупации⁴.

Чего стоит, к примеру, использование священной книги ислама – Корана в качестве глумливой мишени для тренировок американских снайперов.

Для того, чтобы унять поднявшуюся в Ираке бурю массового возмущения разнужданным поведением захватчиков, президенту Дж.Бушу пришлось лично извиняться перед премьером Н.аль-Малики за такое святотатство и вопиющее пренебрежение религиозными чувствами мусульман.

Грубые ошибки в Ираке, да и на Ближнем Востоке в целом привели к серьезному поражению республиканцев на ноябрьских 2006 г. промежуточных выборах в конгресс.

Козлом отпущения президент сделал Д.Рамсфельда, который после провала на выборах был отправлен в отставку. Под занавес своей столь бесславно закончившейся карьеры он нашел мужество отправиться в Ирак с прощальным визитом, во время которого признал “допущенные просчеты”.

Показателен выбор преемника Д.Рамсфельда. Его сменил личный друг Дж.Буша, бывший директор ЦРУ Р.Гейтс, который вскормил на деньги американских налогоплательщиков (около 700 млн. долл. ежегодно) муджахедов в Афганистане и среди них У.бен Ладена, кто был причастен к “Ирангейту”, кто в 1984 г. лично руко-

* Эту концепцию Д.Рамсфельд изложил в журнале Foreign Affairs. Vol. 81. № 3. P. 20–32.

водил тайной поставкой в Ирак кластерных бомб и оборудования для их производства⁵.

После вооружения режима С.Хусейна в войне с Ираном (1980–1988 гг.) и активного поощрения его экспансионизма после нее бывший глава ведомства в Лэнгли был “весьма логично” поставлен наводить порядок на руинах этого режима.

Вступив в должность, новый глава Пентагона сразу же причислил (февраль 2007 г.) Россию к числу потенциальных противников США. Такой неожиданный кульбит нового главы военного ведомства объяснялся довольно просто: “советская угроза” была извлечена из сундуков “холодной” войны для выбивания из конгресса дополнительных многомиллиардных ассигнований на продолжение операций в Ираке и Афганистане.

Бесславный, и даже позорный конец политической карьеры ожидал и еще одного вдохновителя и организатора “иракских побед” – заместителя министра обороны П.Вулфовица. После громких разоблачений его злоупотреблений служебным положением (в пользу “дамы сердца”) на посту директора Всемирного банка, на который он был назначен по протекции Дж. Буша, в мае 2007 г. ему пришлось отправиться в отставку, несмотря на все старания Белого дома его выгородить.

Поиски виноватых в провалах в Ираке не ограничились двумя VIP персонами, в них попытались было обвинить и бывшего шефа ЦРУ Дж.Теннета, которому пришлось (конец апреля 2007 г.) выступить с гневным публичным опровержением приписываемых ему недочетов в снабжении администрации непроверенными разведданными.

В опубликованной им книге “В эпицентре шторма” он сообщил, что его ведомство еще в августе 2002 г. в секретной

записке, направленной в Белый дом, предупреждало о возможных негативных последствиях силового устранения С.Хусейна.

Своей виной он признает лишь недостаточную настойчивость в отстаивании выработанной его соратниками точки зрения⁶.

Досталось и бывшему главе временной администрации в Ираке П.Бремеру, который также был вынужден публично оправдываться⁶.

Рассуждения о причинах трудностей США в Ираке их западных критиков и апологетов грешили и грешат одним существенным недостатком: они по большей части не осознают или намеренно игнорируют генезис сопротивления затянувшемуся американскому присутствию, относя его в основном на счет исламских радикалов, недооценивают, как и в прошлом, национально-патриотические чувства иракцев и солидарность с ними других арабских народов.

Нараставшие трудности в Ираке побудили дальновидных американских политологов заговорить о желательности ухода.

Как отмечал в апреле 2006 г. даже такой “ястреб”, как З.Бжезинский, “пришло время принимать стратегию свертывания военного присутствия США в стране.

Соединенным Штатам необходимо понять: интервенция в Ираке становится еще одной каплей в опасной чаше столкновения между Америкой и исламским миром. Если это столкновение действительно проявится во всем мире, оно вполне может подорвать позиции Америки на глобальном уровне. Конфликт Америки со всем миром ислама увеличит число ее врагов, уменьшит число ее друзей, снизит уровень безопасности и повысит уровень изоляции”⁷.

Несколько иную позицию занял патриарх американской дипломатии Г.Киссинджер, высказавший в интервью газете “Монд” оправданные опасения, что скорый уход американцев из Ирака приведет к его расколу по этно-конфессиональному

признаку и разгулу фундаментализма и терроризма⁸.

По обоснованному мнению тогдашнего американского посла в Ираке З.Халильзада, "поспешный уход грозил развертыванием гражданской войны, в которую неизбежно оказались бы втянутыми соседние государства, что превратило бы ее в войну региональную и привело бы к передаче части Ирака в распоряжение аль-Каиды"⁸.

Пессимизм Г.Киссинджера и опасения посла соседи Ирака (Бахрейн, Египет, Иордания, Иран, Кувейт, Саудовская Аравия, Сирия, и Турция) не поддержали. Собравшись в июле 2006 г. на конференцию в Тегеране, их министры иностранных дел в присутствии представителей ООН, ОИК и ЛАГ высказались за последовательный вывод войск антисаддамовской коалиции, возглавляемой США, из Ирака³.

Глубину тревожной озабоченности арабских государств, в целом лояльно относившихся к политике США (Саудовская Аравия и государства Персидского залива, Египет, Иордания) в отношении действий американцев на ближневосточной арене и в таких ее горячих точках, как Ирак, Ливан и Палестинская автономия, госсекретарь К.Райс имела возможность оценить во время своего осеннего турне по региону, первого после прекращения огня в Ливане (лето 2006 г.).

Арабские лидеры в открытую высказывали опасения, что Вашингтон своими неуклюжими действиями может привести к дальнейшей дестабилизации ситуации, нарастанию исламского радикализма и, как следствие – антиамериканизма, особенно в случае продолжения давления на Дамаск и Тегеран. Они призывали Белый дом, воздействуя на Израиль, предпринять реальные шаги к решению палестинской проблемы⁹.

Американский тупик в Ираке вызывал растущую тревогу и у европейских лидеров.

Выступая на новогоднем дипломатическом приеме в Париже (начало 2007 г.), Ж.Ширак в открытую назвал действия США в Ираке авантюрой, дававшей импульс террористической деятельности и угрожавшей безопасности всех государств мира¹⁰.

Элементы реализма стали усиливаться и в подходах основного союзника США на Ближнем Востоке – Великобритании.

Выступая на телемосте с американскими политиками (14 ноября 2006 г.), Т.Блэр призвал США изменить тактику в Ираке, привлечь к урегулированию в этой стране Сирию и Иран, предпринять действенные шаги к снижению остроты палестино-израильских отношений¹⁰.

2 декабря 2006 г. Италия вслед за Словакией завершила вывод из Ирака своего воинского контингента. Стали поговаривать об уходе Великобритании, Южной Корея, Литва и Дания.

Много антивоенного шума в Британии наделала просочившаяся в СМИ секретная видеозапись атаки американского боевого самолета на танковую колонну в один из дней вторжения в Ирак в 2003 г. Из переговоров пилотов с командным пунктом явствовало, что они нанесли удар по британским союзникам, в результате которого один военнослужащий погиб.

В конце февраля 2007 г. Т.Блэр объявил о постепенном уходе английского контингента из Ирака к концу 2008 г. Несмотря на бодрые оценки в Вашингтоне этого намерения своего главного союзника как "предвестника победы", многие обозреватели сочли его еще одним свидетельством начавшегося развала многонациональной коалиции¹¹.

Пришедший Т.Блэру на смену Г.Браун продолжил курс своего предшественника: в начале сентября 2007 г. начался вывод, скорее похожий на бегство из осажденной крепости, британ-

ских войск из Басры, который, как показали дальнейшие события, на этот раз вызвал серьезное беспокойство американских и иракских властей, связанное перспективами обеспечения безопасности в этом втором по значению и весьма беспокойном городе Ирака – центре южного нефтеносного региона⁶.

По сообщению британской “Дэйли Мэйл”, решение британцев покинуть Басру привело Дж.Буша в бешенство¹².

Негодование Белого дома не оставило британское руководство: во время неожиданного визита Г.Брауна в Ирак (начало октября 2007 г.) было объявлено о планах дальнейшего сокращения британского воинского контингента и неуклонной трансформации его функций из “боевых в надзирающие и инструктирующие”¹³. К концу осени 2007 г. британцы ушли из Басры, передислоцировавшись в более спокойные окрестности близлежащего аэропорта.

Новый министр иностранных дел Великобритании Д.Милибэнд под давлением фактов был вынужден признать, что политика королевства в Ираке восстановила против него миллионы мусульман по всему миру¹⁴. Одновременно британские генералы выступили с резкой публичной критикой американской политики в Ираке (досталось, прежде всего, конечно, Д.Рамсфельду), назвав ее “близорукой и интеллектуально не состоятельной”. Главной ошибкой американских стратегов их британские коллеги назвали “умозрительную веру в то, что солдаты коалиции будут встречены в Ираке как освободители”⁶.

В первой декаде декабря 2007 г. Г.Браун вновь совершил неожиданный блиц-визит в Ирак и подтвердил решение о резком сокращении британского военного присутствия в районе Басры.

“Война окончена, счастливого Рождества”, – весьма оптимистично и, как показали последующие события, несколько беззаботно завершил он свое выступление перед британскими военнослужащими¹⁵.

Аналогичный рождественский подарок сделал своим соотечественникам и премьер-министр Австралии К.Род, посетивший Багдад в конце декабря 2007 г.

После закрытых переговоров с Н.аль-Малики он объявил о выводе остатков австралийского контингента (550 чел.) из Ирака к лету 2008 г.⁶.

Зато позиция Израиля оставалась твердокаменной.

В марте 2007 г. глава его правительства Э.Ольмерт предостерег США против поспешного и непродуманного ухода из Ирака, чреватого, по его мнению, дестабилизацией ситуации на Ближнем Востоке, а также усилением врагов Америки и Израиля¹⁶. На этом фоне, граничащем с перспективой дальнейшего углубления расхождений по ближневосточной политике внутри политического истеблишмента США, в стане антисаддамовской коалиции и с арабскими странами, Дж.Буш еще 21 октября 2006 г. был вынужден объявить о грядущем изменении курса в иракских делах, признав, таким образом, его неудачу.

Как верно подметил накануне этого общения, журнал “Ньюсуик”, “Буш определил единственную на сегодня реалистичную цель, остающуюся для миссии Америки в Ираке: не добиваться успеха, а стремиться ограничить масштабы провала”¹⁷.

Поиску новых выходов из иракской трясины был посвящен визит Дж.Буша в Амман (конец ноября 2006 г.), где была запланирована его беседа с премьером Н. аль-Малики.

Перед встречей случился форменный конфуз: премьеру стало известно об уничтожительно негативной оценке американцами его деятельности.

Помощник президента по национальной безопасности С.Хэдли заявил тогда, что тот "возможно, не знает, что происходит, либо лукавит относительно своих намерений, либо ему не хватает возможностей воплотить в жизнь хорошие намерения"¹⁸.

Бушу на пресс-конференции пришлось использовать все свое красноречие, рассыпаться в комплиментах в адрес иракского премьера, чтобы сгладить возникшую неловкость. О каких-либо договоренностях о новой тактике в Ираке после обсуждений в Аммане сообщений не поступало.

Встреча в Аммане произвела обратный эффект, вызвав дальнейшее нагнетание напряженности в Ираке: 5 министров и 30 парламентариев, представляющих группировку во главе с радикальным шиитским деятелем М.ас-Садром, в знак протеста против проамериканской политики властей заявили о бойкоте правительства и парламента.

Видные суннитские лидеры, вынужденно проживавшие в эмиграции в Иордании, отказались от встречи с Бушем и аль-Малики, заявив, что "их руки запятнаны кровью иракского народа"¹⁸.

Для того, чтобы "сохранить хорошую мину при плохой игре" Пентагон без учета реальности запросил 20 млн. долл. бюджетных ассигнований на 2007/08 финансовый год "для организации торжеств по случаю побед в Афганистане и Ираке"²⁸.

О каких "победах" могла идти речь, если в ноябре 2006 г. в рамках "изменения тактики в Ираке" администрация Дж.Буша успокоительно объявила о "последнем наступлении" в этой стране через увеличение воинского контингента дополнительно еще на 20 тыс. военнослужащих.

Масштабы "побед" в Ираке красноречиво иллюстрировали и опубликованные в ноябре 2006 г. данные о нарастающих числа террористических взрывов.

В первый год оккупации их было 109, во второй – уже 613, в третий – аж 1037 и за первые шесть месяцев четвертого года – 1002¹⁷.

Несколько странная, хотя и в духе Дж.Буша, оценка результатов иракской кампании прозвучала 21 декабря 2006 г. в его интервью газете "Вашингтон пост": "Мы не побеждаем в Ираке, но и не проигрываем".

Шапкозакидательским выглядело и заявление вице-президента США Д.Чейни: "Мы не ищем стратегии ухода из Ирака. Мы добиваемся победы"¹⁹.

Несмотря на все старания Буша и его соратников, широкую публику наигранным оптимизмом провести не удалось.

По данным декабрьского (2006 г.) опроса общественного мнения, 71% американцев не одобряли деятельность администрации, а уровень поддерживавших ее опустился до самого низкого показателя, "побив" рекордный ноябрьский: с 31 до 27%²⁰.

В этой обстановке весьма реалистичную и пессимистичную оценку американских "побед" в Ираке в широком контексте ближневосточной политики США дал авторитетный политолог, президент Совета по международным отношениям Р.Н.Хаасс: "Ирония истории состоит в том, что первая война с Ираком (1991 г. – Авт.), война по необходимости, ознаменовала начало эры Америки на Ближнем Востоке, вторая же, война по желанию и выбору, приблизила ее конец"²¹.

В начале декабря 2006 г. критики американской политики в Ираке одержали очередную победу: в представленном президенту и широкой публике докладе независимой комиссии Бейкера – Гамильтона (с участием как республиканцев, так и демократов) линия администрации в этой стране была признана ошибочной²². В документе отмечалось, что положение дел в Ираке "очень серьезно и ухудшается", существует риск всеобщего хаоса, который может привести

к падению правительства и гуманитарной катастрофе”*

Авторы доклада разработали целых 79 рекомендаций по выходу из тупика, которые можно было свести к четырем главным:

– постепенный до начала 2008 г. вывод войск;

– перенос акцента с обеспечения безопасности на подготовку местной армии и спецслужб;

– привлечение к поискам политического урегулирования соседей Ирака, в том числе Сирии и Ирана;

– активизация политики США по арабо-израильскому урегулированию, включая палестинский и сирийский треки.

Через несколько часов после его опубликования сенат утвердил кандида-

туру Р.Гейтса на пост министра обороны. В своем “инаугурационном выступлении” он выразил сомнения в возможности перемен к лучшему в предстоявшие два года, отметив существование угрозы “регионального взрыва”²².

В арабском мире доклад по Ираку был встречен без энтузиазма. Политические деятели и аналитики сошлись на том, что США, пусть пока и косвенно, признали свой провал в Ираке, но не смогли найти безопасного выхода из сложившегося в результате оккупации бедственного положения.

Сами иракцы на редкость единодушно (и шииты, и сунниты, и курды) предложения комиссии Бейкера-Гамильтона сочли “неприемлемым вмешательством во внутренние дела своей страны”²².

“Новая стратегия” на старый лад

Изучив предложения комиссии, администрация Дж.Буша поступила с “точностью до наоборот”.

В телеобращении к нации 10 января 2007 г. Дж.Буш объявил о прямо противоположной ее рекомендациям “новой стратегии” в Ираке, которая свелась к направлению в эту страну дополнительно 21,5 тыс. военнослужащих и отказу от привлечения к поискам урегулирования Сирии и Ирана, которые были объявлены главными виновниками сохранявшегося тупика и пособниками террористов.

Относительно “новизны” стратегии Дж.Буша российский Президент, отвечая на вопросы телеканала “Аль-Джазира”

(февраль 2007 г.), не скрывал своих сомнений: “Когда говорят о новой стратегии, то мы, во всяком случае, под этим подразумеваем новое качество, какой-то новый подход к решению той или другой проблемы. Если речь идет только об изменении количественных показателей, то никакой новизны мы здесь не видим. И когда наши американские партнеры говорят просто об увеличении военного контингента, то в этом, конечно, нет никакой новизны”.

Российская оценка “новой иракской стратегии” американского президента не страдала односторонностью и безоглядным негативизмом. В Москве нашли в ней и позитивные моменты, которые, к сожалению, последующей американской политикой развиты не были.

* Позднее стало известно, что, выступая перед членами комиссии в закрытом режиме, директор ЦРУ М.Хайден на основе информации от полутысячи своих сотрудников, работавших в Ираке, нарисовал еще более удручающую картину, назвав “неспособность правительства Н. аль-Малики управлять необратимой”.

Глава внешней разведки мрачно спрогнозировал продолжение схваток в Ираке по боснийскому сценарию “до полного истощения всех противоборствующих сторон”⁶.

“Но можно ли сказать, – продолжал В.В.Путин в беседе с арабскими журналистами, – что вообще в инициативах президента Буша нет ничего нового? Думаю, что это не так.

Я эту новизну усматриваю в том, о чем раньше так или иначе говорили, но что не было зафиксировано в официальной позиции. Речь идет именно о том, о чем я уже говорил выше, а именно о передаче всей полноты власти, прежде всего правоохранительной и в сфере безопасности, соответствующим иракским подразделениям и ведомствам. Об этом президент Соединенных Штатов сказал публично, это зафиксировано в упомянутой инициативе – и если считать, что это официальная позиция, то можно сказать, что в этом новизна.

Только это, мне кажется, не будет работать, если мы заранее не определим срок вывода иностранного контингента. Потому что, как это всегда в любом конфликте бывает, да и в любой стране, люди внутри страны должны знать, что к такому-то сроку они должны быть готовы взять на себя полную ответственность внутри страны. А когда у них нет определенного срока, когда не понятно, в какой момент зрелость соответствующих структур самого государства должна быть доведена до определенного нужного уровня, тогда все перекладывается на иностранный контингент.

Мне представляется, что все-таки срок вывода иностранных войск должен быть определен”²³.

А вот это в Вашингтоне было сделать весьма затруднительно из-за вызванной американской политикой реальной угрозы распада Ирака и окончательного превращения его в еще один рассадник международного терроризма.

Вместо определения перспектив ухода из Ирака в выступлении Дж.Буша прозвучали прямые угрозы, заставившие аналитиков с тревогой заговорить о возможности распространения авантюристического курса Белого дома на соседние страны, а, следовательно, опасности дальнейшего закру-

чивания пружины напряженности в регионе.

“Иран, – заявил глава Белого дома, – осуществляет материальную поддержку нападениям на наших военных в Ираке. И мы намерены положить этому конец. Мы уничтожим структуры, которые поставляют оружие нашим врагам в Ираке и тренируют их”²⁴.

В этом воинственном высказывании вновь проглядывала прежняя политика “большой дубинки”, провал в Ираке республиканцев, как видно, ничему не научил.

Упрямо следуя в этом опасном направлении, президент разрешил американским военным захватывать или убивать “иранских агентов” на территории Ирака²². В район Персидского залива направлялась еще одна авианосная ударная группа, там же развертывалась новейшая противоракетная и противовоздушная система “*Patriot PAC-3*”.

Многие наблюдатели усмотрели в этих широкомасштабных приготовлениях подготовку к новой войне, на этот раз против ненавистного Вашингтону режима в Иране. Обычно сдержанная в оценках газета “Файнэншл таймс” с тревогой назвала стратегический план Буша “броском к катастрофе в Ираке и на Ближнем Востоке”²⁵.

В своей вышедшей в марте 2007 г. новой книге “Еще один шанс: три президента и кризис американской сверхдержавы”, З.Бжезинский отмечал, что, уподобляя “войну с террором” борьбе США против нацизма и сталинизма, администрация готовит общество к войне с Ираном. А такая война неизбежно втянет Америку в затяжной конфликт с участием Ирана, Ирака, Афганистана, и возможно, Пакистана.

“Война с террором, – делает вывод политолог, – наносит США огромный ущерб на международной арене”⁶.

Для того, чтобы несколько приглушить тревогу мирового сообщества

относительно опасных перспектив еще одной военной авантюры, на этот раз в Иране, Дж.Буш в личной беседе с С.В.Лавровым (начало февраля 2007 г.) заверил в отсутствии у его администрации планов силового давления на Тегеран, а вторая авианосная группа, двинувшаяся по его указанию в зону Персидского залива, была призвана-де лишь “стабилизировать обстановку и снять опасения, которые существуют у Запада” в этом важном районе.

Не лишне вспомнить в этой связи, что президент США публично повторял слова об отсутствии у него “плана удара по Ираку” вплоть до начала вторжения в марте 2003 г.

“Новая стратегия” стала реализовываться уже на следующий день после ее объявления.

С личной санкции Буша, в 5 час. утра 11 января 2007 г. американские военные, разоружив охрану, ворвались на территорию генконсульства Ирана в североиракском городе Эрбиль. Были задержаны и конвоированы в Багдад 5 сотрудников этого дипломатического учреждения, захвачены хранившиеся в нем документы и компьютеры. При этом прозвучали ссылки на то, что операция была предпринята якобы для пресечения поддержки террористической активности.

Этот произвольный акт стал грубейшим нарушением Венской конвенции о консульских сношениях. О каком суверенитете Ирака могла идти речь, когда чужеземные военные взяли штурмом консульское учреждение иностранного государства на его территории?

В комментарии официального представителя МИД РФ отмечалось, что “предпринятые военными США неправомерные действия означают также открытое злоупотребление тем мандатом, который был выдан странам-участницам многонациональных сил в Ираке Советом Безопасности ООН и неотъемлемой частью которого является содействие обеспечению охраны и безопасности иностранных дипломатов в этой стране”.

Освобождение иранских дипломатов произошло лишь в начале ноября 2007 г., когда американские спецслужбы, как и следовало ожидать, убедились, что “угрозы для безопасности США они не представляют”⁶.

Около месяца спустя (6 февраля), теперь уже в Багдаде около 30 неизвестных в иракской военной форме среди бела дня похитили еще одного иранского дипломата.

В середине апреля он был освобожден и в инвалидном кресле доставлен на родину. Выступая перед журналистами, он поведал о пытках, которым подвергся в Ираке во время допросов с участием американских дознавателей, требовавших от него признания иранского содействия террористам.

В Вашингтоне эту информацию назвали хорошо отрежессированным политическим спектаклем.

Наряду с такими провокациями, Вашингтон продолжал военно-стратегическую игру в зоне Персидского залива “по-крупному”.

Дж.Буш секретной директивой нацелил ЦРУ на всемерное проведение подрывных операций против Ирана.

23 мая 2007 г. в Персидский залив вошли еще 9 боевых кораблей ВМС США (два авианосца, 2 ракетных крейсера, 2 ракетных эсминца и 3 десантных корабля) с 17 тыс. чел. на борту.

В Аравийском море к тому времени также находилась многоцелевая атомная подводная лодка. Крейсеры и подлодка были оснащены крылатыми ракетами “Томагавк”.

По официальной версии, эта ударная группировка должна была провести учения (Иран о них предварительно уведомлен не был), а палубная авиация – оказать содействие боевым операциям наземных сил международного контингента в Афганистане.

Такие “учения” многие наблюдатели вписали в контекст заявления вице-президента Р.Чейни о том, что “США не допустят доминирования Ирана на

Ближнем Востоке”. Главе американской дипломатии пришлось спешно поправлять известного вашигтонского “ястреба” публичными заверениями “об отсутствии у президента Буша намерений воевать с Тегераном”²⁶.

Однако через год, в конце апреля ситуация повторилась: под успокоительные заверения мировой общественности о “временном и запланированном характере передислокации” в Персидский залив был направлен еще один авианосец, который, по многозначительному замечанию Р.Гейтса, должен был послужить “напоминанием”, (понятно кому).

Тем не менее, сама логика событий подталкивала Вашингтон к большему реализму и гибкости в подходах к поискам выхода из иракского тупика. В конце февраля 2007 г. К.Райс объявила о готовности США участвовать в Багдадской конференции 10 марта 2007 г. вместе с представителями постоянных членов СБ ООН, ЛАГ, ОИК и шести соседей Ирака, в том числе “государств оси зла” – Ирана и Сирии. На конференции после 28-летнего перерыва состоялись официальные контакты США с Ираном, которые, по оценке американской стороны, отличались “деловитостью и конструктивностью”.

Как сообщил посол США в Ираке З.Халильзад, “никто не стучал кулаком по столу”. Однако, по просочившимся в печать сведениям, словесное пикирование между американцами и иранцами все же было: первые – упрекали Тегеран в поддержке мятежников, вторые – отводили эти обвинения как попытку переложить вину за провалы США в Ираке “с большой головы на здоровую”²⁶.

Новая американско-иранская встреча по нормализации обстановки в Ираке на уровне послов (24 июля 2007 г., Багдад) завершилась формированием

трехсторонней комиссии (США, Иран, Ирак) по безопасности. Атмосфера встречи была изрядно подпорчена отказом США освободить захваченных ранее иранских дипломатов.

Третья встреча в том же формате (6 августа, Багдад) не внесла новых элементов в американско-иранский диалог и вылилась в ставший привычным обмен взаимными обвинениями и упреками²⁶.

За конференцией в Багдаде последовал визит в Дамаск (впервые с 2005 г.) помощника госсекретаря США Э.Соррей для обсуждения проблем абсорбции беженцев из Ирака, число которых перевалило за миллион и ежедневно росло.

Остроту наплыва беженцев для экономики и социальной сферы САР автор мог воочию увидеть и ощутить во время встреч и бесед в Дамаске весной 2007 г.

В октябре Сирия была вынуждена ввести на границе с Ираком визовой режим, дабы ограничить приток беженцев, возросший в 10 раз.

Аналогичное критическое положение с беженцами из Ирака сложилось и в соседней Иордании, которой их содержание в течение трех лет (2005–2007 гг.) обошлось в 2,26 млрд. долл., оказавшихся для небогатой страны тяжким бременем²⁷.

США и страны ЕС в большинстве своем не горели желанием принять беженцев, ограничившись выделением весьма скромной суммы в 7 млн. евро “для их обустройства в соседних с Ираком странах”²⁸.

Для снижения остроты ситуации сирийские власти, несмотря на натянутость отношений с США, пошли навстречу их просьбе допустить в Дамаск представителей спецслужб, чтобы просеять кандидатов на эмиграцию за океан. Однако этот шаг не спас положения.

По данным "Вашингтон Пост", "из-за бюрократических проволочек и межведомственных противоречий" к концу сентября 2007 г. из 12 тыс. иракцев, ждавших с начала оккупации их страны разрешения на выезд в США, его получили лишь около 1,5 тыс.⁶.

Особое возмущение американских ветеранов иракской войны вызывали проволочки с оформлением виз для иракцев, сотрудничавших с оккупационными властями и периодически получавшими от своих соотечественников подметные письма с вымазанными кровью пулями в знак предупреждения о готовившемся возмездии им и их родственникам за предательство и коллаборационизм. Даже допущенные в США иракские квислинги были вынуждены со временем оставлять "американский рай", не найдя в нем работу и средств к существованию.

Некоторые сдвиги в американских подходах к контактам с Сирией и Ираном по иракской тематике побудили мировых аналитиков расценить их как признание *de facto* обоснованности и объективности линии России на привлечение к решению столь сложной проблемы региональной политики (созданной самими американцами) всех заинтересованных и влиятельных сторон²⁸.

Однако это "просветление" в позиции США продолжалось недолго: вскоре Дж.Буш объявил о намерении направить в Ирак дополнительно к запланированным 21,5 тыс. еще 7,2 тыс. военнослужащих, а 14 марта министр обороны Р.Гейтс вновь обвинил Иран и Сирию в дестабилизации обстановки в этой стране. Отсюда он вывел необходимость наращивания американского воинского контингента в Ираке со 142 тыс. в марте до 158 тыс. человек к началу июня 2007 г.⁶

О нервозности, охватившей побороников "войны до победного конца"

под влиянием развития обстановки в Ираке и вокруг него свидетельствовал следующий эпизод.

По оценке спикера (члена демократической партии) палаты представителей конгресса США Н.Пелоси, побывавшей весной 2007 г. в Ираке, там сложилась катастрофическая ситуация и американские войска оттуда нужно было выводить как можно быстрее.

В пику линии Белого дома и с учетом рекомендаций комиссии Бейкера – Гамилтона она проявила досадную самостоятельность: во время своей поездки по Ближнему Востоку посетив Дамаск, где была принята президентом Б.Асадом. В беседе он подтвердил готовность Сирии к диалогу, но не к выслушиванию нотаций и поучений со стороны кого бы то ни было. После беседы Н.Пелоси с уверенностью и вполне обоснованно заявила, что "дорога к миру лежит через Дамаск"²⁶.

Негодующий Буш в ответ, выступая перед журналистами, разразился в адрес излишне активного спикера гневной филиппикой, назвав ее встречу с сирийским лидером "плохой и контрпродуктивной идеей, посылающей неверный сигнал спонсорам террористов", позволяющей Сирии чувствовать себя "нормальным государством".

10 мая 2007 г. он продлил еще на год односторонние американские санкции в отношении САР, введенные в 2004 г. Они предусматривали полное эмбарго на продажу оружия и двойных технологий, запрет на ряд финансовых операций и транспортное сообщение.

По оценке К.Райс, Сирия оставалась главным спонсором терроризма и была причастна к конфликту в Ираке и событиям в Ливане. Через год санкционный режим против Сирии был оставлен в силе.

Вице-президент Д.Чейни, бичуя спикера, обвинил важное лицо в государственной иерархии в "плохом поведении". К кампании

шельмования политических оппонентов подключилась и "Вашингтон пост", опубликовав по итогам визита редакционную статью с саркастическим и оскорбительным заголовком "Шлепнулась в Дамаске"⁶.

Заодно президентская администрация обрушилась на своевольный конгресс, заподозрив его в антипатриотизме и игнорировании нужд сражающейся армии.

Таким образом, война в Ираке породила еще одну, на этот раз внутри самих США, вылившуюся в противостояние администрации и конгресса.

Примечания

¹ Цит. по: Аль-Хакаи. 06–12.04.2006. С. 16.

² Советская Россия. 01.08.2006.

³ La Presse. 13.04.2006; 10.07.2006.

⁴ Вавилов А.И. "Демократическое мессианство" США на Ближнем Востоке // "Обозреватель-Observer". 2008. № 3.

⁵ Итоги. 20.11.2006. С. 40.

⁶ The Washington Post. 03.06.2007; 13.05.2007; 03.09.2007; 02.09.2007; 21.12.2007; 12.07.2007; 25.01.2007; 29.03.2007; 09.11.2007; 08.11.2007; 17.03.2007; 05.04.2007.

⁷ The Financial Times. 19.04.2006.

⁸ Le Monde. 21–22.06.2006; 13.07.2006; 20.04.2007.

⁹ The Economist. Oct. 7th. 2006. PP. 48–49.

¹⁰ Первый канал. Время. 05.01.2007; 14.11.2006.

¹¹ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 21.02.2007.

¹² Российская газета. 05.09.2007.

¹³ Независимая газета. 02.10.2007.

¹⁴ Медина. 19–25.10.2007.

¹⁵ НТВ. 10.12.2007.

¹⁶ РИА. 13.03.2007.

¹⁷ Newsweek. Oct. 16.2006. P. 21; 06.11.2006. P. 24–25.

¹⁸ Цит. по: Юрченко В.П. Военно-политическая обстановка в Ираке: ноябрь 2006 г. // www.iimes.ru

¹⁹ Time. 30.10.2006. P. 30.

²⁰ Воронов С.С. Доклад Бейкера-Гамильтона по Ираку. Иранские оценки // www.iimes.ru

²¹ Foreign Affairs. Nov./Dec. 2006. P. 4.

²² Цит. по: Об изменениях в военно-политической обстановке на Ближнем Востоке и в Северной Африке (4–10.12.2006) // www.iimes.ru

²³ www.kremlin.ru 11.02.2007.

²⁴ Цит. по: Правда. 19–22.01.2007.

²⁵ Цит. по: Сажин В.И. Новый стратегический план президента США Дж. Буша в Ираке. Иранский аспект // www.iimes.ru

²⁶ The Guardian. 02.06.2007; 11.03.2007; 07.08.2007; 05.04.2007.

²⁷ Arab News. 13.02.2008.

²⁸ Daily Mail, 28.02.2007.

Международно-правовые проблемы доступа к генетическим ресурсам и совместного использования выгод

**Аслан Абашидзе
Александр Солнцев
Олег Миловидов**

Многие годы представители Западной цивилизации, будь то европейцы или североамериканцы, путешествуя по странам Латинской Америки, Африки и Азии, собирали образцы флоры и фауны совершенно бесплатно. Отобранный генетический материал использовался в фармацевтическом производстве, сельском хозяйстве, в парфюмерной промышленности. Произведенная продукция затем продавалась; в том числе в те же страны, откуда были взяты образцы генетических ресурсов по цене, как и для всех остальных государств.

Однако согласно нормам международного права, природные ресурсы принадлежат государству и отчуждаться представителям других государств должны в разрешительном порядке и на возмездной основе с особым учетом интересов коренных народов, проживающих на территории изъятия генетических ресурсов. Иными словами: развитые государства должны делиться деньгами или современными технологиями в обмен на использование генетических ресурсов развивающихся стран, богатых биоразнообразием. Зачастую государства происхождения генетических ресурсов предпочитают неденежные формы компенсации за доступ к ресурсам, в том числе информационное обеспечение, дополнительное образование, соучастие в публикациях и заявках на патенты, лизинг или обеспечение научно-технической литературой, приборами, реактивами, методиками и т.д.

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович – доктор юридических наук, профессор, член Рабочей группы ООН по произвольным задержаниям.

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович – преподаватель международного права РУДН, член Российской ассоциации международного права.

МИЛОВИДОВ Олег Дмитриевич – студент 5-ого курса юридического факультета МГУ.

Ключевые слова: международное право; экология; биологическое разнообразие; генетические ресурсы; коренные народы.

осле сотен лет фактической кражи развивающиеся страны выступили единым фронтом, заявив: меняем наши генетические ресурсы на деньги или современные биотехнологии.

Ежегодный оборот мирового рынка продуктов, имеющих то или иное отношение к генетическим ресурсам, составляет 500–800 млрд. долл. (по данным на 1999 г.).

Сегодня около 80% всех лекарств против рака основаны на натуральных продуктах с добавлением различных генетических ресурсов.

В целом, доступ к генетическим ресурсам и совместное использование выгод (ДСИ)* является комплексной проблемой, в которой тесно переплетаются вопросы развития науки и технологий, политики и права, экологии и экономики, этики.

В решение этой проблемы на международном уровне вовлечены такие авторитетные международные организации как:

- Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС);
- Продовольственная и сельскохозяйственная организация (ФАО);
- Всемирная торговая организация (ВТО);
- Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП)

Кроме того, разработаны международные соглашения для регулирования этого вопроса.

Следует отметить, что проблема ДСИ на международном уровне изначально решалась на основе обычаев и двухсторонних договоров. Однако в конце XX в. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию государства решили контролировать процесс ДСИ с целью “сохранения биоло-

гического разнообразия, устойчивого использования его компонентов и совместного получения на справедливой и равной основе выгод, связанных с использованием генетических ресурсов, в том числе путем предоставления необходимого доступа к генетическим ресурсам и путем надлежащей передачи соответствующих технологий с учетом всех прав на такие ресурсы и технологии, а также путем должного финансирования”.

На этой Конференции была принята Конвенция о биологическом разнообразии 1992 г.¹.

Согласно Конвенции о биоразнообразии, “генетический материал” означает любой материал растительного, животного, микробного или иного происхождения, содержащий функциональные единицы наследственности (любые материальные носители генетической информации, включая индивидуальные гены и их комбинации, фрагменты ДНК, образцы РНК), а “генетические ресурсы” означают генетический материал, представляющий фактическую или потенциальную ценность.

Отметим, что генетические ресурсы человека исключены из сферы действия Конвенции о биоразнообразии, но вопрос применения к ним процедуры ДСИ уже поднимался не раз. Ярким примером может служить случай с исландским генофондом².

В 1998 г. парламент Исландии принял решение о создании универсальной базы данных обо всех жителях страны, которая включает медицинскую информацию, данные о родословной гражданина, а также генетическую информацию.

В 2000 г. исландская компания “деКод Дженетикс” (поддержанная американскими инвестиционными компаниями и междуна-

* AÑÈ – aĩnòí è aĩràdè-ãñèì ðãñòñàì è ñĩàì ãñòíĩã è ñĩĩèuçĩ àãíèã àúãĩ; ABS – Access and Benefit-sharing (access to genetic resources and benefits’ Sharing).

родной фармацевтической корпорацией Хоффман Ла Рош) выиграла конкурс на право быть основным исполнителем данного проекта.

В обмен компания получила на 12 лет эксклюзивное право на коммерческое использование генетической информации, которая будет получена из исследованных образцов крови практически всего населения Исландии. Причем компания не только покрывает все расходы, связанные с созданием этой базы данных, но и обязуется выплачивать ежегодно правительству Исландии 70 млн. исландских крон, плюс 6% с коммерческой прибыли от использования получаемой генетической информации.

Вновь открытые гены, предрасполагающие к развитию того или иного заболевания, предполагается запатентовать.

Конвенция о биоразнообразии не содержит детальной регламентации ДСИ, лишь несколько статей Конвенции касаются этого вопроса (ст.15, 16 и 19).

ДСИ работает в системе “доступ в обмен на доступ”.

Доступ к генетическим ресурсам регулируется национальным законодательством с учетом необходимости облегчения этого доступа на основе предварительного обоснованного согласия государства, предоставляющего такие ресурсы.

Государства обязуются предоставлять и/или облегчать другим странам доступ к технологиям сохранения и устойчивого использования биоразнообразия или генетическим ресурсам без существенного ущерба окружающей среде.

Государства принимают меры, чтобы другим государствам, особенно развивающимся, предоставляющим генетические ресурсы, обеспечивался доступ к технологиям использования таких ресурсов, и технологии передавались на взаимно согласованных условиях, включая технологии, защищенные патентами и другими правами интеллектуальной собственности.

Государства должны принимать меры по обеспечению эффективного участия в деятельности по проведению биотехнологических исследований тех стран, особенно развивающихся, которые предоставляют генетические ресурсы для исследований, и содействовать обеспечению доступа к результатам и выгодам биотехнологий.

После вступления Конвенции в силу была создана Специальная рабочая группа открытого состава по ДСИ для разработки международного режима регулирования ДСИ с целью принятия юридически обязательного документа. В январе 2008 г. состоялось ее шестое заседание.

Для реализации поставленной задачи рабочая группа приступила к анализу действующих правовых и других актов на национальном, региональном и международном уровнях, касающихся ДСИ, включая контракты:

- на доступ к генетическим ресурсам;
- опыт их применения;
- механизмы, обеспечивающие соблюдение, и механизмы принуждения.

Пока стороны не решили, что в итоге станет основой действия международного режима ДСИ: один документ юридически обязательного характера; сочетание юридически обязательных и необязательных документов или юридически необязательный документ (документ мягкого права).

Одним из важных выводов рабочей группы стала проблема реформирования системы патентования генетических ресурсов и различных материалов, разработанных на их основе.

После изготовления желаемого фармацевтического, парфюмерного или иного продукта изготовитель для получения исключительных прав на продукт, полученный с использованием ге-

нетического материала, подает заявку на патент*.

Патент предоставляет держателю возможность эксклюзивного использования результатов изобретений в течение определенного периода времени.

Таким образом, получается, что права собственности на природные генетические ресурсы сосредоточены в странах происхождения, а права интеллектуальной собственности на технологии и продукты, полученные с помощью генетических ресурсов, в странах производства, что не редко приводит к конфликтам. Ведь патенты могут вступать в противоречие с суверенным правом государств на использование собственных генетических ресурсов, и государству происхождения необходимо платить за пользование своими генетическими ресурсами.

Международно-правовая охрана исключительных прав, в том числе на генетические ресурсы, происходит в настоящее время в рамках таких международных организаций, как ВТО и ВОИС.

На рубеже XX–XXI вв. остро встал вопрос об изменении международной патентной системы в рамках ВТО и ВОИС, а именно изменения Соглашения ВТО по ТРИПС** 1994 г., Договора ВОИС о патентной кооперации (Вашингтон, 19.06.1970 г.) и Договора ВОИС о патентном праве (Женева, 01.06.2000 г.).

Суть желаемых и необходимых изменений сводится к следующему. В заявках на предоставление прав интеллектуальной собственности необходимо указывать:

– генетические ресурсы, использованные для разработки заявленных изобретений;

– страна происхождения генетических ресурсов, использованных в заявленных изобретениях;

– доказательства получения предварительного обоснованного согласия страны происхождения.

Заявитель, отказывающийся раскрыть данную информацию, просто не получает патента – его заявка не будет рассматриваться до тех пор, пока он не представит необходимых сведений. Если заявитель раскрывает сведения, но представляет неверную информацию, то к нему будут применяться эффективные и соразмерные санкции.

До настоящего момента ни ВОИС, ни ВТО не разработали окончательного варианта текста поправок к договорам ввиду возникших разногласий между странами. Развивающиеся страны и ЕС поддерживают идею реформы, но США считают применение подхода, строящегося на национальной основе, с использованием специализированных национальных решений, включая контракты, достаточным для обеспечения выполнения целей Конвенции о биоразнообразии, касающихся ДСИ, и что задействование патентной системы не является ни целесообразным, ни желательным.

Совет ВТО по ТРИПС занимается пересмотром положений статьи 27.3b Соглашения по ТРИПС, относящейся к области патентования открытий в области растениеводства и животноводства.

Работа по данным вопросам проводится со времени принятия Дохийской декларации министров 14.11.2001 г., в п. 19 которой Совету по ТРИПС поручается изучить, кроме всего прочего, вопросы взаимоотношений между Соглашением по ТРИПС и Конвенцией о биоразнообразии.

* Вопрос охраны исключительных прав на генетические материалы детально отслеживается и анализируется в отечественной науке. (Орешкин В.А. Патентная охрана биологического (генетического и трансгенного) материала. Дис. к.ю.н. М., 2004; Пономарева Н.Г. Особенности правовой охраны традиционных знаний и генетических ресурсов. Дис. к.ю.н. М., 2004).

** ТРИПС – Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности.

ажным аспектом проблемы ДСИ являются права коренных народов на совместное использование выгод.

Многие районы, отличающиеся самым большим биологическим разнообразием на планете, населены коренными народами.

17 биологически богатых стран (Австралия, Бразилия, Венесуэла, Демократическая Республика Конго, Индия, Индонезия, Китай, Колумбия, Мадагаскар, Малайзия, Мексика, Папуа Новая Гвинея, Перу, США, Филиппины, Эквадор и Южная Африка) – это государства, на которые приходится более двух третей биологических ресурсов Земли. Они также являются традиционными территориями проживания большинства коренных народов мира.

При этом в Декларации ООН о правах коренных народов от 13.09.2007 г. В ст. 31 говорится о правах коренных народов “на сохранение, контроль, охрану и развитие своего культурного наследия, традиционных знаний и традиционных форм культурного выражения, а также проявлений их научных знаний, технологий и культуры, включая людские и генетические ресурсы, семена, лекарства, знания свойств фауны и флоры”, “на сохранение, контроль, защиту и развитие своей интеллектуальной собственности на такое культурное наследие, традиционные знания и традиционные формы выражения культуры”. Далее уточняется, что “совместно с коренными народами государства принимают действенные меры в целях признания и защиты осуществления этих прав”.

Совершенно очевидно актуальность данной статьи для разработки режима регулирования ДСИ. Более того, стандарты, четко сформулированные в Декларации, закладывают комплексную основу для разработки режима регулирования ДСИ и других общих стандартов, актуальных для коренных народов.

Помимо рассмотренных вопросов ДСИ существует целый ряд других проблем, затрагивающих осуществление других международных соглашений:

– Международной конвенции по охране новых сортов растений 1961 г. (пересмотрена в 1991 г.);

– Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. (в части сохранения и устойчивого использования биоразнообразия морских и прибрежных районов и глубоководных генетических ресурсов, в том числе и за пределами национальной юрисдикции);

– Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения 1973 г. (система лицензирования и выдачи разрешений, созданная для регулирования торговли видами, находящимися под угрозой исчезновения);

– Договора об Антарктике 1959 г. (вопрос биологической разведки, проведения дальнейших исследований коммерчески пригодных генетических ресурсов и биохимических процессов в Антарктике).

тдельного внимания заслуживает принятый в рамках ФАО Международный договор о генетических ресурсах растений для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства (2001 г.).

Договор вступил в силу 29 июня 2004 г. Более 100 государств мира уже ратифицировали его.

Целями Договора являются сохранение и устойчивое использование генетических ресурсов растений для производства продовольствия и ведения сельского хозяйства и справедливое и равноправное распределение выгод, получаемых от их использования, в соответствии с положениями Конвенции о биоразнообразии для оказания содействия устойчивому ведению сельского хозяйства и созданию продовольственной обеспеченности.

Одним из основных компонентов Договора является Многосторонняя система содействия ДСИ, механизмом его действия является Стандартное соглашение о передаче материала (ССПМ), принятое в рамках Договора

в 2006 г., в котором излагаются условия ДСИ в отношении 35 продовольственных культур, а также 29 видов кормовых культур (Приложение 1 к Международному договору).

ССПМ предусматривает создание полностью функционального международного коммерческого механизма совместного использования выгод, в рамках которого получатель генетических ресурсов растений из Многосторонней системы Договора должен на определенных условиях вносить фиксированную процентную долю брутто-продаж нового коммерческого продукта в международный целевой фонд совместного использования выгод в рамках Договора.

В заключение следует сказать, что страны Содружества независимых государств обладают богатым биологическим разнообразием и потому являются весьма притягательным объектом для изыскателей генетических ресурсов.

На территории России представлены ландшафты 8 природных зон, в которых представлено более 11 тыс. видов сосудистых растений, 9 тыс. – водорослей, 3 тыс. – лишайников, 1370 – мохообразных, а также 320 – млекопитающих, около 730 – птиц, 75 – рептилий, около 30 амфибий, более 400 видов рыб пресных вод, более 150 тыс. беспозвоночных животных, в т.ч. 100 тыс. насекомых, 2 тыс. моллюсков, 10 тыс. пауков и т.д.

На территории государств СНГ проживают многие коренные народы, особенно на территории России, которые имеют отдельные права в процессе ДСИ.

В России к коренным малочисленным народам относится 45 этносов общей численностью около 280 тыс. чел.

В составе этой группы народов выделяются 40 коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России общей численностью 244 тыс. чел.

Коренные малочисленные народы компактно проживают более чем в 30 субъектах Российской Федерации.

Для решения некоторых из указанных проблем в 1999 г. было разработано Соглашение о сотрудничестве в области сохранения и использования генетических ресурсов культурных растений государств – участников СНГ. Государства СНГ участвуют в переговорах о создании и функционировании системы ДСИ в рамках Конвенции о биоразнообразии, ВТО, ВОИС, ФАО. Однако Национальный доклад по ДСИ (в рамках ежегодной конференции стран-участниц Конвенции о биологическом разнообразии) из всех стран СНГ представила лишь Россия, хотя все 12 государств СНГ ратифицировали Конвенцию о биологическом разнообразии.

В целом позиция стран СНГ по вопросу ДСИ не разработана, поэтому целесообразно создать в структуре СНГ межведомственный орган для создания единого подхода к этой проблеме.

Примечания

¹ Конвенция о биологическом разнообразии (Рио-де-Жанейро, 5 июня 1992 г.) вступила в силу 29 декабря 1993 г. (Россия ратифицировала 17.02.1995 г.).

² Тищенко П.Д. Исландская сага или сколько стоит генофонд потомков викингов // Тищенко П.Д., Юдин Б.Г. Проблемы биоэтики в СМИ. М.: “Эслан”, 2006. С. 31–34.

Оригиналы секретных протоколов – на стол!

Валентин Сидак

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации “О проведении дней воинской славы России в ознаменование 65-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” начиная с 2007 г. на федеральном, региональном и муниципальном уровнях по всей России, а также за рубежом ежегодно проводятся широкомасштабные мероприятия в честь священного для всех наших соотечественников Праздника Победы. Мы по праву гордимся Великой Победой, это поистине судьбоносное событие как в отечественной, так и в мировой истории.

В мае 1945 г. общими усилиями государств антигитлеровской коалиции был положен конец бесчеловечной идеологии и практике фашизма. Объединенные нации создали новую, как тогда казалось, более справедливую и более стабильную систему международных отношений, основанную на законном стремлении подавляющего числа жителей Земли сохранять мир на планете.

Итоги празднеств годовщины Победы показали, что ответственные политики большинства государств планеты стремятся извлекать полезные уроки из прошлого и совместно идти в направлении более осмысленного, более разумного развития человеческой цивилизации.

Однако целый ряд событий истекших трех лет дают, вместе с тем, достаточные основания полагать, что славная дата нашей отечественной истории не дает покоя недругам России. Они пытаются сделать все от них зависящее, чтобы 60-летний

СИДАК Валентин Антонович окончил Московский институт тонкой химической технологии им. М.В.Ломоносова, Краснознаменный институт КГБ при СМ СССР, Академию народного хозяйства при Правительстве РФ. Бывший сотрудник советской внешней разведки, после многолетней работы за рубежом был помощником начальника ПГУ КГБ СССР, старшим референтом Председателя КГБ СССР. Последняя должность в органах госбезопасности – начальник Секретариата КГБ СССР. Уволен из органов КГБ в 1991 г. Действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса.

Ключевые слова: “Пакт Риббентропа – Молотова”, “Особая папка” ЦК КПСС, Советско-германские соглашения августа–сентября 1939 г.

юбилей стал последним зримым напоминанием потомкам о мужестве советских ветеранов-фронтовиков и доблести труженников тыла, проявленных ими в военные годы. Они стремятся вытравить у россиян, граждан других государств СНГ законное чувство гордости и достоинства победителей, пытаются посеять зерна сомнения, нигилизма, а порой и откровенного цинизма, у нынешних защитников Отечества, у подрастающего поколения нашей страны.

Сегодня мы зримо, осязаемо видим нарастание антироссийской волны, которая периодически поднимается в республиках Балтии, Польше, некоторых других соседних с Россией государствах. Здесь и снос памятников погибшим советским воинам, и запрещение использования советской военной символики, и требования выплаты многомиллиардного ущерба, якобы нанесенного в период “оккупации” Советским Союзом, и призывы к принесению публичных извинений за “совершенную совместно с фашистской Германией агрессию” и многое другое. Сюда же можно отнести и недружественные по отношению к России действия в рамках Совета Европы, когда кому-то очень бы хотелось поставить коммунизм на одну доску с фашизмом. Острием все новых и новых антироссийских атак, главной мишенью для развязывания в прессе и электронных СМИ кампании лжи и клеветы недруги России снова избрали пресловутый “пакт Риббентропа-Молотова”, точнее, так называемые секретные дополнительные протоколы к двум важнейшим внешнеполитическим документам XX столетия – Договору о ненападении между Германией и Союзом ССР от 23 августа 1939 г. и Договору о дружбе и границе между Германией и Союзом ССР от 23 сентября 1939 г.

Еще одна мина замедленного действия на политическом поле?

В 1999 г., в связи с 60-летием начала Второй мировой войны мне впервые довелось весьма основательно погрузиться в данную проблему – правда, главным образом, под углом зрения анализа итогов работы Комиссии съезда народных депутатов СССР по политической и правовой оценке германо-советского договора о ненападении, к которой в свое время я имел непосредственное отношение.

К сожалению, ни В.Т.Третьяков из редакции “Независимой газеты”, ни В.В.Чикин из редакции “Советской России”, которым я направлял текст подготовленной статьи, интереса к данному материалу не проявили.

Статья увидела свет лишь в середине 2000 г. в журнале “Кто есть кто в России” под названием “Секреты секретного протокола”, когда развернувшаяся на страницах “Независимой газеты” острая научная полемика двух видных исследователей советско-германских отношений довоенного

периода Олега Ржешевского и Льва Гинцберга уже угасла. Думаю, это стало основной причиной, по которой моя статья осталась практически незамеченной для широкого читателя. Тем более, что в ней я лишь обозначил основные контуры “информации к размышлению”, без раскрытия подробностей и конкретных деталей, а практические выводы предоставил делать депутатам Государственной Думы, которым, собственно, и была адресована эта публикация.

Если бы в последние годы не была развернута предельно наглая и явно кем-то оркестрованная кампания лжи и подтасовок вокруг ряда неоднозначных, порой трагических страниц отечественной истории, я, пожалуй, вряд ли “ринулся в бой” по поводу трактовки столь серьезных исторических документов, коими являются советско-германские договоренности августа-сентября 1939 г. Не моя это сфера повсед-

невных интересов, не мое призвание и даже не “хобби” – пусть этим профессионально занимаются историки, дипломаты, юристы-международники. Тем более, что копий здесь сломано немало, понаписаны горы диссертаций и научных исследований.

Однако в складывающейся ситуации считаю своим гражданским долгом публично осветить сохранившиеся в моей памяти, как бывшего начальника Секретариата КГБ СССР, некоторые весьма любопытные обстоятельства упорной и целенаправленной деятельности “команды демократов” во время пресловутой горбачевской перестройки по намеренному очернению внешней политики И.В.Сталина и всего советского руководства в предвоенные годы, по продавливанию своей заранее отработанной позиции по секретным советско-германским договоренностям.

Считаю это, помимо прочего, еще и данью личного уважения к немеркнущему подвигу ветеранов-фронтовиков, среди которых был и мой отец, защитник блокадного Ленинграда, закончивший войну на Дальнем Востоке, в Манчжурии.

Вначале обозначу собственную позицию по данной проблеме без излишних предисловий, а затем попытаюсь ее обосновать. При этом я не намерен касаться содержательной стороны советско-германских соглашений, доказывать полезность или ненужность их подготовки и принятия в тот период.

Естественно, у меня есть собственная точка зрения на эту проблему, а полученное образование и многолет-

ний опыт работы в советской внешней разведке с различными, в том числе с достаточно серьезными внешнеполитическими документами закрытого характера, позволяет подкреплять ее весомыми фактами и аргументами. Но я сознательно ограничивал рамки своего исследования только самими документами.

Кропотливый анализ бывших мне доступными для исследования исторических материалов, а также детальное знание достаточно специфичных особенностей работы с материалами “Особой папки” дают, как представляется, весомые основания сомневаться в подлинности секретного дополнительного протокола к Договору о ненападении между Германией и СССР, других секретных советско-германских документов, обнаруженных в октябре 1992 г. в Президентском архиве РФ в закрытом пакете № 34 и опубликованных в 1993 г. в журнале “Новая и новейшая история”.

Не исключая полностью любых иных гипотез, я пришел в итоге анализа этих материалов к выводу, что фальшивкой являются либо копии протоколов из коллекции фон Леша, хранящиеся в Политическом архиве ФРГ, либо их “оригиналы”, находящиеся в Президентском архиве России. Впрочем, не исключаю, что фальшивками являются и те, и другие.

Если судить по ряду признаков, начало этой многолетней акции влияния* было положено, скорее всего, спецслужбами гитлеровской Германии в годы Второй мировой войны. А вот вопрос о том, кто, когда и с какой це-

* Сейчас, благодаря Ю.Семенову и другим популяризаторам шпионского жанра, любому обывателю известно, что эта форма активного воздействия на происходящие процессы хорошо известна еще со времен древнего Китая и неоднократно с успехом применялась в различных ситуациях, поэтому термин “агентура влияния” – это не досужая выдумка, а реальный аспект деятельности специальных служб.

люю подхватил их эстафету в СССР, кто изготовил “оригиналы” и другие сопутствующие разработанной гитлеровцами “легенде” документы, каким образом они оказались в нужное время в “Особой папке” Общего отдела ЦК КПСС и в архиве МИД, где их, насколько мне известно, упорно, но безуспешно разыскивали десятилетиями – весьма любопытен, но это предмет отдельного разговора и повод для особого исследования.

Могу лишь предположить следующую гипотезу. Данные “подлинники” были кем-то изготовлены с текстов фотоконий хорошо известной историкам коллекции Карла фон Леша (скорее всего, какими-то ярыми антисталинистами в 50-х годах во времена хрущевской массивированной перетряски довоенных архивов, когда, по свидетельствам очевидцев, “по указке сверху” было уничтожено свыше 15 тыс. единиц секретной архивной документации) и помещены “до нужных времен” в “Особую папку” VI сектора Общего отдела ЦК КПСС.

Во всяком случае, архивное дело, содержащее заверенные работником аппарата Совнаркома СССР В.Паниным копии секретных советско-германских протоколов, было дополнительно впечатано в опись Архива внешней политики СССР под каким-то “литерным” номером в 1957 г., но при этом нет никаких указаний, кто это сделал.

Замечу вскользь, что подобных “мин замедленного действия” заложено, по моим наблюдениям, в российских архивах немало, и когда они будут взорваны, одному Богу известно.

“Рванула” же несуществующая речь Сталина на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 августа 1939 г. (якобы хранившаяся в документах бывшего Особого архива СССР).

Или пресловутая “записка Юровского в ЦК партии”, руководствуясь которой “ар-

хеологи-любители” (местный краевед А.Авдониин и самозванный “помощник” министра внутренних дел СССР Н.А.Щелокова Г.Рябов) в нужный момент вырыли на старой копякской дороге под Екатеринбург останки последнего российского царя Николая II и членов его семьи и длительное время хранили их у себя дома чуть ли не в ванной комнате.

Или “дневники Бормана с 1 января по 1 мая 1945 года”, которые, якобы, до 1991 года хранились в каких-то “советских спецхранах” и которыми недавно бойко торговал почему-то израильский журналист Исраэль Шамир.

А ведь покоятся еще где-то в уральской земле два металлических чемодана с “секретным архивом ЦК” и ленинскими документами, о существовании которых один из руководителей Секретариата ЦК Е.Д.Стасова, будучи уже почти в девяностолетнем возрасте, почему-то сочла необходимым “предупредить” работников Института марксизма-ленинизма лишь в начале 60-х годов прошлого века. Что в этих чемоданах находится – остается лишь гадать. Но ведь когда-то непременно добудет, что называется, из под земли этот таинственный “секретный ленинский архив” какой-нибудь всезнайка вроде кинодраматурга Г.Рябова или писателя Э.Радзинского...

Впрочем, отсылаю читателей, проявляющих повышенный интерес к проблеме подлинности документов, хранящихся в отечественных архивах, к авторитетному суждению руководителя Федерального архивного агентства, члена-корреспондента РАН В.П.Козлова, изложенному им в книге “Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке”.

Публикуя полтора года назад статью по тематике секретных протоколов с общепринятыми в научном мире ссылками на источники информации в солидном журнале “Обозреватель—Observer”¹, и давая согласие на размещение ее сокращенного варианта в “Экономической и философской газете”, я,

помимо прочего, хотел посмотреть на реакцию некоторых “специалистов”, в течение многих лет откровенно паразитирующих на непростых, неоднозначных проблемах советско-германских отношений довоенного периода. Реакция была весьма показательной – олимпийское спокойствие и выдержка, полный молчок – ни похвалы, ни ругани. Одним словом, не хотят замечать.

В этой связи хотел бы процитировать известного немецкого философа Освальда Шпенглера.

В своем труде “Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории” он отмечал: “Всякому позволено говорить, что хочет; однако пресса также свободна выбирать, обращать ей внимание на это или нет. Она способна приговорить к смерти всякую “истину”, если не возьмет на себя сообщение ее миру – поистине жуткая цензура молчания, которая тем более все-ильная, что рабская толпа читателей газет ее наличия абсолютно не замечает”.

Никому не советовал бы приводить в качестве доказательства существования “оригиналов протоколов” следующий “железобетонный” довод: “Я их (то есть секретные протоколы) сам держал в руках”.

Держать-то вы их, может быть, и держали, но, чтобы не поступить опрометчиво, не спешите судить о том, что реально вы держали в своих руках.

Сошлюсь на авторитетное мнение того же В.П.Козлова по поводу разоблаченных учеными фальшивок, по-прежнему хранящихся во многих российских, в том числе закрытых, архивах: “Отсутствие возможности натурно-демонстрационного знакомства с источником в большей степени свидетельствует о его подложности, чем о подлинности”.

Демонстрировать же широкой общественности обнаруженные в Президентском архиве “оригиналы” почему-то никто не спешит, даже их натурные копии в научных публикациях не вос-

производятся, ограничиваются лишь концовками документов с автографами Риббентропа, Молотова и Шуленбурга.

Посмотрите, к примеру, иллюстрации статьи в российском журнале “Вопросы истории” за 1994 г. (кстати, в электронном каталоге журнала за 90-е годы представлены публикации всех лет, кроме 1994 (?) г.), попытайтесь найти соответствующие фотографии в Интернете – вы сами легко убедитесь в этом.

Правда, не стоит удивляться, если при обращении к подобным материалам ваш компьютер внезапно начнет “глючить”...

Надо ли проводить дополнительную экспертизу обнаруженных в Президентском архиве документов после известного доклада А.Н.Яковлева II Съезду народных депутатов СССР?

Твердо убежден: обязательно нужно проводить и чем быстрее, тем лучше. Иначе и без того далеко зашедшие события приобретут необратимый характер, а расплачиваться за это, при неблагоприятном раскладе политических сил в Европе и мире, придется всем нам – не только России как государству, но и ее гражданам, простым налогоплательщикам, причем и морально, и материально.

Страсти вокруг пакта Риббентропа-Молотова вновь закипели нешуточные. Ящик Пандоры после известного решения Съезда народных депутатов открыт и последствия могут быть самыми непредсказуемыми.

Мы стоим накануне крушения остатков послевоенного устройства Европы.

Сегодня на континенте правит бал Маастрихт, а Ялта, Потсдам и даже Хельсинки – это уже реликты прошлого. Признают в рамках процедур ООН или на ином авторитетном международном уровне независимость Косово – много чего неприятного следует ожидать в европейских делах уже в самой недалекой перспективе. Согласие Польши и Чехии на размещение амери-

канских ракет на своей территории – тоже не изолированные события, какими-то своими гранями они совершенно очевидно уходят в прошлое, в довоенный период.

Гитлеровскую фальшивку надо поскорее разоблачать, а не устраивать вокруг нее ритуальные танцы в СМИ. Кто предметно займется вскрытием ис-

тины, кто не оробеет перед дутым авторитетом комиссии Яковлева – российский ли парламентарий, работники ведомств, входящих в состав Совета Безопасности РФ, дипломаты или же архивисты, эксперты-графологи и криминалисты – не знаю. Пока все мои призывы по-прежнему остаются гласом вопиющего в пустыне.

Основные этапы детективной истории с секретными протоколами

По общепринятой среди историков различных стран версии в конце 1943 – начале 1944 гг., когда уже стало очевидным, что гитлеровская Германия войну проигрывает, рейхминистр иностранных дел И.Риббентроп дал указание микрофильмировать некоторые материалы своего личного бюро.

Занимался этим узкий круг особо доверенных лиц, в том числе советник МИД Карл Кристиан фон Лёш.

Последний, вопреки приказу Риббентропа, якобы не уничтожил микрофильмы, но закопал их в Тюрингии, а весной 1945 г. передал их, по-видимому, за соответствующую мзду или за гарантии личной безопасности, англо-американским оккупационным властям.

В переданных фон Лёшем микропленках вначале англичане, а затем и американцы впервые обнаружили следы существования секретных дополнительных протоколов к пакту Риббентропа-Молотова.

В микрофильмах также приводилась секретная переписка германского посольства в Москве со своим МИД по подготовке советско-германских соглашений.

Кстати, к этой переписке, причем как к ее содержанию, так и оформлению, у меня тоже есть немало недоуменных вопросов. Но это уже выходит за пределы данной публикации.

Кто такой Карл фон Лёш?

Он был одним из ведущих немецких специалистов по проблемам “жизненного пространства Германии”, автор многих

трудов по германо-польским отношениям, в том числе – по проблеме “данцигского коридора”.

В 1938 г. он совместно с Фриком, Розенбергом, Бемом и другими видными деятелями нацизма издал в специализированном ежегоднике рейха статью “Немецкие приграничные территории”, которая в своих основных положениях предваряла идеи “мюнхенского сговора” в отношении Чехословакии.

О его трудах похвально отзывался основатель школы германской геополитики К.Хаусхофер, о котором сейчас многие слышаны по многочисленным публикациям о деятельности германского тайного общества “Анненербе”.

Как Вы полагаете, мог такой знаток деталей европейской политики “запустить на орбиту дипломатическую бомбу”, которая способна взорвать всю систему послевоенного устройства континента?

Лично я считаю, что мог, да еще как. Тем более что и сочинять что-либо, выдумывать не было особой нужды – все, что было описано в секретных протоколах, к 1943 г. уже произошло в действительности – и поражение Польши, и раздел ранее принадлежавших ей территорий между Германией, СССР и Литвой, и советско-финская война, и присоединение к СССР Бессарабии, и все перипетии с Виленским краем, Сувалковским выступом и прочими территориями, отошедшими к

Литве. Осталось лишь определить направление главного удара (в данном случае, советско-польские отношения послевоенного периода), грамотно оформить документы, сочинить легенду и насытить ее достоверными или правдоподобными деталями.

В 1946 г. один из секретных дополнительных протоколов при не вполне ясных обстоятельствах всплыл в США в провинциальной американской газете "Сент-Луис пост-диспетч".

Не стоит при этом забывать, что эта газета официально входит в пропагандистские структуры, контролируемые Всемирной сионистской организацией, а к тому времени в СССР уже стали намечаться первые признаки развертывания борьбы с теми, кого в начале 50-х годов советская пресса величала не иначе, как "безродные космополиты".

Затем секретные протоколы фигурировали в материалах Нюрнбергского процесса – вначале в виде так называемого аффидевита Гауса*, а потом в выступлениях адвоката Р.Гесса Альфреда Зайдля.

Последний даже нахально попытался, ссылаясь на имевшуюся у него фотокопию секретного дополнительного протокола, вызвать в трибунал В.М.Молотова в качестве свидетеля, а затем и вовсе отстранить СССР от участия в Нюрнбергском процессе. Позднее А.Зайдль в своих мемуарах прямо признал, что эту фотокопию он получил от сотрудников американской разведки.

В 1948 г. материалы коллекции фон Леша были опубликованы госдепартаментом США в переводе на английский язык**. Однако примерно до начала 70-х годов о них изредка вспоминал

лишь узкий круг специалистов-историков, никакой особой шумихи по этому поводу в мировой прессе не наблюдалось.

Кстати, рискну предположить, что обнаруженные в конце 80-х годов в МИД СССР заверенные В.Паниным копии секретных протоколов на деле могли являться ни чем иным, как подготовленными для доклада руководству правительства или ведомства справочными материалами относительно характера публикаций в книге госдепартамента США или же обратным переводом опубликованных там документов.

Построение второго кирпичика в этой многолетней "активке" началось примерно в 1959–1961 гг., когда окончательно устранили от власти "антипартийного" В.М.Молотова, вынесли из Мавзолея тело И.В.Сталина. Польская сторона в лице первого секретаря ЦК ПОРП Владислава Гомулки начала поднимать на межгосударственном и межпартийном уровне первые неудобные для СССР вопросы о "темных пятнах" в истории советско-польских отношений, в том числе по секретному протоколу. На сей раз в бой вступили историки. Впрочем, как всегда, дело не обошлось без участия спецслужб.

Вспомните исторические особенности того периода. С одной стороны – критика и разоблачение нарождающегося реваншизма в ФРГ и попытки ревизовать Ялтинские и Потсдамские соглашения – с другой. Именно на этих двух направлениях были сконцентрированы за рубежом усилия как историков, так и стоящих, порой, за ними спецслужб. На Западе появилась масса

* Это – заверенные показания бывшего руководителя правового отдела МИД Германии Ф.Гауса, который, судя по дипломатической переписке тех времен, и был составителем того варианта пакта Риббентропа – Молотова, который сегодня всем известен.

** Между прочим, один из издателей книги был штатным сотрудником Управления стратегических служб, то есть разведки США.

трудов и исследований, посвященных пакту, истории советско-германских отношений предвоенного периода. И в научных исследованиях, и в пропагандистских акциях западных спецслужб на первый план выдвигалась задача – дискредитировать решающий вклад СССР в разгром гитлеровской Германии.

В эпоху В.Брандта, в период существенного оздоровления климата советско-западногерманских отношений, СССР впервые официально обратился по дипломатическим каналам в федеральные ведомства ФРГ с просьбой о поиске оригиналов советско-германских договоренностей 1939–1941 гг. в немецких архивах. Ответ был следующим: оригиналов нет, копии есть (имелись в виду, естественно, материалы коллекции фон Леша, возвращенные в ФРГ из США в 1958 г.). Такие просьбы периодически высказывались нами немецкой стороне до тех пор, пока в июне 1989 г. во время официального визита канцлер Г.Коль не передал М.Горбачеву микрофильмированные копии этих документов, хранящихся в Политическом архиве ФРГ.

Попутно замечу, что весь этот период официальные власти ФРГ (как исторической правопреемницы гитлеровской Германии) уклонялись от признания подлинности копий секретных дополнительных протоколов, хранившихся в их государственных архивах.

Это обстоятельство, кстати, было неоднократно зафиксировано в секретной дипломатической переписке того периода, так что “спецпосланнику Горбачева – Яковлева” журналисту Л.Безыменскому (ныне покойному) следовало бы иметь это в виду при описании подробностей своей “исторической миссии” в Бонн в середине 1989 г.

Как дело обстоит сейчас – не знаю, но думаю, что позиция немецкой стороны по данному вопросу осталась, скорее всего, неизменной.

Следующий этап наступил в эпоху разрядки, после заключения Хельсинкских соглашений.

В Европе стала пробивать дорогу идея объединения Германии, а бывшие союзники по антигитлеровской коалиции все далее отдалялись друг от друга, противостоя и на уровне “сверхдержав”, и в рамках военно-политических блоков – НАТО и Организации Варшавского договора.

Советской внешней разведкой были добыты, причем неоднократно, документальные свидетельства того, что более 30 лет назад США и рядом других стран НАТО была поставлена и с тех пор небезуспешно реализуется задача ревизии итогов Второй мировой войны и признания Советского Союза государством-агрессором, “подлинным инициатором” ее развязывания, по крайней мере, – активным пособником Гитлера в реализации его экспансионистских планов и устремлений в Европе и мире. Козырной картой при этом являлся секретный протокол к пакту Молотова – Риббентропа.

Поэтому, когда на пропагандистской сцене начали мелькать персонажи вроде Суворова – Резуна с его “ледокольными” опусами, стало очевидным, что кампания активных мероприятий западных разведок будет набирать все новые обороты.

И хотя научное сообщество в России, в Германии, других европейских странах сочло для себя неприличным, ниже собственного достоинства ввязываться в полемику с провокатором на услужении у британских спецслужб (сошлюсь, к примеру, на статью научного сотрудника Федерального военного архива ФРГ д-ра Г.Юбершера), тем не менее книги Суворова, пронизанные ложью и ненавистью к своей родине, стали не без успеха популяризироваться в обывательской среде, в том числе в России и в государствах на постсоветской территории бывшего СССР.

Настоятельно не рекомендовал бы нашим маститым историкам и многозвезд-

ным генералам вступать с умным видом в научную полемику с этим пустозвоном. Как вы, уважаемые коллеги, не можете понять, что "Суворов" – это коллективный псевдоним соответствующего подразделения СИС, самой опытной в мире спецслужбы именно в области подготовки и проведения активных мероприятий. Сражаться с ней на предложенном Резуном поле – безнадежное дело, у них в консультантах числится весь цвет британской профессуры из Оксфорда и Кембриджа.

Заключительный этап политического спектакля

Пик спекуляций на тему секретных протоколов пришелся на годы горбачевско-яковлевской перестройки.

К этому времени были созданы все необходимые условия внешнеполитического и внутриполитического порядка для заключительного акта спектакля под названием "осуждение секретных протоколов". Под лозунгами "возврата к ленинизму", "защиты истинного социализма" пинали со всех сторон "кровавого злодея" Сталина, обеляли Троцкого и его сподвижников.

Пошла вторая волна массовой реабилитации жертв политических репрессий, причем делалось это столь же огульно, кампанейски и с явной оглядкой на текущую политическую конъюнктуру, как и штамповка во времена Ежова обвинительных приговоров "тройками".

На этом этапе зарубежные спецслужбы поработали на славу. Дело, наверняка, не обошлось без агентов влияния и разного рода авантюристов – "инициативников".

К этому времени В.М.Молотов, которого весь мир знал по пакту Риббентропа-Молотова и "коктейлю Молотова", умер.

Не стало и другого советского политика, который мог бы пролить свет на запутанную историю с протоколами, – многолетний министр иностранных дел А.А.Громыко.

Резун – это мелочь как и скончавшийся несколько лет назад в Англии Василий Митрохин. В этом их коренное отличие от действительно талантливого мерзавца на услужении МИ-6 Олега Гордиевского. Уж ему-то не зря за свое предательство присвоили чин полковника британской разведки, не зря его сейчас вместе с бывшим народным депутатом СССР, и, к слову сказать, "почетным кубанским казаком" О.Калугиным регулярно выпускают на публику как экспертов по самым важным делам советских и российских спецслужб.

Умер и его бывший помощник, а потом – заместитель министра иностранных дел СССР Б.Ф.Подцероб, который в 1946 г. по внутрислужебному акту вместо оригиналов документов почему-то передавал "подлинники" другому мидовцу – Д.В.Смирнову. Прибалтийские государства все настойчивее рвались из СССР на "свободу".

По инициативе В.Ярузельского была создана двусторонняя комиссия ученых СССР и ПНР во главе с Г.Л.Смирновым и Яремой Мачишевским.

Думается, на первом этапе создание политического напряжения между Москвой и Варшавой было своеобразной программой-минимум для задуманной многоходовки с "секретными документами". Однако на завершающем этапе перестройки они сработали по максимуму в пользу реваншистов, стремившихся пересмотреть итоги Второй мировой войны, а затем ревизовать и Хельсинкские соглашения, подтвердившие эти итоги.

К середине 80-х годов в Советском Союзе произошла смена властных структур, был сформирован новый высший орган государственной власти СССР – Съезд народных депутатов. Одним из первых его шагов стало создание специальной комиссии по советско-германскому пакту. Видимо, более важной и актуальной задачи "депутаты

от перестройки и нового политического мышления” для себя не нашли...

Комиссия из 26 депутатов во главе с А.Н.Яковлевым и тремя его замами – Ю.Н.Афанасьевым, В.М.Фалиным и Э.Липмаа (кстати, владельцем богатейшей “коллекции подписей” В.М.Молотова) – “потрудились” над проблемой немногим более месяца, и уже в июле 1989 г. основные выводы были ею сформулированы и представлены в Политбюро ЦК КПСС. Еще бы им не быть сформулированными, если команда Яковлева к тому времени уже “смазала приводные механизмы” во всех нужных инстанциях – в отделах ЦК КПСС, в МИД, в советско-польской комиссии ученых, в научных учреждениях прибалтийских стран.

Почитайте, к примеру, материалы “круглого стола”, проведенного редакцией “Правды” 11 августа 1989 г. – вам многое станет ясным.

Почитайте предисловие, написанное директором Института истории партии при ЦК Компартии Литвы В.Кашаускене и заместителем директора Института истории АН Литовской ССР А.Эйдintasом к опубликованному в тот же период в Литве переводному изданию книги эмигрировавшего в США историка Ю.Фельштинского “СССР – Германия.1939–1941 гг. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля 1931 г. по июль 1941 г.”.

Именно там со ссылкой на решение сессии Верховного Совета Литовской ССР впервые появилась лукавая формула, которая впоследствии была успешно проведена и через комиссию Яковлева, и через Съезд народных депутатов.

Прибалтами был предложен якобы “спасительный выход” – отделение “секретных протоколов” от основных документов (Договора о ненападении и Договора о дружбе и границе), объявление “протоколов” противоречащими “ленинским принципам внешней политики”, признание их ничтожными и не имеющими юридической силы с момента подписания.

Всем несогласным с этой выработанной на самом вершине политической линией выкрутили руки – и ученым, и привлеченным экспертам.

Об этом в июне 2006 г. честно и правдиво на страницах “Российской газеты” поведал ведущий российский специалист по советско-германским отношениям, президент Ассоциации историков Второй мировой войны профессор О.Ржешевский.

Комиссия опрашивала каких-то липовых свидетелей, занималась для создания видимости объективности, по сути, детской самодеятельностью, а серьезная экспертиза так и не была проведена – говорю об этом вполне ответственно, эксперты КГБ, также привлекавшиеся к работе комиссии, рассказали руководству ведомства немало интересных деталей о царившей там атмосфере. Народных депутатов же, попросту говоря, надули и провели на мякине – отсюда и результаты их голосования по докладу комиссии на Съезде. Ну что же, свой вклад в подготовку развала СССР они внесли, поэтому сегодня поздно каяться и посыпать головы пеплом.

Об обстоятельствах обнаружения “Волкогоновым @ Ко” в Президентском архиве запечатанного пакета № 34 судить могу лишь по публикациям Р.Пихоя, Ю.Афанасьева и др. Если учесть, что значительная часть архива Волкогорова сегодня находится в Союзных Штатах, нельзя исключать, что в нужный момент американцы выковыряют из него что-либо “свеженькое” и по пакту Риббентропа – Молотова.

В ожидании новых сенсационных “разоблачений преступной сталинской политики” было бы, все же, небезынтересным получить от “компетентных специалистов” вразумительные и подтвержденные фактами ответы на следующие вопросы:

– Почему документальные свидетельства хранения “оригиналов секретных дополнительных протоколов” в ЦК КПСС своей начальной точкой от-

счета имеют лишь 1987 г., когда у власти в стране устойчиво закрепились М.С.Горбачов и команда его ближайших единомышленников, прежде всего, людей типа А.Н.Яковлева и Э.А.Шеварднадзе;

– Каким образом “оригиналы протоколов” с 1952 г. хранились в “Особой папке” Общего отдела ЦК КПСС без наличия обязательного в подобных случаях листа ознакомления с содержимым опечатанного пакета (или с соответствующими страницами архивного дела, если материалы не были выделены в отдельную подборку)? Почему в пакете нет никаких документально зафиксированных следов ознакомления допущенных к этим материалам должностных лиц, где находятся вырезки лицевой стороны предыдущих пакетов, если производилось их вскрытие и перепакетирование?

– Почему этими материалами не заинтересовались ни Л.И.Брежнев, ни Н.С.Хрущев, ни Ю.В.Андропов, ни К.У.Черненко?

Что дает основание подозревать в протоколах историко-дипломатическую фальшивку?

Прежде всего то, что идентичности, тождества в опубликованных в различных отечественных и зарубежных изданиях изображений текстов “оригиналов”, “копий”, “микрофиш” секретных протоколов нет и в помине.

Представленные на сегодняшний день на суд научной общественности документы не идентичны, хотя автографы Молотова, Риббентропа или германского посла Шуленбурга на них непременно присутствуют. Выводы делайте сами.

Мудрая английская поговорка гласит: “Дьявол кроется в деталях”.

В ранее опубликованных статьях я привел целый ряд нестыковок в представленных документах: например,

– Почему именно заммининдел И.Н.Земсков, а не кто-либо иной из руководства МИД, дважды затребовал копии документов в 70-х годах и чем была вызвана эта потребность, кто из работников Общего отдела ЦК работал по исполнению данного запроса, кто давал санкцию на изготовление копий, где и как это было зафиксировано?

– Сохранились ли в архивах ЦК КПСС и МИД СССР копии письменных запросов И.Н.Земскова, А.А.Громыко или иных руководителей МИД в Общий отдел ЦК КПСС;

– Почему у В.М.Молотова, который, по единодушной оценке хорошо знавших его людей, был очень дисциплинированным и ответственным за свои поступки членом партии, за более, чем тридцатилетний период сознательного политического забвения, не взяли ни единого письменного разъяснения на этот счет, хотя, насколько мне известно, по другим поводам к его помощи и консультациям обращались не единожды?

обращал внимание на такие странности, как вставленные “от руки” исправления в текст якобы оригинала, которые не совпадают с такими же вставками в “копиях” секретных протоколов. Обращал внимание на то, что подписи Молотова под немецкими текстами документов были исполнены на латинице, но при этом зачастую совершенно по-разному и т.д. Ну, да Бог с ним, с Молотовым, в конечном итоге как захотел, так и расписался. Поэтому поговорим о более существенных деталях.

Начну с географии. Упомянутые в секретных дополнительных протоколах реки названы неточно, на деле они носят следующие названия: Нарев, Висла, Сан и Писса. Не буду касаться

того, откуда и куда они текут, можно ли по ним проводить разделительную линию сферы интересов и т.д. Наверное, при определенной изощренности ума можно. Но тогда к “советской сфере интересов” дополнительно отходила бы значительная часть польской территории с городами Люблин, Модлин и другими, а также восточные предместья Варшавы. В любом случае, фраза в документе должна бы выглядеть примерно так: “по линии рек Писса, Нарев, Висла и Сан” или же, по крайней мере, “по линии рек Писсы, Нарева, Вислы и Сана”.

Посмотрите внимательно на формулировки в русских текстах двух секретных протоколов, подготовленных с разницей в неделю. Риббентроп с Молотовым подписывает 23 августа одно, а уже 28 августа Шуленбург с тем же Молотовым – совсем другое. Как будто нарочно, на зло всем нам действуют по принципу: кто в лес, кто по дрова... Между тем в немецких вариантах секретного протокола и разъяснения к нему все написано четко и грамотно, как надо.

А теперь сравните эти “перлы” с реальным историческим документом – Дополнительным протоколом между Союзом ССР и Германией, подписанным Молотовым и Шуленбургом 4 октября 1939 г. Там сразу видно, что перед вами настоящее пограничное соглашение. Никакой Вислой здесь, естественно, и не пахнет.

Для чего же упоминание этой реки понадобилось сохранять в “документах”, датированных второй половиной сентября 1939 г., когда польские территории уже на деле поделили так, как поделили? Только с одной целью – перекинуть смысловой мостик к первому, основополагающему “секретному дополнительному протоколу”, чтобы еще раз “подкрепить” реальность его существования.

Пойдем далее. Официальное название германо-советского соглашения от 28 сентября 1939 г. – Договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Почему же тогда в секретном дополнительном протоколе идет речь о “договоре о границе и дружбе”? Это ведь только домохозяйки не видят никакой разницы в наименовании дипломатических документов. Но ведь германские и советские дипломаты и юристы, принимавшие участие в их подготовке – не обыватели, а высококлассные специалисты в составлении международно-правовых актов.

Все это, скажем мягко, погрешности являются прямым указанием на то, что фальшивку сочиняли немцы, причем скорее не дипломаты, а работники спецслужб.

В документах хранящейся на Западе коллекции фон Лёша в русскоязычном тексте четыре раза употребляется словосочетание: “обоими сторонами”, тогда как по-русски должно быть: “обеими”. Причем это наблюдается не только в основном “секретном дополнительном протоколе”, но и в самом пакте о ненападении – несекретном, ратифицированном и опубликованном документе.

Посмотрите сами в “Интернете” изображения фотокопий документов из коллекции фон Лёша.

Их номера в каталоге (или, как изящно выразился Л.А.Безыменский в своей книге “Гитлер и Сталин перед схваткой” – сигнатура) соответственно F19 182 – F19 185 и F110050 – F110052. Это отчетливо видно и на публиковавшихся в американской и английской печати фотоснимках, и в текстах, воспроизведенных Историко-дипломатическим управлением МИД СССР по копиям из архивов ФРГ.

Зачем, спрашивается, фон Лёшу или любым другим сотрудникам германского МИД понадобилось менять что-

либо в тексте несекретного официального документа, коим является Договор о ненападении между Германией и Союзом ССР?

Вывод может быть лишь один – кто-то готовил к микрофильмированию специально подготовленные документы, которые и в правовом, и в смысловом отношениях должны были составить единое целое, используя в них одинаковые лингвистические обороты, затем ставил с помощью графологов “автографы” В.Молотова и И.Риббентропа и, к счастью для истории, допустил при этом ряд досадных погрешностей и прямых проколов...

Кто-то скажет, ну какая здесь разница – “обоими” или “обеими” сторонами – мелочь все это. Нет, не мелочь, а прямой указатель на то, откуда растут уши. В немецком языке во множественном числе нет разницы в написании прилагательных мужского, женского и среднего рода – все едино, всегда будет “*beide*”, “*beiden*” и т.д. А у нас разница между “обоими” и “обеими” понятна любому грамотному человеку. Что, Молотов со Сталиным были неграмотными людьми? Очевидцы говорят совершенно об обратном.

И название договора у немцев, по сравнению с русским языком, строится совсем по-другому – “*Grenz – und Freundschaftsvertrag*”. То есть, сначала подавайте им границу, а затем уже, может быть, и подружиться. Точно такая же языковая конструкция наблюдается

и в английском переводе – “*Boundary and Friendship Treaty*”.

Кстати, если верить российским “официальным” публикациям, в обнаруженном в архиве Президента РФ тексте “подлинника” и в тексте машинописной копии, хранящейся сейчас в Архиве внешней политики РФ, используется словосочетание “обеими сторонами”. Случайность ошибки по небрежности машинистки или наборщика типографии я, не навязывая никому собственное мнение, исключаю практически полностью.

В заверенных работником аппарата Совнаркома СССР В. Паниным машинописных копиях, якобы “случайно” обнаруженных в архивах МИД СССР в 1989 г., совершенно иной перенос слов, другие машинописные интервалы, имеются различия в написании названий географических объектов, а также отсутствует ряд характерных для немецкой копии деталей.

Хочу при этом напомнить читателям, что истинная копия документа того периода – это всего лишь еще один экземпляр оригинала, исполненный на одной и той же пишущей машинке с помощью копировальной бумаги или, как ранее говорили, “под копирку”.

Поэтому все машинописные особенности оригинала (а не только шрифты запыленной пишущей машинки со складов МИД) непременно должны сохраниться и в его копии, чего мы в данном случае не наблюдаем.

С чем приходится встречаться в различных публикациях?

Кроме этих трудно объяснимых с точки зрения порядка составления и подписания важных внешнеполитических документов обстоятельств, имеется масса других несоответствий по одним и тем же текстам секретных приложений, опубликованным в различных изданиях.

Раскроем первый номер журнала “Новая и новейшая история” за 1993 г. Помещая интересующие нас материалы, его редакция с гордостью указывала, что “официальные советские тексты документов... публикуются впервые. Тексты воспроизводятся по оригиналам на русском и немецком языках”.

Ну, что это, прости Господи, за “официальная публикация”, в которой, например, указывается, что секретный дополнительный протокол об изменении советско-германского соглашения от 23 августа относительно сфер интересов Германии и СССР подписан Молотовым и Риббентропом... 28 сентября 1993 г.?

Что это за непонятные ссылки на “Министерство Иностранных Дел Союза ССР” в документах, датированных 1939 г., когда, как известно, существовали не министерства, а наркоматы?

Почему в немецких текстах документов фамилия В.М.Молотова пишется то “*W.Molotow*”, то “*W.Molotov*”?

Почему в “подлиннике” доверительного протокола от 28 сентября 1939 г. на русском языке написано “за Германское Правительство”, тогда как в копии из архивов ФРГ указано: “за Правительство Германии”?

В оригинале секретного дополнительно протокола от 28 сентября 1939 г. есть лишь дата подписания документа, а в копии – еще и место его заключения – Москва...

Идеолог горбачевской перестройки А.Н.Яковлев “вешал” народным депутатам СССР “лапшу на уши”, когда утверждал, что “графологическая, фототехническая и лексическая экспертизы копий, карт и других документов, соответствие последующих событий содержанию протокола подтверждают факт его существования и подписания”.

Ничего они не подтверждают.

Любой грамотный юрист, любой эксперт-криминалист тотчас предметно и убедительно докажет, что достоверность документа по копии (тем более по некачественной негативной фотокопии!) установить нельзя. Подобные виды экспертных исследований проводятся исключительно по оригиналам документов: только они имеют доказательную силу в суде и иных юридических инстанциях.

В свое время я неоднократно, но, к сожалению, безуспешно пытался взгля-

нуть на эти материалы, коль скоро их рассекретили. Прибегал к помощи депутатов Государственной Думы, высокопоставленных российских чиновников – безрезультатно...

Могу лишь добавить, что мне достоверно известно следующее: когда МИД России в период работы над договором с Литвой понадобились подлинники секретных приложений к советско-германским договорам, в Архиве Президента РФ их отослали... Правильно, все к той же публикации в журнале “Новая и новейшая история”.

К чему, спрашивается, эта загадочная таинственность вокруг преданных огласке материалов, которых в “живом виде” никто, кроме архивистов и бывших работников Общего отдела ЦК КПСС, не видел?

Или, к примеру, дают “задним числом” сенсационную новость: в Третьяковской галерее в 1995 г. впервые экспонировались “оригиналы” секретных протоколов из Президентского архива. Наводим справки об авторах сенсации – оказывается, третьеразрядный украинский политический сайт, а в российских официальных сообщениях о действительно развертывавшейся юбилейной выставке об “оригиналах” ни слова, лишь все та же пресловутая карта с подписями И.Риббентропа и И.В.Сталина.

Другое “сенсационное” сообщение – в Музее Великой Отечественной войны на Поклонной горе демонстрируют “оригинал” одного из секретных протоколов. Приглядываешься повнимательнее – все та же копия из немецких архивов...

Думается, пора заканчивать кормить общество разными суррогатами исторической правды – мемуарами каких-то переводчиков, охранников, водителей, близких и дальних родственников великих людей прошлого.

Чушь он несут, вроде той, что бывший шеф гестапо Мюллер после войны трудился в спецлагере на Урале, а Рауля Валленберга видели в 50-х годах во Владимирском центре. Вопрос достаточно серьезный, а поэтому давайте работать только с первоисточниками.

Скажу прямо: такие наиболее ходовые среди западных исследователей издания, как "Британская голубая книга войны", "Французская желтая книга", издания Госдепартамента США (1948 г. и 1949–1964 гг.) под названием соответственно "Нацистско-советские отношения: документы из архивов германского МИД" и "Документы германской внешней политики 1918–1945 гг.: из архивов германского МИД" или, к примеру, документы "Авалонского проекта школы права Йельского университета", считать первоисточниками по пакту Риббентропа – Молотова, по моему мнению, нельзя.

Когда один и тот же дипломатический документ (Договор о ненападении) по тексту переводится тремя разными терминами (*Pact, Treaty, Agreement*), это говорит, как минимум, о непрофессиональном переводе.

Что это, спрашивается, за "официальный перевод" секретного дополнительного протокола, в котором отсутствует целый абзац преамбулы, а в тексте Договора о ненападении искажена ст. IV?

Несколько наблюдений и замечаний по поводу...

В чем, на мой взгляд, заключается главная ошибка подавляющего большинства добросовестных исследователей советско-германских соглашений августа-сентября 1939 г.?

Они героически, но явно бесполезно с точки зрения эффективности воздействия приводимой ими аргументации на массовое сознание, пытаются со строго научных позиций доказать неизбежность вынужденного шага советского политического руководства того периода.

Так, М.И.Семиряга, Р.А.Мюллерсон, О.В.Вишнев, В.Роговин, А.Талалаев, Н.Шепова и многие другие авторы искренне

Принимать же в качестве первоисточника популярное у польских исследователей лондонское издание "Дневников и карт" бывшего заместителя министра иностранных дел Польши Яна Шембека просто несерьезно, он умер в Португалии еще до появления на свет первых публикаций по секретным протоколам.

Итак, что мы имеем в итоге?

По сути, имеются в наличии два комплекта якобы одних и тех же, но на деле различных по тексту и оформительским признакам документов: один из них в виде копий из западных архивов, другой – "оригиналы", хранимые в Президентском архиве России.

Отбросим на мгновение наши политические и идеологические симпатии и антипатии – попробуем достичь единства хотя бы в одном, чисто техническом вопросе. Вправе мы или нет ожидать от этих документов их полного тождества, идентичности во всем? Или же это непрменный атрибут составления международно-правовых актов, непрменное условие их одинаковой юридической силы вовсе не обязательны почему-то именно для советско-германских секретных дополнительных протоколов?

стремятся с фактами в руках продемонстрировать своим коллегам и общественности традиционный, если хотите, рутинный для той бурной эпохи характер внешнеполитических документов, заключенных между советским государством и фашистской Германией.

Другие, как, например, И.Пыхалов на страницах журнала "Спецназ России", вообще ставят вопрос ребром: а нужно ли нам вообще стыдиться пакта Молотова – Риббентропа, коль скоро был Мюнхенский сговор западных держав, а Польша приняла участие в разделе Чехословакии и оттаяла у нее Тешинскую область?

Эту точку зрения, кстати, сегодня разделяют многие политики современной России.

К сожалению, уважаемые коллеги не могут или не хотят признать как непреложный факт, что отдельным западным странам, их специальным службам, а также падкой на сенсации желтой прессе историческая правда, ее конкретные детали не нужны. Нужно лишь еще одно публичное унижение нашей страны, развенчание определяющей роли Советского Союза в достижении победы над фашизмом.

Пока же зафиксируем очевидный факт: осуществление планов и замыслов тридцатилетней давности для Запада идет успешно.

Для иллюстрации процитирую высказывание генерального секретаря НАТО Дж.Робертсона (14 декабря 2002 г.): "Пригласив в НАТО семь стран Центральной и Восточной Европы, альянс добился самой большой победы за полвека. Он перечеркнул пакт Риббентропа – Молотова и Ялтинские соглашения".

НАТО, вместо своей трансформации из военно-политического в политический союз, уверенно, я бы сказал, победно шагает по Европе, а Россию скоро замуруют за новой берлинской стеной, только проходить на сей раз она будет гораздо ближе к столице...

Ошибка вторая. В своем стремлении "привести в чувство" зарвавшихся политиков прибалтийских стран (в том числе по актуальной на сегодня проблеме транзита в калининградский эксклав) некоторые бывшие российские депутаты (Д.О.Рогозин, В.И.Алкнис, Н.А.Нарочницкая и др.) в свое время пытались извлечь некую "пользу" из факта признания Съездом народных депутатов СССР советско-германского пакта о ненападении и секретного дополнительного протокола к нему юридически несостоятельными и недействительными с момента подписания. Давайте, дескать, признаем свою "неправоту" в вопросе заключения пакта с

Германией, денонсируем его, а Литва пусть повернется, как уж на сковородке, с проблемой ранее входившей в состав Польши Виленской области, равно как и по поводу территориальной принадлежности других полученных в результате пребывания в составе СССР территорий.

Легковесность и самой идеи, и приводимой при этом аргументации очевидны.

Доведенная до абсурда идея "единоличного правопреемства" России от СССР, с пропагандой которой еще до недавнего времени выступал ряд патристично настроенных российских политиков, неизбежно заводит в тупик. Любому мало-мальски грамотному специалисту в области международного права понятен и не подлежит сомнению тот факт, что правопреемниками Советского Союза являются все без исключения бывшие союзные республики СССР, ныне – суверенные и независимые государства. Ибо они являются историческими правопреемниками и реальными правообладателями важнейшего атрибута государственного суверенитета – территории государства, на которой осуществляется вся полнота власти, все его верховенство во внутренних делах.

Строго говоря, призывать к акциям "публичного покаяния и осуждения пакта Молотова – Риббентропа", как к этому призывали накануне 60-летнего юбилея Победы советник президента США по национальной безопасности Стивен Хедли и руководители стран Балтии, нужно сегодня не Россию. Не она владеет территориями, отошедшими к Советскому Союзу в результате "преступного сговора двух тоталитарных хищников". И если руководство прибалтийских государств, Украины, Молдовы и Белоруссии сочтет для себя необходимым и возможным встать на этот скользкий путь, ведущий в исто-

рическую пропасть, оно, по крайней мере, обязано перед народами своих стран сделать это осознанно и ответственно. Опираясь, в частности, не на досужие домыслы фальсификаторов истории, а на рассекреченные документы из российских архивов, аутентичность которых установлена достоверно, сомнению не подлежит и признана на межгосударственном уровне.

Замечание третье. Доморощенные российские “демократы” в своем стремлении окончательно “прищучить сторонников тоталитаризма” намеренно валят все в одну историческую кучу. Для них все документы того периода – “пакт Риббентропа – Молотова”. И Договор о ненападении от 23 августа 1939 г., и германо-советский Договор о дружбе и границе от 28 сентября того же года, и прилагаемые к ним протоколы, карты, прочие приложения.

Истинное предназначение этого примитивного блефа очевидно.

На II Съезде народных депутатов СССР лукавый А.Н.Яковлев сломал упорство не шибко грамотных нардепов, сунув им в нос в качестве “важнейшего вещественного доказательства” существования “секретного дополнительного протокола к пакту Риббентропа – Молотова” якобы случайно обнаруженную в архиве карту разграничения новой границы с личными (!) автографами И.В.Сталина и И.Риббентропа. Хотя на деле эта карта дипломатам и историкам давно и хорошо известна как составная и неотъемлемая часть подписанного в сентябре 1939 г. Договора о дружбе и границе между Германией и СССР. Она была официально опубликована в газете “Правда” в том же далеком 1939 г. и никто из нее никогда и никакого секрета не делал.

Казалось бы, ну чего стоят подобные “свидетельства”, равно как и воспоминания открыто и скрыто ненавидевших

И.В.Сталина некоторых его современников и продолжающих ненавидеть “кремлевского тирана” их потомков.

А ведь действуют же их рассказы на простодушную публику.

Так же, как и вымыслы о графологической экспертизе текстов документов и подписи В.М.Молотова, якобы проведенной сотрудниками МУРа в пику специалистам научно-исследовательского института КГБ, действительно отказавшимся, несмотря на давление А.Н.Яковлева, признать достоверность материалов по фотокопиям.

К сожалению, не вняли, в своей массе, народные депутаты СССР страстному призыву к разуму своего коллеги и моего земляка пенсионера В.С.Образа и 1435 голосами “за” при 251 “против” и 266 “воздержавшихся” приняли Постановление Съезда “О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года”.

К слову сказать, настойчиво требовавший денонсации пакта Риббентропа-Молотова бывший депутат Госдумы В.И.Алкнис также поддержал это постановление, вместе с М.С.Горбачевым, Б.Н.Ельциным и А.Н.Яковлевым...

Не могу пройти равнодушно мимо некоторых свидетельств очевидцев прошедших событий, которыми сегодня размахивают, как дубиной, сторонники подлинности обнаруженных в президентском архиве секретных протоколов.

Прежде всего, это воспоминания В.И.Болдина в книге “Крушение пьедестала” и В.М.Фалина “Сумерки богов по-русски”.

Лично я испытывал неловкость, читая эти материалы.

Формально они вроде бы направлены на разоблачение политического театра М.С.Горбачева, устроенного последним вокруг секретных протоколов, на раскрытие закулисных козней А.Н.Яковлева и ему подобных. Но...

В.И.Болдин за освещение темы секретных протоколов почему-то взялся, еще будучи под следствием по делу ГКЧП. В интервью Н.Гарифуллиной, опубликованном 11 марта 1993 г. в газете "Советская Россия" под названием "Мистификаторы. Руководитель аппарата экс-президента СССР Валерий Болдин "уточняет" А.Яковлева и М.Горбачева" он впервые изложил содержание своих докладов генсеку в 1987 г.

И сразу же возникают недоуменные вопросы. Ну, как, спрашивается, можно спутать "небольшой документ из двух листочков" и 16 страниц одних только приложений, извлеченных фирмой "Волкогенов & Ко" в октябре 1992 г. из пакета № 34 бывшей "Особой папки" ЦК КПСС?

Читать же его воспоминания в статье "Над пропастью во лжи. Политический театр Горбачева" в ежемесячнике "Совершенно секретно" (март 1999 г.) я бы вообще никому не рекомендовал. Что ни фраза – тут же закономерно возникает вопрос.

К примеру: когда впервые А.А.Громыко ознакомился с этими материалами – в 1957 или в 1975 г.?

Были ли они в 1953 г. еще в личном сейфе В.М.Молотова, как утверждает В.И.Болдин или же с октября 1952 г. находились в архиве ЦК КПСС, как написал в своей "совершенно секретной" справке зав. сектором Общего отдела Лоллий Мошков, опечатававший пакет № 34 в 1987 г.?

Для того, чтобы показать общественности, что М.С.Горбачев лицемер и лгун, автору статьи было излишним расписывать в цвете леденящую душу "демократов" историю с докладом генсеку КПСС подлинников секретных протоколов.

Кто такой Горбачев как политик и как человек – каждый из нас уже давно для себя решил.

То, что последний генсек всячески уходил от решения важнейших государственных

и партийных проблем, осторожничал, чтобы не замарать свое "доброе имя" в глазах мировой закулисы, а на деле по преимуществу интриговал, занимался откровенным словоблудием и спихотехникой, не забывая при этом себя, дорогого и любимого – сегодня это ни для кого уже не открытие, а, скорее, секрет Полишинеля.

Так, в 1989–1991 гг. большая часть материалов, направлявшихся из КГБ СССР на доклад политическому руководству страны, требовавших решения Генерального секретаря ЦК КПСС или, впоследствии, Президента СССР, возвращалась с короткой и невнятной для организации исполнения пометкой "М.С.Горбачеву доложено. В.Болдин". Ни И.В.Сталин, ни Л.И.Брежнев, ни Ю.В.Андропов так не поступали, о чем говорят их толковые, компетентные личные суждения по внесенным на рассмотрение политического руководства страны проблемам.

А к чему, судя по его собственному признанию, стремился В.М.Фалин?

Да по сути к тому же, что и А.Н.Яковлев, – к признанию факта существования еще не обнаруженных подлинников секретных протоколов, к оказанию давления на депутатскую комиссию и на Съезд народных депутатов.

Вот что он сам пишет уже в 1999 г.: "Мои заготовки оказались невостребованными. Чтобы добро не пропадало, решаю устроить собственное выступление в прессе. Вопросы ставит заместитель генерального директора ТАСС Вячеслав Кеворков*, газета "Известия" выделила для публикации полполосы. Смысл моей акции – досказать то, что никак не слетит с языка наших "земных богов". Держу Яковлева в неведении, чтобы не подводить его. Горбачеву оставляю возможность ознакомиться с плодами моего своеволия, раскрыв газету".

* А.Êààî ðèîâ – генерал-майор КГБ, бывший заместитель начальника пресловутого пятого управления. В 90-е годы, как и В.М.Фалин, большей частью обитался в Германии в качестве руководителя регионального бюро ИТАР-ТАСС.

Что же на деле получается? Выходит, и А.Н.Яковлев, и В.М.Фалин, и Э.А.Шеварднадзе, и “спецпосланник Яковлева”, обозреватель журнала “Новое время” Л.А.Безыменский, устроивший в Бонне накануне официального визита Президента СССР пресс-конференцию по “секретным протоколам”, дудели в одну и ту же маккиавелистскую дуду М.С.Горбачева. Последний же, в свою очередь, разыгрывал вселен-

ский спектакль и при этом совершал, скажем очень и очень мягко, грубый должностной проступок, открыто демонстрируя свое неуважение к высшему органу власти собственной страны – Съезду народных депутатов СССР – и прямо дезинформируя его. А генералы всемогущего, коварного и угрюмого КГБ (как теперь оказывается, не только О.Калугин, но и другие) всем им в этом успешно подыгрывали...

Закончить статью хотел бы все той же мыслью, что и в предыдущих публикациях.

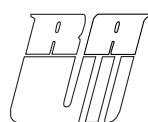
Пора, на мой взгляд, прекратить напускать туману в этой запутанной истории с секретными протоколами.

Если российские власти уверены в подлинности обнаруженных в пакете № 34 документов – выставляйте их для экспозиции в музеях, архивах, предоставьте исследователям свободный доступ к ним, публикуйте эти материалы в строгом соответствии с определенным законодательством порядком.

Если же есть сомнения, а их, думается, более чем достаточно, нужно привлечь коллективный авторитет российского парламента – Федерального Собрания Российской Федерации, Общественной палаты, задействовать опыт специалистов различного профиля для определения подлинности содержащихся в Президентском архиве материалов и выяснения всех обстоятельств, связанных с их появлением в фондах этого государственного учреждения.

Примечание

¹ Обозреватель – Observer. 2006. № 1.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ
ОBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Антифашистское движение немецких военнопленных в СССР (1941–1945 гг.)

Владимир Галицкий

Историческая роль антифашистского движения среди немецких военнопленных

В 2008 г., исполняется 65 лет со дня официальной регистрации “Национального комитета “Свободная Германия” (далее по тексту – НКСГ. – Авт.), положившего начало открытого и широкомасштабного участия немецких военнопленных, содержащихся в лагерях НКВД СССР, в общемировом антифашистском движении. Это событие мирового значения продолжает интересовать и волновать многих историков, политиков и обычных граждан. Одни одобряют, другие порицают, а третьи считают антифашистское движение среди немецких военнопленных в СССР порождением НКВД и 7-го отдела ГлавПУР РККА (специальная пропаганда на войска и население противника).

По моему мнению, переубеждать никого не надо. Пусть каждый останется при своем мнении. Дело в том, что историческая роль антифашистского движения вообще и среди немецких, румынских, венгерских, японских и военнопленных других национальностей, находившихся в плену в СССР, очевидна. Сама История это подтвердила.

Война между Германией и СССР 1941–1945 гг. была сильно идеологизированной.

Со стороны Германии эта идеологизированность была обусловлена не только характером войны, но и необходимостью поставлять на восточный фронт солдат и офицеров с высокой морально-психологической и политической подготовкой.

ГАЛИЦКИЙ Владимир Прохорович – доктор юридических наук, профессор, действительный член Академии военных наук.

Ключевые слова: Национальный комитет “Свободная Германия”, НКВД, антифашистское движение, фашизм, СС, Союз немецких офицеров, национал-социализм.

Уместно будет напомнить о том, что еще до прихода к власти в Германии "Национал-социалистической немецкой рабочей партии" (НСДАП), шла интенсивная обработка будущих участников войны с СССР. Начиная с десятилетнего возраста, юноши и девушки Германии вовлекались в самые разнообразные политические и культурно-массовые организации и мероприятия, проводимые НСДАП.

Такое массированное воздействие в течение 8–10 лет не могло не сказаться на их мировоззрении, отношениях и социальных установках. Основная цель, которой стремилась достичь фашистская пропаганда, состояла в формировании таких качеств у каждого военнообязанного немца, которые обеспечивали бы беспрекословное подчинение всем указаниям и решениям фашистской партии и правительства.

Гитлер, еще в своей "Майн Кампф", а затем в многочисленных публичных выступлениях (особенно это проявилось в мартовской речи 1941 г.) повторял, что ему не нужны люди, которые все долго критически взвешивают, ему нужны люди, которые фанатично преданы ему и всегда готовы решительно действовать¹. Необходимо подчеркнуть, что ему это удалось.

Ретроспективный анализ военно-политической и социально-психологической обстановки в Германии 1933–1941 гг. позволяет высказать мнение о том, что для фашистской партии одной из важных проблем являлась проблема соотношения в диаде "политика и армия", "армия и партия".

Эта проблема является чрезвычайно острой для любого тоталитарного государства. Фашистская партия и правительство Германии в принципе ее разрешили с положительным результатом для себя.

Многочисленные дискуссии на эту тему были подытожены в сборнике статей министерского советника в Верховном командовании вермахта Донневерта и вице-адмирала Канариса, изданного одной книгой под названием "Армия и партия" (Лейпциг, 1939 г.).

Оба маститых автора категорически отвергли предлагавшийся институт политкомиссаров, который действовал в Красной Армии. Ими же было высказано обобщенное мнение о том, что на период службы в вермахте члены НСДАП приостанавливают свое членство в партии.

Вместе с тем, и Донневерт, и Канарис утверждали, что немецкий солдат должен быть "политическим солдатом"², а офицер должен быть политическим воспитателем солдат.

Канарис подчеркивал, что "для нас боевая подготовка, мировоззрение, воспитание и формирование солдатского характера – неразрывное целое. Тем более велики воспитательные задачи и ответственность руководства со стороны немецкого офицера" и далее: "На плечах офицера лежит вся ответственность за политическое воспитание его подчиненных, он, и только он, офицер, политический воспитатель солдат"¹. Исходя из этой концепции, подбору и подготовке офицерского состава придавалось исключительное значение.

И, как показывает опыт Второй мировой войны, немецкий офицерский корпус был достаточно хорошо подготовлен как в профессиональном, так и в морально-психологическом, и политическом отношениях. Именно эти качества и создавали сильное препятствие в работе с военнопленными немецкими офицерами, в организации среди них антифашистского движения.

Антифашистское движение не только спасло жизнь тысячам солдат, офицеров и генералов немецкой и других армий, боровшихся против СССР и его союзников, приблизило разгром фашизма и окончание Второй мировой войны, но и обеспечило достаточно демократический переход германского народа в лоно европейской демократии, смягчило удар закономерного возмездия стран-союзников в отношении германского народа и самого германского государства.

Разгром фашистской Германии и ее сателлитов во Второй мировой войне

необходим был не только физический, но, прежде всего, идеологический. Дело в том, что идеология фашизма, значительно политизированная и искаженная советской пропагандой до начала войны Германии с СССР не давала полного представления о фашизме и его идеологической платформе – национал-социализме. Это выразилось даже в том, что до начала войны Германии с СССР в официальных советских документах “Национал-социалистическая немецкая рабочая партия” часто переводилась правильно, а после начала войны ее стали переводить как “Национал-социалистская немецкая рабочая партия”. Кому это было выгодно и зачем это делалось, теперь известно.

Мы считаем, что сущность немецкого национального социализма еще до конца не вскрыта, а, естественно, и не вскрыта вся глубина его влияния на народные массы довоенной и военной Германии. Ошибка всех нас заключается в том, что мы увлеклись критикой фашизма, раскрытием его сущности и опасности. Фактически произошла подмена таких понятий как “фашизм” и “немецкий национальный социализм”.

Многие историки и публицисты часто забывают о том, что немецкий народ жил в 20–40-е годы прошлого века не только и не столько идеями фашизма, сколько идеями немецкого национального социализма. Учитывая идеологическую близость советского интернационального социализма и немецкого национального социализма, Советское политическое и партийное руководство не было заинтересовано в достаточно глубоком изучении (и тем более в публикациях) советскими историками сущности и содержания немецкого национального социализма.

По нашему мнению, настало время быть предельно объективным при исследовании не только истории фашиз-

ма, но и немецкого национального социализма.

Если взять все выступления Гитлера перед немецкими рабочими до начала Второй мировой войны, то мы увидим, что он постоянно говорил о строительстве национального социализма в Германии. И, когда на одном из заводов рабочие спросили Гитлера, а в чем отличие немецкого социализма от социализма, строящегося в Советском Союзе, то Гитлер ответил, что немецкий социализм, это социализм национальный и распределительный, то есть он только для немцев и каждый получает по способностям и по результатам своего труда, а в Советском Союзе социализм интернациональный и уравнительный, то есть он для всех и каждый получает одинаково, независимо от способностей и результатов своего труда.

Опасность немецкого национального социализма заключалась в том, что он как бы показывал другое направление движения социалистической мысли и реализации ее на практике, показывал, как государство должно заботиться о своем народе, и какая национальная идеология необходима государствообразующему народу для стабильности в обществе и обеспечения высокой социальной защищенности этого народа.

Во многих немецких учебных пособиях для войск того времени широко цитировалось высказывание А. Гитлера о том, что “эта война является следствием непримиримых противоречий между марксизмом и национал-социалистическим мировоззрением”.

В частности, в учебном пособии по идеологическому обучению частей “СС” (издание Главного управления “СС” ориентировочно после 1938 г.) в числе 18 учебных тем предлагалось изучение таких как: “Только сильная Германия спасет Европу” (тема № 6), “Большевизм – смертельный враг Европы” (тема № 8), “Большевизм” (тема № 9), “Современная война – война мировоззрений” (тема № 16) и др.

Со стороны Германии эта идеологизированность была обусловлена не только сущностью фашистской идеологии, но и необходимостью поставлять на восточный фронт военнослужащих с высокой марально-психологической и политической подготовкой. И это было достигнуто.

Необходимо обратить внимание на то, что в головах значительной части немецких рабочих, мобилизованных на Восточный фронт, было определенное смешение понятий “социализма”. Кроме того, в 1941 г. фашистской пропагандой широко использовался лозунг, в соответствии с которым немецкие солдаты пришли “освободить советских рабочих от большевистского социализма”.

Таким образом, можно считать, что Вторая мировая война была войной не только за завоевание чужих территорий, захват природных и людских ресурсов других государств, но и войной для установления “нового порядка” в Европе и во всем Мире, в основе которого лежала теория национального социализма*.

Поэтому и не случайно, что Вторая мировая война после нападения Германии на Советский Союз превратилась фактически и в борьбу двух идеологий: немецкого национального социализма и советского интернационального социализма. Исходя из этого, одной из задач советского партийного, политического и военного руководства в ходе Великой Отечественной войны было

уничтожение национал-социалистической идеологии с помощью самих немцев, показа военнопленным преимуществ советского социализма и т.п. С самого начала Великой Отечественной войны стояла задача разложения армии фашистской Германии, воевавшей против Советского Союза. Это можно было сделать только при непосредственном участии немцев.

Результаты проведенного нами комплексного исследования показали, что антифашистское движение среди немецких военнопленных и военнопленных армий союзников Германии было не просто чьей-то прихотью или тем, без чего мы не смогли бы победить фашизм и выиграть войну. Антифашистское движение среди военнопленных необходимо было для того, чтобы показать и доказать, что сами немцы идут против Гитлера и его идеологии, что не все немцы за Гитлера и его национал-социалистическую идеологию. Именно опираясь на такой подход, мы считаем, что мировое антифашистское движение имело два мощных потока: один поток – это граждане-антифашисты стран антигитлеровской коалиции и второй поток, это антифашисты из числа граждан Германии и ее сателлитов. Во втором потоке значительное место занимали немецкие военнопленные, содержащиеся в лагерях НКВД СССР.

Эти два потока антифашистского движения имели и свои частные цели и задачи, которые, опираясь на общую,

* В этом отношении не может настораживать активное насаждение политическим и военно-административным руководством США и их сторонниками “демократии по-американски” и построения “нового Мирового порядка” на основе американского понимания демократии. Это папахивает очередным неофашизмом.

Немецкие фашисты также ставили цель построить “новый Мировой порядок” на базе национал-социализма, то есть социализм для избранных наций. Руководство США, определяя страны-изгои (следовательно, и население этих стран тоже “изгои”) пропагандирует то же самое, что и фашисты.

главную цель, разгром фашизма и быстрейшее завершение Второй мировой войны, все же имели свои некоторые особенности.

Частные цели и задачи антифашистов были направлены, прежде всего, на мобилизацию мирового общественного мнения и всех ресурсов стран мира на быстрейший разгром фашистской Германии и ее сателлитов, оказание помощи жертвам фашизма и Советскому Союзу, как принявшему на себя основную тяжесть борьбы с фашистской Германией и ее сателлитами.

Задачи антифашистов из второго потока состояли в том, чтобы внести максимальный вклад в дело быстрейшего разгрома фашистской армии и армий ее союзников на советско-германском фронте, в дело оправдания германского, австрийского и других народов гитлеровской коалиции перед мировым сообществом за зверства и злодеяния фашизма.

Вопрос не в том, сколько “было искренних и неискренних антифашистов*” в лагерях для военнопленных, а в том, что те, которые ранее состояли в фашистских дошкольных, молодежных и партийных организациях, которые рукоплескали Гитлеру, которые с оружием в руках защищали идеи фашизма,

публично стали выступать против него, публично отрекались от него, активно участвовали в его разоблачении и в разъяснении своим соплеменникам ошибочности своих и их мнений и отношений. Все это ложилось в общую копилку разложения армии и тыла фашистской Германии и ее сателлитов, подрывало ее международный авторитет в тех странах, которые поддерживали Германию своей вооруженной силой, экономикой и т.п. и, в конечном итоге, приближало общую победу над фашизмом.

Обобщение архивных документальных материалов дает основание сделать вывод, что создание антифашистского движения среди немецких военнопленных, содержащихся на территории СССР, прошло три этапа:

– подготовка необходимой организационно-политической базы для развертывания антифашистского движения среди военнопленных (1941–1942 гг.);

– создание Национального комитета “Свободная Германия” и Союза немецких офицеров, обеспечение их функционирования (1943–1944 гг.);

– реорганизация Национального комитета “Свободная Германия” и Союза немецких офицеров, их ликвидация (1945 г.).

Подготовка организационно-политической базы для развертывания антифашистского движения в лагерях для военнопленных (1941–1942гг.)

Советское военно-политическое руководство в начале войны недооценивало уровень и глубину идеологизированности немецких солдат и офицеров и их неприятия идей больше-

визма. Поэтому поставленная задача в начале войны перед Бюро военно-политической пропаганды при ЦК ВКП(б) и подразделениями специальной пропаганды Красной Армии о не-

* Среди военнопленных, содержащихся в советских лагерях была расхожая кличка антифашистов – “кашисты”, то есть люди, которые за дополнительную кашу выдавали себя за антифашистов. Однако со второй половины 1944 г., когда многие убедились в том, что дело не только в “каше”, антифашистов фактически перестали обзывать так.

обходимости создания мощной антифашистской организации среди военнопленных немцев, оказалась не такой уж простой, как это казалось.

Первая серьезная попытка по разрыванию антифашистского движения среди военнопленных была предпринята в первой половине августа 1941 г. в лагере № 58 (г. Темников Мордовской АССР), где работала специальная группа под руководством Д.З. Мануильского (секретарь ИККИ). Перед группой была поставлена задача: склонить немецких военнопленных к составлению и подписанию антифашистского документа, изобличающего агрессивную политику фашистской Германии. Однако немецкие военнопленные и, прежде всего офицеры, оказали жесткое сопротивление.

В результате проведенной индивидуальной работы из числа немецких военнопленных было отобрано 30 чел., давших предварительное согласие на подписание антифашистского документа. Когда же необходимо было поставить свою подпись, то 27 чел. отказалось, а подписало документ лишь три человека рядового состава.

После очередного тура индивидуальной работы свои подписи под антифашистским документом поставили еще три военнопленных.

Таким образом, из содержащихся в лагере № 58 немецких военнопленных в количестве 974 чел. (в том числе 28 офицеров) свои подписи под первым антифашистским документом поставили всего 6 человек.

Лишь через три месяца политической обработки немецких военнопленных в лагере № 58 в октябре 1941 г. 158 немецких военнопленных подписали соответствующий антифашистский документ, получивший название “Обращение 158”. Этот документ был распространен среди немецких военнопленных, содержащихся в других лагерях, а также среди вновь поступающих

военнопленных. Определенная часть немецких военнопленных, прежде всего, рядового состава, присоединялась к “Обращению 158”. Следовательно, началом антифашистского движения среди немецких военнопленных необходимо считать октябрь 1941 г.

После того как к “Обращению 158” формально примкнула определенная часть военнопленных немцев, в ноябре 1941 года была проведена Первая конференция немецких военнопленных солдат и унтер-офицеров. В антифашистском движении этого периода немецкие военнопленные офицеры участия не принимали, за исключением нескольких младших офицеров.

Учитывая, что к концу 1941 г. в антифашистском движении среди немецких военнопленных офицерский состав фактически никакого участия не принимал (за исключением нескольких младших офицеров), его нельзя было широко рекламировать. В связи с необходимостью создания мощного антифашистского движения среди военнопленных во все лагеря для военнопленных была направлена ориентировка Управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных (далее – УПВИ НКВД СССР. – Авт.) № 28/322 от 21 января 1942 г. “О необходимости проведения политико-воспитательной работы среди военнопленных”¹.

Несмотря на предпринимаемые меры, сопротивление профашистских элементов и офицерского состава немецких военнопленных оставалось сильным.

Формы и методы этого сопротивления были обобщены и Указанием УПВИ НКВД СССР 28/4240 от 25 апреля 1942 г. “О работе фашистских элементов среди военнопленных и мерах ее пресечения” были доведены до административно-управленческого персонала лагерей для военнопленных.

Все эти мероприятия позволили создать определенную антифашистскую базу, ко-

торая дала возможность приступить к организации сети антифашистских школ.

Оrientировкой УПВИ НКВД СССР № 28/13678 от 13 декабря 1942 г. "Об отборе кандидатов из военнопленных в школу антифашистов" была начата подготовка кадров для антифашистской работы среди военнопленных в СССР.

Анализ и обобщение документальных материалов советских государственных архивов показывает, что в 1942 г. была проведена достаточно серьезная политико-воспитательная работа среди всех категорий военнопленных, в том числе и немецких.

Было проведено 72 конференции, 203 собрания, 38 митингов, 2426 политических информации, 1987 групповых и 10408 индивидуальных (учтенных) бесед, 69 вечеров вопросов и ответов, 254 вечера художественной самодеятельности, 873 совещания с активом антифашистов, прочитано 762 доклада и 170 лекций, продемонстрировано 106 кинофильмов, от военнопленных получено 267 воззваний и обращений, 3512 писем отправлено на фронт и на родину, военнопленными написано 744 статьи в газеты для военнопленных¹.

Изучение политических настроений немецких военнопленных до пленения и в плену позволило получить данные о том, что на них сильное влияние оказал приказ И.В.Сталина № 130 от 1 мая 1942 г. Данный приказ особенно сильное впечатление произвел на немецких военнопленных офицеров. Обстановка на фронтах, результаты проводимой политико-воспитательной работы среди немецких военнопленных способствовали тому, что часть военнопленных из числа немецких младших офицеров стала активно участвовать в антифашистском движении. 9 мая 1942 г. в офицерском лагере № 95 была создана инициативная группа в составе 21 немецкого военнопленного офицера, которая обсудила состояние дел в антифашистском движении лагеря.

После чего было проведено общелагерное собрание военнопленных офицеров. На этом собрании о плане дальнейшей работы антифашистского движения доложил лейтенант Рейтер, а с докладом о текущем моменте, целях и задачах войны и антифашистского движения выступил капитан доктор Хадерман.

Острота затронутых проблем в докладе Хадермана побудила руководство УПВИ НКВД СССР издать его отдельной брошюрой под заглавием "Честное слово капитана Хадермана"¹.

Эта брошюра была распространена по всем лагерям военнопленных. Значение деятельности доктора Хадермана в создании антифашистского движения среди немецких военнопленных было значительным. Часть антифашистски настроенных немецких военнопленных офицеров приняла активное участие в боевых действиях на стороне Красной Армии.

В частности, лейтенант Августин за участие в боевых действиях в районе Великих Лук был награжден правительственной наградой.

Для активизации антифашистского движения среди военнопленных в июне 1942 г. во все лагеря была направлена программа политико-воспитательной работы, рассчитанная на 390 час., а при лагере № 74 (г. Оранки, Горьковской обл.) в апреле 1942 г. была организована антифашистская политическая школа (к занятиям приступили 5 мая 1942 г.).

В первом наборе этой школы было всего 107 чел. (78 немцев и 29 румын)¹.

Второй набор состоялся всего из 90 чел. (50 немцев, 12 австрийцев, 26 румын и 2 хорвата), занятия проходили с 1 октября по 31 декабря 1942 г.

Третий набор было решено укомплектовать из расчета разбивки школы на 7 секторов: немецкого, австрийского, венгерского, румынского, итальянского, польского и чехословацкого.

Вместе с тем, в количественном отношении число активных антифашистов среди всех категорий немецких военнопленных было незначительным.

В частности, анализ и обобщение данных по 10 лагерям показал, что к концу 1942 года их было всего 1467 чел.¹ из около 10 тыс. немецких военнопленных.

Безусловно, чтобы громогласно заявить о создании среди немецких военнопленных антифашистской организации, в нее должны были войти известные офицеры и генералы немецкой армии. Солидных военнопленных офицеров к концу 1941 г. в советском плену не было. Они стали попадать в плен лишь с 1942 г. К этому времени во всех лагерях, где содержались немецкие военнопленные, была развернута мощная политико-психологическая обработка.

Разгром 6-ой немецкой армии под Сталинградом (январь 1943 г.) способствовал тому, что в советском плену

оказалось значительное количество высокопоставленных немецких офицеров и генералов. Само поражение хваленной немецкой армии разлагающе воздействовало на пленных немцев, находившихся уже в лагерях НКВД. Так называемые “сталинградские пленные” принесли в лагеря военнопленных разочарование войной и политикой Гитлера, они были брошены Гитлером на произвол судьбы, что и не скрывали. Созданная к этому времени база для антифашистской работы и формирования антифашистской организации была использована администрацией лагерей и представителями советской военно-политической пропаганды для подготовки создания солидной антифашистской организации в лагерях НКВД.

Создание Национального комитета “Свободная Германия” и Союза немецких офицеров (1943–1944 гг.)

Создание антифашистской организации в лагерях для военнопленных находилось под непрерывным контролем высшего руководства Советского Союза. По указанию Берия Л.П. руководство УПВИ НКВД СССР составило подробный комплексный план, которым предусматривался созыв конференции военнопленных, делегаты на которую должны были избираться от каждого лагеря. Первоначально эту организацию хотели назвать “За свободную Германию”.

Офицерский состав немецких военнопленных был особенно реакционно настроенным к Советскому Союзу и его политике. Необходимо было провести многоцелевую пропагандистскую работу среди них с целью расширения круга лиц, лояльно настроенных к Советскому Союзу. Поэтому не случайно, что вся антифашистская работа среди немецких военнопленных с 1943 г. была направлена на организационное оформление антифашистского движе-

ния, воспитание активных антифашистов с перспективой использования их не только в период войны, но и в послевоенное время.

Этому способствовал и определенный перелом в обстановке на советско-германском фронте.

Разгром 6-ой немецкой армии под Сталинградом в январе 1943 г. привел к расслоению всех категорий немецких военнопленных, к росту среди них сторонников антифашистского движения.

В частности, уже к марту 1943 г. от немецких военнопленных поступило более 920 коллективных и индивидуальных заявлений с ходатайством перед руководством Советского государства о создании воинских частей для вооруженной борьбы с фашизмом за свободную демократическую Германию.

Общее количество подписавших такое заявление составило 3505 чел. немецких военнопленных¹. Однако советское правительство не разрешило формировать из числа немецких военнопленных официальные воинские части.

Обработку военнопленных облегчало то, что основная масса немецких военнопленных к апрелю 1943 г. была компактно сосредоточена в пяти лагерях (№ 27, 48, 74, 97 и 160). Необходимо отметить, что значительная часть немецких военнопленных генералов и офицеров оказывала жесткое сопротивление проводившейся работе по созданию антифашистской организации. Однако это сопротивление было сломлено. Были удачно применены следующие методы:

- поощрение наиболее активных офицеров и генералов, ставших на сторону идеи создания такой организации;
- наказание ее противников (дисциплинарные наказания за разного рода провинности, перевод в другие лагеря* и т.п.);
- изоляция противников создания антифашистской организации среди военнопленных от ее сторонников (как в этом лагере, так и путем перевода в другие лагеря);
- системная и глубокая индивидуальная обработка каждого генерала и офицера.

В результате проделанной работы, в лагере 27 (г. Красногорск Московской области) на 10 апреля 1943 г. было сосредоточено 424 немецких военнопленных, в их числе 22 генерала, 21 полковник, 17 подполковников, 82 майора, 18 капитанов, 13 старших лейтенантов, 22 лейтенанта и 229 рядовых.

Среди этой части военнопленных была проведена соответствующая разъяснительная, политическая и организационная работа. Результаты ее были обнадеживающие. После этого началась целенаправленная

работа по формированию актива по подготовке и проведению конференции, разработке манифестов, программ, деклараций и т.п., а также определения количества и состава выступающих.

Успешные боевые действия Красной Армии на советско-германском фронте в этот период способствовали закреплению тезиса о том, что Гитлер проиграл войну и необходимо делать все для ее быстрейшего завершения, а также распространение программы о послевоенном устройстве Германии.

Следует отметить, что проводимые мероприятия по созданию антифашистской организации среди немецких военнопленных солдат, унтер-офицеров и младших офицеров были более результативными, чем среди пленных генералов и старших офицеров. Во многих лагерях, прошли общие собрания, на которых избирались местные антифашистские комитеты и подписывались обращения к армии, немецкому народу и т.п.

Так, 24 июня 1943 г. на общем собрании немецких военнопленных лагеря № 165 был избран антифашистский комитет и принято обращение к немецкому народу и армии с призывом объединить усилия для борьбы с гитлеризмом и создать национальный комитет борьбы за свободную Германию.

Это обращение подписали 151 чел.

На собраниях принимались резолюции с требованием немедленного созыва конференции всех антифашистских сил и создания руководящего их органа – национального комитета.

Немецкие рядовые военнопленные прислушивались к мнению офицеров,

* Военнопленные любой национальности всегда боялись переводов в другие лагеря. Основными причинами были: страх за свою жизнь (считали, что их не переводят, а отправляют на уничтожение); боязнь расстаться со своими товарищами по плену (в лагерях содержались вместе, как правило, те, которые были пленены в одном сражении, а, следовательно, служили в одном подразделении, соединении); боялись изменения обстановки, к которой уже привыкли. – Авт.

высказываемых на этих собраниях. Фактически все зависело от позиции пленных офицеров, да и военно-политическое руководство СССР понимало, что авторитетность антифашистской организации, состоящей только из одних рядовых будет невысокой. Пленных офицеров и генералов очень волновал вопрос о будущем Германии. И это было использовано для привлечения их на позицию сторонников создания антифашистской организации. Говорилось, что будущая Германия должна быть свободной и независимой, Германией без фашизма. Такая позиция руководства лагерей для военнопленных и политработников, а также других лиц, привлеченных к агитационной деятельности среди военнопленных (представители ИККИ, сотрудники политаппарата Красной Армии, известные германисты и т.п.), импонировала основной массе пленных офицеров и солдат.

Следует сказать, что основная масса пленных офицеров, поддерживавшая идею создания антифашистской организации среди военнопленных, являлась не кадровыми офицерами, а призванными из запаса и принадлежавших к вспомогательным подразделениям вермахта (интенданты, медики, инженерный состав и т.п.). Но на данном этапе советское военно-политическое руководство интересовала, прежде всего, формальная сторона. Необходимо было срочно создать антифашистскую организацию, тем более, что при поддержке немцев советский военнопленный генерал Власов создал антибольшевистскую организацию из числа советских военнопленных, содержащихся в немецком плену.

После того как практически от всех лагерей, где содержались немецкие военнопленные, были получены обращения о необходимости созыва конферен-

ции для создания антифашистской организации, было принято решение о проведении конференции.

Народный комиссар госбезопасности СССР Меркулов (30 июля 1943 г.) направил лично Берия Л.П. специальное сообщение о создании Национального Комитета "Свободная Германия". Текст сообщения был разослан Сталину, Молотову и Щербакову. Однако поставленная цель пока достигнута не была. К тому же среди интеллигенции Советского Союза не было единого понимания по поводу создания НКСГ.

Так, например, писатель Леонид Леонов в июле 1943 г. сказал: "Обращение Комитета «Свободная Германия» – скорее дипломатический документ, а не прямое обращение к немцам. По-видимому, у нас считают удобнее говорить с союзниками не своим языком, а языком пленных немцев. Неприятно было читать в «Правде» слова, где говорилось: «над нашей родиной нависла опасность гибели и пр.». В наших народных массах едва-ли относятся доброжелательно к этому неожиданному патриотизму лейтенантов и капитанов, еще недавно выпускавших кишки нашим детям".

Более конструктивно высказался кинорежиссер Довженко: "От Комитета "Свободная Германия" до свободной Германии так же далеко, как от Москвы до Берлина.

Создание Комитета и его декларация есть, скорее всего, дипломатический ход. Создание Комитета в Москве свидетельствует о том, что мы заявляем о своем желании каким-то образом влиять на послевоенное устройство Германии.

Союзников это должно всполошить.

Сопоставляя декларацию Комитета с нашими успехами на фронте, союзники могут перепугаться того, что мы придем к границам Германии раньше их и войдем туда с лозунгами советской власти. Воспользовавшись, они поторопятся с открытием второго фронта, а нам только этого и надо. А там уже будем разбираться после.

На создание советской власти в послевоенной Германии мы не очень то рассчитываем, да и не до того нам, нам бы са-

ним вылезти из войны целыми, а без второго фронта нам не вылезти. Если создание Комитета рассчитано именно на это, то в нем может быть, и есть смысл”.

Немецкие военнопленные генералы и офицеры бывшей 6-ой армии Паулюса поставили перед собой задачу сохранить себя в плену как единое воинское подразделение со всеми требованиями устава вермахта, воинской присяги, чести и славы, военного долга и верности фюреру. Решая эту задачу, офицерский состав немецких военнопленных лагеря № 160, организовал так называемый “фашистский центр”.

Инициатором его создания был полковник Артур Бойе (бывший командир полка, сын крупного торговца, кадровый офицер, прошедший боевую школу еще во времена Зевеинга на улицах в рабочих пригородах городов Германии, бывший капитан полиции)¹.

Бойе поддерживал генерал Шмидт, бывший начальник штаба 6-ой армии. В “фашистский центр” входили также подполковник барон Эдуард фон Засс, полковник Ганс фон Арнсдорф, зондерфюрер Арнольд фон Штрицкий. Сильное влияние на офицерский состав имел полковник Адам, адъютант Паулюса.

Видя опасность антифашистской работы среди немецких военнопленных, часть, даже реакционно-настроенных, немецких генералов и старших офицеров, стала изучать труды основоположников марксизма и социализма.

Так, генерал Шмидт ночами напролет штудировал труды Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина с целью их критического анализа¹.

Проводимые мероприятия по созданию антифашистской организации среди немецких военнопленных солдат и унтер-офицеров, были более результативными, чем среди генералов и старших офицеров. Во многих лагерях, где содержались немецкие военнопленные рядового состава, прошли общие собрания, на которых собирались мест-

ные антифашистские комитеты и подписывались обращения к армии, народу и т.п.

Так, 24 июня 1943 г. в лагере № 165 на общем собрании немецких военнопленных был избран антифашистский комитет и принято обращение к немецкому народу и армии с призывом объединить усилия для борьбы с гитлеризмом и создать национальный комитет борьбы за свободную Германию. Это обращение подписали 151 человек¹.

Аналогичное общее собрание немецких военнопленных солдат было 20 июля 1943 г. и в лагере № 185.

На этом собрании была принята резолюция с требованием немедленного созыва конференции всех немецких антифашистских сил и создания руководящего ими органа – национального комитета. Резолюция была подписана 230 военнопленными солдатами¹.

Что же сдерживало военнопленных немецких офицеров от поддержки мероприятий по созданию антифашистской организации “За свободную Германию”?

Анализ и обобщение документальных материалов (прежде всего, результаты социологических исследований, самоотчеты, саморазоблачения, результаты включенного наблюдения и т.п.) позволили установить семь основных причин:

– боязнь того, что движение “За свободную Германию” будет использовано Советской властью в пропагандистских целях;

– боязнь репрессий со стороны гитлеровского правительства и его карательных органов против семей военнопленных офицеров на родине;

– боязнь того, что участие в этом движении коммунистов и политэмигрантов может привести к повторению спартакизма и революционной ситуации 1918 г. в Германии;

– надежда на возможность улучшения военно-политического положения

Германии и коренного изменения военно-политической обстановки в ее пользу;

– боязнь психологического и физического бойкота и травли со стороны части генералов и офицеров, как против предателей родины, клятвопреступников, нарушителей присяги и т.п.;

– боязнь установления в Германии социалистического строя и потери земельной и промышленной собственности, вкладов, капиталов и т.п.;

– желание, во что бы то ни стало сохранить германскую армию, свою руководящую роль в ней и господствующее положение военных в стране.

Принятие решения офицерами и генералами на участие в антифашистском движении проходило в сильнейшем психологическом напряжении.

Так, военнопленный майор Петч о своих переживаниях писал в записке на имя генерал-лейтенанта Роденбурга: "Я страшно хочу уехать куда-нибудь в такое место, где бы я мог быть в безопасности от этих мучительных мыслей о будущем"¹.

Большинство военнопленных немецких генералов и офицеров считало, что после ликвидации фашизма должна быть установлена крепкая военная диктатура в союзе с консервативными, буржуазно-помещичьими элементами. Поэтому и платформа, и состав офицеров участников движения "За свободную Германию" на первых порах отражал эти взгляды и принадлежность их к определенным социальным слоям.

К началу июля 1943 г. подготовка к созданию антифашистской организации немецких военнопленных была завершена, и 12–13 июля 1943 г. в подмосковном лагере № 27 состоялась ее учредительная конференция.

В работе конференции приняли участие немецкие военнопленные солдаты, унтер-офицеры и офицеры, а также антифашистские общественные деятели, политэми-

гранты и депутаты рейхстага, проживавшие в СССР.

На конференции выступили: ефрейтор Леопольд Гельмшрот; Отто Зинц; унтер-офицер Вюрцбергер; ефрейтор Якоб Ешборн (студент теологии и член "Святого ордена Сердце Иисуса", католик); кадровый офицер – майор Генрих Гоман; лейтенант граф Генрих фон Айнзидель (правнук Бисмарка) и многие другие.

Выступающие говорили обо всем наболевшем, пережитом на войне.

В частности, об изменении отношения у немецких солдат к Гитлеру достаточно ярко сказал Вюрцбергер: "Безграничное доверие, которое мы, германские солдаты, питали к Гитлеру, превратились после Сталинграда в безграничную ненависть!".

Антифашистская организация получила название – Национальный Комитет "Свободная Германия" (НКСГ).

Его образование было отмечено в советской прессе.

Так, в газете "Правда" от 21 июля 1943 г. было помещено информационное сообщение: "...На первом заседании Национальный Комитет единогласно избрал своим президентом известного немецкого поэта Эриха Вайнерта, первым вице-президентом – майора Карла Хетца и вторым вице-президентом – лейтенанта Генриха графа фон Айнзидель".

В состав руководства НКСГ вошли представители разных категорий военнопленных и социальных слоев: 4 кадровых офицера, 6 офицеров запаса, унтер-офицеры, рядовые, представители политической эмиграции, врачи, священники и т.п.

Центральным органом НКСГ стала газета "Свободная Германия". НКСГ принял манифест. Его подписали всем составом НКСГ в количестве 38 чел.

Сообщение центральной советской прессы о создании НКСГ вызвало широкие международные отклики. В адрес НКСГ поступил ряд доброжелательных откликов, исходивших от уже существовавших в ряде стран антифашистских организаций и прогрессивных деятелей.

В частности: Мехико, 26 июля (ТАСС). 23. 07. 1943 г. Латиноамериканский Комитет свободных немцев, находящихся в Мехико, направил НКСГ в Москву телеграмму следующего содержания: "... предлагаем включить Латиноамериканский Комитет свободных немцев в качестве его представителя, а также в распоряжение "Свободная Германия"¹.

Нью-Йорк, 27 июля (ТАСС). Писатель Оскар-Мария-Граф сделал представителю ТАСС следующее заявление: "Манифест Национального Комитета "Свободная Германия" является документом величайшей исторической и политической важности".

Совершенно иной характер носили сообщения, полученные из США, Англии и других капиталистических стран, в которых строились различные предположения о "планах Москвы", преувеличивалось сплошь и рядом значение Национального Комитета. Политические и журналистские круги этих стран высказывали различные прогнозы и предположения, чаще всего антисоветского характера.

Первыми практическими шагами НКСГ явились меры по распространению и популяризации его Манифеста.

Он был издан большим тиражом на немецком языке и сброшен с самолетов в расположение войск и в тылу противника, содержание его передавалось по радио и опубликовано в газете для немецких военнопленных "Свободная Германия".

Став, таким образом, известным всему миру и всем военнопленным, Манифест вызвал в лагерях для воен-

нопленных острую политическую борьбу между его противниками (их было большинство) и его сторонниками (их было меньшинство). Особую антисоветскую активность в связи с созданием НКСГ проявили генералы и офицеры, клеймя военнопленных, присоединившихся к нему, изменниками Гитлеру, присяге и т.п.

Так, военнопленный Пауль сказал: "Кто согласится принять участие в Национальном Комитете, тот является не немцем, а изменником. С такими людьми, когда они вернутся обратно в Германию, разговор будет коротким"².

Наряду с этим имели место и положительные отзывы.

Так, военнопленный Каффрон заявил, что "Присоединение к Комитету "Свободная Германия" военнопленных не является нарушением присяги, так как Комитет преследует цель сохранения родины и нации. Нарушение присяги фюреру не есть измена родине и народу. Отдельного человека нельзя поставить выше интересов нации и родины"³.

Слабой стороной НКСГ являлось то обстоятельство, что наряду с депутатами рейхстага от Коммунистической партии Германии в его составе не было авторитетных и широко известных высших офицеров. Это давало повод враждебной пропаганде заявлять, что НКСГ – орган коммунистической пропаганды. Этим снижались возможности его работы как в тылу врага, так и среди военнопленных.

Примечания

¹ РГВА, ф.1п, оп.23а, д.8, л.16, 19, 29, 31, 32, 345, 37, 42, 69, 63–64, 67, 71, 81, 83, 104, 105.

² РГВА, ф.1п, оп. 30 е, д.1, л.2.

³ РГВА, ф.451п, оп. 9, д.7, т. 1, л. 60, 61, 63, 66, 78, 79–80, 83–84, 85–86, 87, 89–90.

Политико-правовые основы немецкого рейха

Международной аспект

Игорь Антонов

Объединение Германии (3 октября 1990 г.) явилось важным событием не только национального характера, но и явлением международного масштаба.

Восстановление германского единства позволило решить ряд сложных проблем, возникших после окончания Второй мировой войны, по-новому определить роль и место современного немецкого государства в мировом сообществе.

Однако этому сложному процессу предшествовали события, оставившие глубокий след в истории немецкого государства, о которых периодически возникают научные и политические споры неоднозначного характера.

В первые послевоенные годы ни одна тема не вызывала столь острые дискуссии как вопрос о том, был ли ликвидирован немецкий рейх в результате безоговорочной капитуляции Германии?

Мнения по этой проблеме разделились диаметрально.

Меньшинство, возглавляемое профессором Г.Кельзенем (1881–1973 гг.), утверждало, что рейх был уничтожен как субъект международного права. К представителям этого направления относились юристы, находившиеся в движении Сопротивления нацистам.

Им был противопоставлен тезис о дальнейшем существовании немецкого рейха, утратившего свою дееспособность после подписания акта о военной капитуляции германских вооруженных сил (1945 г.), но сохранившего свою правоспособность. Этот тезис, развиваемый в различных вариантах, получил широкое распространение в научных кругах и вытеснил контртезис об исчезновении германского рейха. После 1949 г. он стал официальной доктриной ГДР.

Научный анализ работ по международному праву позволяет, в общем

АНТОНОВ Игорь Петрович окончил юридический институт МВД России, кандидат юридических наук, доцент кафедры публичного права Всероссийской академии внешней торговли.

Ключевые слова: немецкий рейх, военная капитуляция, оккупационный статут, разделение государства, внутригерманские отношения, германский вопрос, объединение Германии.

виде, представить некоторые модификации этих теорий, различных по содержанию, но одинаковых по своей сути.

1. Теории об уничтожении немецкого рейха как субъекта международного права.

Основной тезис – после капитуляции германских вооруженных сил рейх уничтожен как субъект международного права.

Теория оккупации. Основные положения исходят из учения о трех элементах государства.

На основании Акта о военной капитуляции германских вооруженных сил от 08.05.1945 г и Декларации о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии правительствами СССР, Великобритании, США и временным правительством Французской Республики (Берлинская Декларация) от 05.06.1945 г. Германия лишается одного из обязательных элементов государства – государственной власти и не может рассматриваться как субъект международного права.

Теория разделения. Основные положения исходят из учения о территории в международном праве и правопреемства государств. Основной тезис – немецкий рейх прекращает свое существование после его распада на несколько частей. Каждая часть лишена правосубъектности и правопреемства.

2. Теории о дальнейшем существовании германского государства. Основной тезис – после 1945 г. германское государство не уничтожено и не распалось. Передача власти оккупационным державам лишь подтверждает его правоспособность.

Теория основного государства. Согласно ее положениям государственная территория и территория действия конституции, юридически различные понятия. Государственная территория Германии, а соответственно, и территория

ФРГ – идентичны в пределах границ по состоянию от 31 декабря 1937 г. Напротив, территория действия конституции, то есть сфера действия Основного закона, ограничена территорией западных оккупационных властей. ГДР как новый субъект международного права, приобретает правовой статус “локального *de-facto* режима”.

Теория идентичных частей. В соответствии с ее положениями происходит отождествление территорий ФРГ и германского государства. Основной недостаток – ее представители не отвечают на вопрос: почему в этом случае полномочия федерального правительства ограничены пределами территорией бывшей западной зоны оккупации?

Теория “сжатого” государства. Как и положения предыдущей теории – отождествляются территории ФРГ и германского рейха. Сложившуюся ситуацию объясняет “сжатием” территории до размеров современного немецкого государства.

Теория “мансардного” государства. Основное содержание: германское государство в международно-правовом отношении лишилось дееспособности; правительство находится под опекой четырех держав-победительниц, временное отсутствие общего немецкого правительства. Основной вывод: ФРГ и ГДР представляют собой два правопорядка, находящихся под одной мансардой.

Содержание теорий свидетельствует о том, что их авторы отстаивали тезис о дальнейшем существовании германского рейха с целью ограничения возможности союзников вмешиваться в дела Германии. С образованием новых государств ФРГ и ГДР (1949 г.) и приобретением суверенитета в соответствии с заявлениями оккупационных властей (1954 г.) положения тезиса должны были легитимировать требования западной части Германии по воссоединению с восточной.

Аргументация представителей и сторонников теории о дальнейшем существовании немецкого рейха состояла в следующем:

1. Оккупация Германии не означала уничтожение германского государства, не лишала его государственной территории и суверенитета. Согласно Лондонскому протоколу “Об оккупационных зонах в Германии и управлении Большим Берлином” от 12.09.1944 г. и последующим соглашениям, предусматривалось осуществление полного контроля над Германией;

2. Капитуляция германских вооруженных сил не означает переход к союзникам всей полноты государственной власти. Их полномочия ограничены лишь военной сферой деятельности. Следовательно – германское государство продолжает сохранять свою правосубъектность;

3. Разделение германского государства в послевоенное время произошло против волеизъявления граждан. Следовательно – немецкий народ сохранял за собой право на восстановление германского единства, в соответствии с принципом международного права на самоопределение.

Основное противоречие между сторонниками и оппонентами о дальнейшей судьбе Германии состояло в отсутствии мирного договора.

Решения Потсдамской конференции лишь обозначили основные направления немецкого урегулирования и не являлись международным правовым актом.

“Отсутствие мирного договора превращает мир в перемирие, в перерыв между двумя военными конфликтами”, – писал советский исследователь А.А.Галкин¹.

Немецкие юристы Х.Мослер и К.Деринг полагали, что бывшие враждебные государства прекратили состояние войны со всей Германией, даже если относитель-

но этого они частично сделали заявления только по отношению к германскому государству, которое непосредственно не признавали².

Однако мирный договор, который с немецкой стороны могла заключить только дееспособная Германия как военный противник, не был заключен. Поэтому дальнейшее существование германского государства ставилось под сомнение, резонно возникали расхождения в полемике о дальнейшей судьбе немецкого рейха и его международной правосубъектности.

Профессор В.Греве утверждал, что вопрос о мирном договоре является “практически беспредметным”³ и не создает препятствий для объединения Германии. Мнение ученого вызывало большие сомнения, так как в тот период было преждевременно говорить о восстановлении германского единства.

Немецкие ученые и дипломаты, напротив, отстаивая свои позиции, обращались к положениям Основного закона. Вероятно и его составители исходили из того, что в соответствии с нормами международного права германский рейх не исчез с политической карты ни в результате самороспуска, ни – аннексии. Это положение подтверждалось и в Берлинской Декларации от 05.06.1945 г. Следовательно, если рейх не прекратил свое существование, то после 1945 г. немцы сохранили немецкое гражданство, а значит – не остались без государства. И совершенно не важно, как определяют нормы права ст. 116, проживают ли они в ФРГ или в ГДР.

Что же касается официальных мнений правительств ФРГ и ГДР, то на этапе становления этих государств они руководствовались политическими критериями целесообразности выбора той или иной модели поведения в отношении признания или отрицания существования германского рейха после окончания Второй мировой войны.

Попытка отмежеваться от теории о продолжающем свое существование немецком рейхе, предпринятая официальными кругами ГДР, не удалась. Население восточной части Германии никогда не переставало рассматривать себя частью немецкой нации. К тому же ответственность четырех держав продолжала существовать, что делало полное отделение невозможным⁴.

Отношение к вопросу о дальнейшем существовании немецкого рейха связано с возникновением двух германских государств, двух субъектов международного права. Послевоенная Германия, представляла собой всего лишь “объект” мировой политики⁵. Поэтому без ее участия Потсдамская конференция “большой тройки” в июле-августе 1945 г. принимает решения:

- о согласованной политике четырех “Д” – демилитаризация, денацификация, демократизация и декартелизация при сохранении экономического единства в стране;

- о ликвидации исторической области Пруссии и территорий на Востоке по линии Одер-Нейсе, сокращая при этом немецкую территорию на 24%;

- о разделении Берлина на 4 сектора и осуществлении высшей власти в трех, а затем в четырех оккупационных зонах командующими вооруженных сил.

Идеологические разногласия между СССР и западными союзниками способствовали восстановлению национального суверенитета Германии. Оккупированные Великобританией и США части Германии 1 января 1947 г. объединяются в совместную зону – Бизонию. А уже 8 апреля 1949 г. к единому западногерманскому экономическому пространству по англо-американскому образцу присоединяется Франция. Так возникает Тризония – будущая Западная Германия.

Весной 1948 г. в Лондоне на уровне послов собрались представители США,

Великобритании, Франции, Бельгии, Голландии и Люксембурга. Конференция приняла решения о преобразовании западных зон в самостоятельное государство и создании временного западногерманского правительства. Решения конференции в виде рекомендаций были вручены 1 июля 1948 г. председателям земельных правительств западной зоны оккупации во Франкфурте-на-Майне. Их содержание определяло новое территориальное деление будущего государства и необходимость созыва Учредительного собрания для разработки проекта демократической федеральной конституции.

Рекомендации “Франкфуртских документов” обсуждались на состоявшемся 8–10 июля 1948 г. совещании премьер-министров в Кобленце. Итоговые решения сводились к двум ключевым положениям:

- будущую конституцию предлагалось назвать Основным законом⁶;

- обсуждать его должен Парламентский совет, созданный из представителей ландтагов.

Для ускорения создания немецкого государства одним из решений Вашингтонской конференции министров иностранных дел США, Великобритании, и Франции, состоявшейся 5–8 апреля 1949 г., было принятие Оккупационного статута, который должен был стать соглашением между тремя западными державами с западногерманским государством. Его положения устанавливали право ФРГ для формирования системы законодательных, исполнительных и судебных органов на уровне федерации и земель. В компетенции оккупационных властей оставались вопросы экономики, политики и безопасности, а также контроль над внешней торговлей.

24 мая 1949 г. на территории ФРГ вступил в действие Основной закон. А день его провозглашения – 23 мая –

стал официальным днем образования Федеративной Республики Германия.

В Восточной зоне последовала ответная реакция. Немецкий народный совет (30 мая 1949 г.) одобрил Конституцию Германской Демократической Республики, которая вступила в действие 7 октября 1949 г.

Первоначально, в обоих немецких государствах раздел Германии воспринимался как временное явление. Конституция ГДР 1949 г. ориентировалась на идею единого германского государства, закрепляя положение о том, что "Германия является неделимой демократической республикой"⁷. Но, уже из преамбулы и ее текста (в редакции 1974 г.), были устранены все указания на "немецкую нацию" и на возможное объединение двух немецких государств. Ввиду изменения политического курса ГДР она стала именоваться "социалистическим государством рабочих и крестьян"⁸.

Независимо от государственной идеологии, принятой в ФРГ и ГДР, бесспорным оставался факт образования двух немецких государств с ограниченным суверенитетом. В мировом сообществе они стали признаваться как самостоятельные субъекты международного права.

Осуществляя важнейшие для себя внешнеполитические задачи в условиях "холодной" войны, оба государства стремились добиться для себя суверенитета и безопасности. 26 мая 1952 г. между западными союзниками и ФРГ был заключен так называемый "Германский договор" (Договор об отношениях между ФРГ и тремя державами).

Согласно ст. I. этого договора, Федеративной Республике Германия предоставлялось право полномочного суверенного государства в его внутренних и внешних делах, за исключением прав, которые оставили за собой союзники.

Своего рода аналогом этого договора было признание Советским Союзом суверенитета ГДР.

В октябре 1954 г. состоялось подписание Парижских соглашений о приеме ФРГ в Западноевропейский союз и НАТО и о прекращении оккупационного режима. После вступления соглашений в силу (5 мая 1955 г.) был провозглашен суверенитет ФРГ. В январе 1955 г. СССР заявляет о прекращении войны с Германией.

О международном признании немецких государств как равноправных субъектов в наибольшей степени свидетельствует факт их вступления в военно-политические блоки.

ФРГ становится членом НАТО 9 мая 1955 г., а ГДР – членом Организации Варшавского Договора 14 мая 1955 г.

Важной составляющей, характеризующей деятельность ФРГ и ГДР в мировом сообществе, являлись правоотношения между ними.

Федеральное правительство ФРГ расценивало эти отношения как внутригосударственные.

Согласно решению Федерального Конституционного суда: "ГДР относится к Германии и не может по отношению к ФРГ рассматриваться как заграница"⁹.

Испытывая идеологическое влияние со стороны Советского Союза, правительство ГДР отвергало любые "внутригерманские" отношения подобного рода.

Политика отмежевания, проводимая Э.Хонекером, была обозначена в часто цитируемой в то время речи, произнесенной перед солдатами Национальной народной Армии: "Совершенно бессмысленно, что в ФРГ некоторые личности размышляют о прежней платформе так называемых "внутригерманских отношений". О подобных "отношениях" не может быть и речи... Государства относятся друг к другу так, как каждое из них относится к любому

третьему государству. Таким образом, ФРГ – не больше чем заграница, империалистическая заграница”¹⁰.

Вместе с тем, Правительство ГДР сдержанно отнеслось к заключению Московского договора между ФРГ и СССР (12.08.1970 г.).

В заявлении от 14.08.1970 г., отмечалось: “Совет министров ГДР констатирует: договор между ФРГ и СССР закрепляет в обязательной, с точки зрения международного права, форме неприкосновенность государственной границы между ФРГ и ГДР и неукоснительное уважение территориальной целостности также государства ГДР.

Таким образом, нормализация отношений между ФРГ и ГДР на равноправной основе стала реально выполнимой задачей. Обязательства, содержащиеся в договоре между ФРГ и СССР, следовательно, “требуют теперь установления нормальных дипломатических отношений между ГДР и ФРГ”¹¹.

Исторической вехой в отношении между германскими государствами стал Договор об основах отношений между ГДР и ФРГ от 21.12.1972 г.

Согласно этому акту ФРГ признавала ГДР как субъекта международного права, а тем самым и ее правительство как своего законного партнера по переговорам. Взаимное международное признание предоставило возможность для принятия обоих государств в сентябре 1973 г. в Организацию Объединенных Наций и признания ГДР западными странами.

К началу 1978 г. Германскую Демократическую Республику в международно-правовом отношении признали 123 государства.

Вместе с международным признанием двух немецких государств на мировом уровне продолжали обсуждать идеи об объединении Германии.

Их юридическое оформление было отражено в дополнениях к актам Европейского сообщества, среди которых особое значение в международно-правовом отношении придавалось Протоколу “О внутренней германской торговле и связанных с этим вопросах” от 25.03.1957 г.

Положения этого документа определяли внутреннюю германскую торговлю как торговлю между землями, указанными в Основном законе ФРГ и германскими областями, находящимися за пределами пространства его действия. Таким образом, юридически устанавливалось, что экономические связи ГДР и ФРГ не относятся к разряду внешней торговли, а оба немецких государства не являются иностранными государствами по отношению друг к другу.

Учитывая все фактические обстоятельства, можно утверждать, что после окончания Второй мировой войны в зонах военной оккупации на территории бывшей Германской империи были созданы два субъекта международного права – Федеративная Республика Германия и Германская Демократическая Республика. Основной причиной их возникновения явилась противоположность идеологических интересов западных держав и СССР. Обе стороны представляли себе единую Германию с выгодной им государственной системой, в то время как политическое руководство двух германских государств было лишено права выбора. И хотя сам факт существования ФРГ и ГДР не сразу был признан всеми членами мирового сообщества, оба они стали суверенными государствами и равноправными партнерами.

Но нельзя было не принимать во внимание, что в преамбуле Основного закона ФРГ от 23.05.1949 г. провозглашается идея национального и государственного единства немцев. Это озна-

чало, что немецкая нация сохраняла за собой, закрепленное в право на самоопределение, то есть право бороться за единство своей нации мирными средствами.

Лишь спустя время, когда назрела культурно-историческая, социально-экономическая, политическая, национальная и, наконец, правовая необходимость разрешения “германского вопроса” во всей совокупности его проявлений, а Германия и мировое сообщество были готовы принять подобные изменения, появилась реальная возможность ведения переговоров на взаимной основе для достижения наиболее благоприятного результата.

Заключительный этап правового урегулирования процесса объединения Германии был осуществлен посредством заключения международно-правовых договоров и принятия нового законодательства в обоих германских государствах. В этом процессе существенную роль играл не только внешнеполитический курс держав-победителей по отношению к германским государствам, но и германо-германские отношения, рассматриваемые как с позиции межгосударственных, так и внутригосударственных. Они явились неотъемлемым звеном в этом многогранном процессе, во многом определив характер объединения ФРГ и ГДР.

Объединение Германии не привело к возникновению нового государства. Процесс германского единства происходил в достаточно сжатые сроки. Это было обусловлено готовностью мирового сообщества и обоих германских государств к решению существующего долгие годы “германского вопроса”. Результатом объединения явилось окончательное послевоенное урегулирование правового статуса единой Германии, правового закрепления единства немецкой нации, ее правосубъектности и правопреемственности как равноправного партнера в международных отношениях.

Относительно проблем, связанных с территориальной завершенностью единой Германии и идеи германского рейха, то “*de iure*” они урегулированы.

Что же касается “*de facto*”, то в данном случае следует учитывать, что историческая память это единственный вид памяти, который не стирается. На современных политических, физических и других картах, издаваемых в ФРГ, географические наименования обозначаются такими, какими они были во времена германского рейха. Предложенный в 1978 г. немецким исследователем К.Шмидом вариант их унификации на международном уровне представлялся утопичным и не нашел практического применения¹².

Примечания

¹ Галкин А.А. Перемирие или мир? // Новое время. 1961. № 3. С. 7–8.

² Mosler H., Doehring K. Beitrage zum ausländischen öffentlichen Recht und Völkerrecht // Zeitschrift für ausländische öffentliches Recht und Völkerrecht. Köln. 1963. Bd. 37. S. 1.

³ Grewe W. Wenn der Wille zur Einheit erlamt // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 24.10. 1983. S. 11.

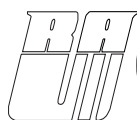
⁴ Штуби Г. Международно-правовые аспекты немецкого объединения // Советское государство и право. 1991. № 10. С. 87–98.

⁵ Дроз Ж. История Германии. (Пер. с фр. Б.А. Шуринова). М.: АСТ: “Астрель”, 2005. С. 128.

⁶ Benz W., Moos D. (Hrsg.). Das Grundgesetz und die Bundesrepublik Deutschland 1949–1989. Verlag Moos und Partner Rehm Verlag. München. 1989. S. 21

⁷ Конституция Германской Демократической Республики от 30.05.1949 г.

- ⁸ Конституция Германской Демократической Республики от 06.04.1968 г. в редакции от 27.09.1974 г.
- ⁹ Verträge zur Einheit Deutschlands. München: Deutscher Taschenbuch Verlag. 1990. S. IV.
- ¹⁰ Vertrag über die Beziehungen zwischen Bundesrepublik Deutschland und den Drei Mächten vom 26.05.1952.
- ¹¹ Vertrag zwischen Bundesrepublik Deutschland und der Union der Sozialistischen Sowietrepubliken (Moskauer Vertrag) vom 12.08.1970. Art. 3.
- ¹² Schmid K. Ortsbezeichnungen im Völkerrechtsverkehr. Berichte des Bundesinstituts für ostwissenschaftliche und internationale Studien. Verlag Institut Köln-Oktober, 1978. S. 13.

ОБЗЕРВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
ОBSERVER E-mail:observer@nasled.ru

*Íà ñà é òà Áû ìàéääò á èíôíðìàöèþ î ìå÷-àðíúð
 è ýëääò ðíííúð èçüàíèýð ÍÍÍ «ÐÀÓ-Óíè àáðñèðòò»:*

- æóðíàè «Íáíçðááààðäèü-Observer» (1992–2008 ää);
- «Ñíáðáíáíáý ìèèðè-àñèäý èñòíðèý Ðí ññè» – «Õðííèèà» (1985–2008 ää) íà CD-àèñèà;
- ýëàèððííáý ááðñèý «ÐÀÓ-Íðáññ» (áíèää 230 òñ. ìðèçáí àèðáèáé ðí àáðíà è óñèóá);
- éíè æííà èçüàíèè «Ðàðíáý ñèàáà Íðá-áñðàà» á 6 òí ì äó;
- èíôíðì àöèý è áíàèèèèèè.

Требования к материалам, представляемым для публикации в журнале “Обозреватель–Observer”

Статьи представляются на CD в программе Word вместе с распечаткой.

При пересылке по E-mail текст дается Кг. 14 через 1,5 интервала.

Общий объем статьи не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Текст статьи должен быть структурирован.

Ссылки на источники должны даваться только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, причем они должны быть привязаны к тексту с указанием выходных данных и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию на русском языке, отражающую основные идеи материала, ключевые слова.

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или TIF.

При пересылке материала по E-mail требования по форме представления материала сохраняются.

В сопроводительном письме в редакцию необходимо указать краткие сведения об авторе (фамилию, имя и отчество, образование, ВУЗ, ученую степень, другие звания, место работы, должность и контактные телефоны).

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень введен в действие с 1 января 2007 года.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
 Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.
 Подписной индекс **47653** в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.
 ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@nasled.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>
 Подписано в печать 18.08.2008. Формат 70x100¹/₁₆. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Джей Ти Принт». Заказ № 160.